

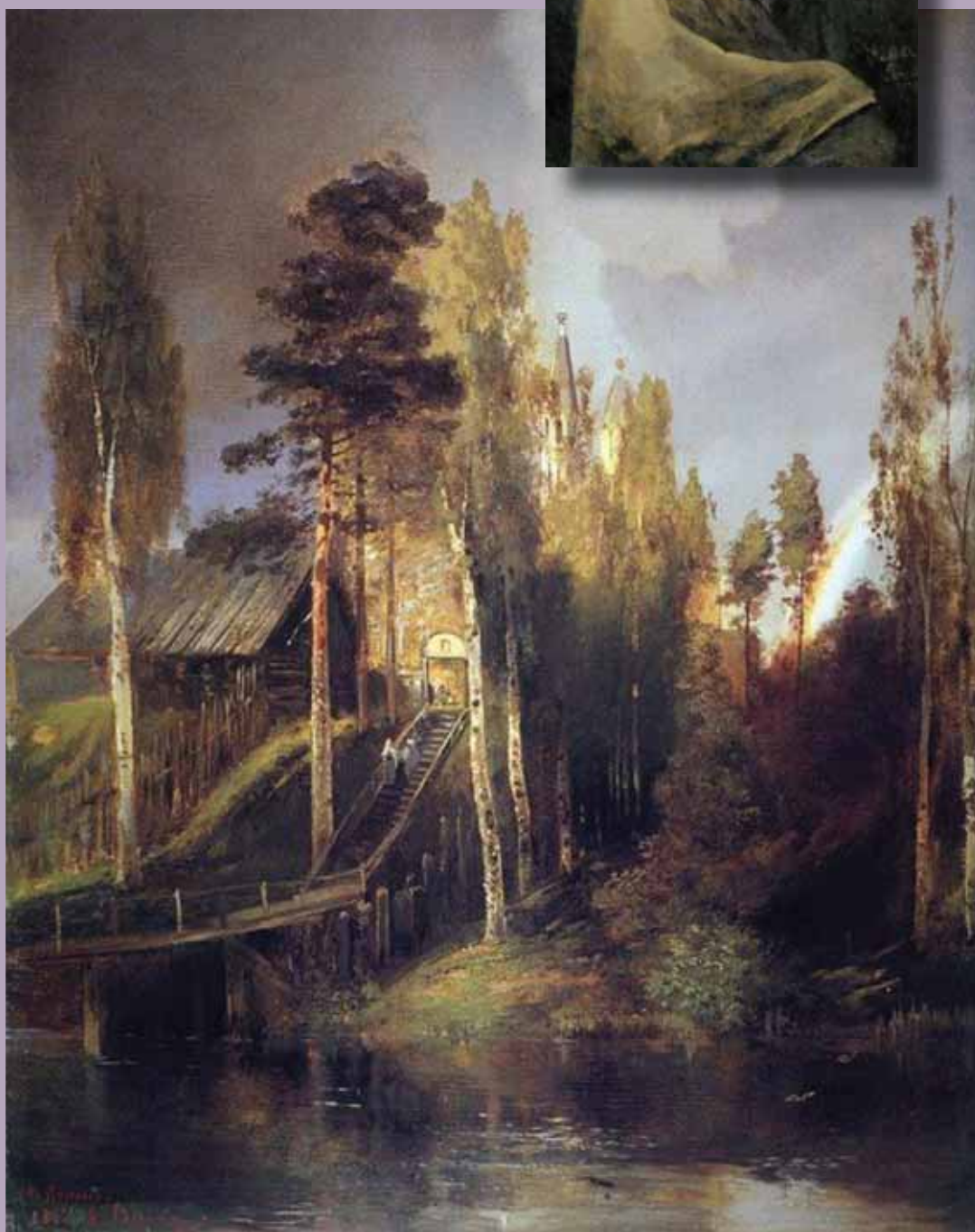
СМЕНА

№7 ИЮЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

О жизни и творчестве художника Алексея Саврасова
читайте на стр. 65

Год литературы

Денис Логинов **Наказание без преступления**4

Литературные страницы МСПС

Иван Переверзин **Южная страсть**.....24

Леонс Бриедис **Стихи** 45

Владимир Карпов **Астафьев. Застолье
с Виктором Петровичем** 50

Михаил Дадышев **Две притчи** 94

Виктор Власов **История одной любви** 112

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Маршал Будённый** 32

Шедевры

Ирина Опимах **Алексей Саврасов.
Триумф и падение** 65

Замечательные современники

Елена Воробьева **Юлия Пересильд.
«Все, что сделано человеком
с Любовью, будет иметь успех»**..... 77

Евгения Гордиенко **Любимая «Мымра»** 102

Татьяна Харламова **И снова парусник во льдах**..... 130

Это интересно

Алла Зубкова **Человек, который
заставил говорить камни**..... 82

Детектив

Андрей Дышев **Дальнобойщица**136

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизиллов Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актриса театра и кино
Юлия Пересильд.
Сцена из спектакля «Киллер Джо».
Фото Калина Николова

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8300

Зак. №9097

Цена свободная

Номер подписан в печать: 25.06.2015

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« Николай Щорс был вычеркнут из официальной истории Гражданской войны сразу после своей гибели, но... в середине 1930-х годов был снова возвращен в нее. И по заслугам. Несомненно, он был талантливым и смелым воином, жестким командиром. За каких-то полтора года юный Щорс прошел путь от руководителя разношерстного партизанского отряда до командира крупной дивизии. За ним не числится каких-то эпохальных сражений и побед, тем не менее, в советские времена его имя было овеяно ореолом славы.

Илья **Рюмин** «Приказано — обессмертить»

« Этот удивительный человек прожил короткую и очень яркую жизнь. Яркую — потому что она была насыщена непрерывным процессом познания людей и любви к ним. А короткую — потому что, будучи сам врачом, он отлично понимал, что болен и скоро умрет, да все не находил времени заняться собственным здоровьем.

Многие, знавшие его, говорили: «Посидишь только около Чехова, хоть молча, и то уйдешь обновленным человеком...»

Денис **Логинов** «Человек будущего»

« Она дожила до 85-ти лет, сохранив твердость характера, ясный ум и бодрость духа, и всего на несколько месяцев пережила страну, которой служила верой и правдой. Только тогда, незадолго до развала Советского Союза, председатель КГБ Владимир Крючков впервые рассказал иностранным журналистам об одном из лучших сотрудников советской внешней разведки за всю ее историю и назвал имя этого «суперразведчика» — Зоя Воскресенская.

Юрий **Осипов** «Мадам "совершенно секретно"»

« Ей суждено было стать первой русской самодержавной царицей после смерти супруга, царя Федора Иоанновича. Но... она этого «не возжелала». Номинально побыв царицей неделю, Ирина приняла постриг в Новодевичьем монастыре как инокиня Александра, и уже не покидала монастырских стен до самой своей смерти.

Светлана **Бестужева-Лада** «Любезная в царицах Ирина»

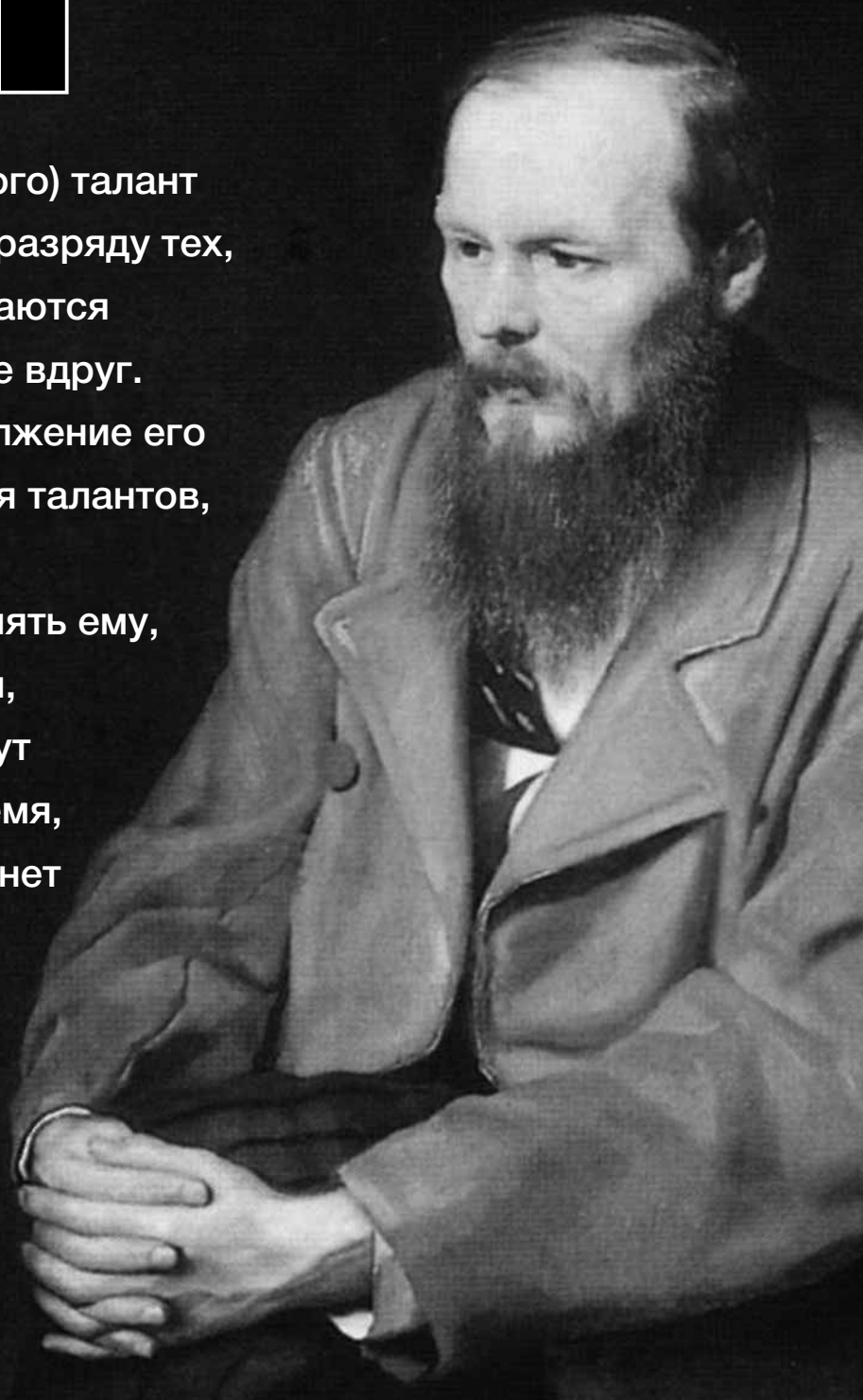
« Иронический детектив Елены **Колчак** «Заставь дурака Богу молиться...»

Денис
Логинов

Наказание

Его (Достоевского) талант принадлежит к разряду тех, которые постигаются и признаются не вдруг. Много, в продолжение его поприща, явится талантов, которых будут противопоставлять ему, но кончится тем, что о них забудут именно в то время, когда он достигнет апогея своей славы.

*Белинский.
Отечественные
записки, 1846
(статья
о «Двойнике»)*

без

Действительно, начиная с 1921 года (столетие со дня рождения Достоевского), писатель стал невероятно популярен на Западе. Никого из иностранных авторов не переводят с такой охотой, никого не переиздают в таком огромном количестве, никого с таким жаром не читают и не изучают, как Достоевского.

преступления

Для одних иностранных исследователей Достоевский почитается глубочайшим символом «русского революционного духа», а для других он, прежде всего, гениальный художник, оказавший огромное влияние на многих писателей и мыслителей, таких как Шпенглер, Камю, Цвейг, Хемингуэй. Ницше называл Достоевского «величайшим открытием своей жизни», а Курт Воннегут говорил: «Если вы хотите все знать о жизни, то прочтите Братьев Карамазовых».

У самих же русских отношение к Достоевскому, мягко говоря, своеобразное. Во-первых, потому, что чья-то «светлая» голова в свое время додумалась запихнуть сложнейшего писателя в школьные программы по литературе. А, во-вторых, любить его сложно, а признаться в том, что не любишь, вроде бы не совсем прилично, скажут — некультурный, неинтеллигентный, не дорос до настоящей литературы. И все же постараюсь рассказать о нем и его творчестве как можно более объективно.

Кстати, в процессе сбора материалов для эссе обнаружилась еще одна интересная деталь. Многие считают, что Достоевский — уроженец Петербурга, его идеальное рождение, дитя города, из которого не так-то просто выбраться, попавши туда — ты будто в паутине и в то же время сам паук. Вообще этот город колдовской. Говорят, что среднестатистический петербуржец может отличить до двух тысяч оттенков серого...

«...Петербург — город полусумасшедших. Редко где найдется столько

мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как здесь. Я ... люблю Петербург, этот город мистический, пропитанный туманной неясностью, невыносимый, болотистый, проверяющий тебя на прочность, на пригодность для взаимного доверия...»

Это уже определение самого Достоевского, который родился и вырос вовсе не на берегах Невы, а в куда более прозаической Москве. Правда, не в самой благополучной семье: над безропотной матерью семейства и семерыми детьми неотступно витал угрюмый дух отца — человека «нервного, раздражительно-самолюбивого», вечно занятого делами, точнее, больными людьми. Михаил Андреевич Достоевский был военным лекарем (кстати, участником Отечественной войны 1812 года), а после выхода в отставку стал врачом московской Мариинской больницы для бедных. В 1828 году он получил звание потомственного дворянина, но это мало что изменило в его характере. Дети воспитывались в страхе и повинении, по традициям старины, проводя большую часть времени на глазах родителей. Редко выходя за стены больничного здания, они с внешним миром очень мало общались, разве только через больных, с которыми Федор Михайлович, тайком от отца, иногда заговаривал. Сомнительно полезное общение для ребенка, который только-только начинает познавать жизнь.

Самые светлые воспоминания уже позднего детства были связа-

ны у Достоевского с деревней — небольшим имением, которое родители его купили в Каширском уезде Тульской губернии в 1831 году, а через два года прикупили соседнюю деревню. Семья проводила там летние месяцы, обычно без отца, и дети пользовались почти полной свободой.

В 1833 году Достоевский был отдан в полупансион Н.И. Драшусова, а затем посещал частный пансион Л.И. Чермака, воспоминания о котором послужили впоследствии материалом для многих произведений писателя. О Достоевском-пансионере рассказывал его соученик В.М. Каченовский:

«...это был серьезный, задумчивый мальчик, белокурый, с бледным лицом. Его мало занимали игры: во время рекреаций он не оставлял почти книг, проводя остальную часть свободного времени в разговорах со старшими воспитанниками пансиона...».

В 1837 году умерла еще сравнительно молодой мать Достоевского — Мария Федоровна. Мистическим образом это совпало с известием о смерти Пушкина, которую он тоже воспринял как личную потерю.

Брат писателя Андрей Михайлович писал:

«...брат Федя в разговорах со старшим братом несколько раз повторял, что ежели бы у нас не было семейного траура, то он просил бы позволения отца носить траур по Пушкину».

Еще легкий, почти незаметный, но уже — надрыв. Еще почти це-

*Михаил Андреевич Достоевский —
отец Федора Михайловича*

ликом выдуманная, но уже — трагедия.

Отец после смерти жены вышел в отставку и поселился в Даровом. Спустя два года он скоропостижно скончался: по документам — умер от апоплексического удара, по воспоминаниям родственников и устным преданиям — был убит своими крестьянами.

Именно со смертью отца связан первый приступ эпилепсии, которая преследовала Федора Михайловича до конца жизни. Так что, скорее всего, устное предание было правдивым, тем более что старый барин был охоч до женского пола и приставал ко всем мало-мальски смазливый крестьянкам.

В мае 1837 года Федор с братом Михаилом уехал в Петербург и посту-

*Мария Федоровна Достоевская —
мать Федора Михайловича*

пил сначала в приготовительный пансион К.Ф. Костомарова, а затем — в Главное инженерное училище, обычный день в котором он описывал как «каторжные годы» учения: «...с раннего утра до вечера мы в классах едва успеваем следить за лекциями. ...Нас посылают на фрунтовое ученье, нам дают уроки фехтованья, танцев, пенья ...ставят в караул, и в этом проходит все время...»

Действительно, каторга: учиться фехтовать, петь, танцевать, да еще, изверги, в караул ставят. А ведь еще по дороге в Петербург Достоевский мысленно сочинял... нет, не «Идиота» и не «Братьев Карамазовых», а «роман из венецианской жизни». И вдруг оказалось, что на это времени не хватает...

*Федор
Михайлович
в юные годы*

Но и на каторге, то есть в училище вокруг Достоевского образуется литературный кружок. Сохранились воспоминания современников о том, как на одном из вечеров он читал отрывки из двух своих драматических произведений — «Марии Стюарт» и «Бориса Годунова», а брату сообщал о работе над драмой «Жид Янкель». Рукописи драм не сохранились, но уже из их названий вырисовываются литературные

увлечения начинающего писателя: Шиллер, Пушкин, Гоголь.

О хлебе насущном думать не приходилось: после смерти отца родственники матери писателя взяли на себя попечение о младших братьях и сестрах Достоевского, а Федор и Михаил получили небольшое наследство. По окончании училища в конце 1843 года Достоевский был зачислен полевым инженером-подпоручиком в Петербургскую инже-

нерную команду. Каторга закончилась, но...

Но, как выяснилось, началась другая: работа, на которую нужно было являться ежедневно и заниматься конкретным делом. Так что уже в начале лета 1844 года, решив всецело посвятить себя литературе, Достоевский подал в отставку и уволился в чине поручика.

В январе 1844 года он закончил перевод повести «Евгения Гранде» Бальзака, которым тогда особенно увлекался. Перевод стал первой опубликованной литературной работой Достоевского, а второй был уже собственный роман «Бедные люди», над которым он долго и кро-

ционным зрителем» Пушкина и «Шинелью» Гоголя, из которой, похоже, действительно вышли все русские писатели.

Он прочитал роман «Бедные люди» своему другу — литератору Григоровичу, который, в свою очередь, показал его Н.А. Некрасову, а тот, со словами «Новый Гоголь явился!», отнес книгу В.Г. Белинскому.

Восхищенный Виссарион Григорьевич позвал к себе автора и сказал:

«Да вы понимаете ли сами-то, ... что вы такое написали! Не может быть, чтобы вы, в ваши двадцать лет, уже это понимали... Вам правда открыта и возведена как художни-

ногие считают, что Достоевский — уроженец Петербурга, его идеальное порождение, дитя города, из которого не так-то просто выбраться. На самом же деле он родился и вырос не на берегах Невы, а в куда более прозаической Москве

потливо работал и который имел исключительный успех.

Достоевский создал реалистическую картину жизни «забитых» обитателей «петербургских углов», галерею социальных типов, от уличного нищего до «его превосходительства». Ничего подобного до того времени не писалось: литература недаром считалась изящным искусством, хотя критики усмотрели в романе прямую связь со «Стан-

ку, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!»

Впоследствии Федор Михайлович вспоминал: «Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни».

После «Бедных людей» писатель создал целый цикл произведений, показывающих жизнь различных слоев общества: повести «Двойник», «Хозяйка», «Роман в девяти письмах»,

«Господин Прохарчин», «Ползунов», но все они не имели такого успеха у читающей публики и критики, как первый роман. В это же время он приступил к работе над романом «Неточка Незванова».

Как-то весной к нему на Невском проспекте подошел какой-то незнакомец в черном плаще и спросил:

— Какая идея вашей будущей повести, позвольте спросить?

Незнакомец этот оказался бывшим служащим министерства иностранных дел М.В. Буташевичем-Петрашевским, который был известен в Петербурге своими «пятни-

офицеры, литераторы, чиновники, художники. Начиная с весны 1847 года, постоянным членом кружка «петрашевцев» стал и Достоевский, даже не предполагавший, что такое приятное знакомство и времяпрепровождение повлечет за собой катастрофические последствия.

Первоначально на этих собраниях обсуждались политические, социально-экономические, литературные и другие проблемы, затем незаметно перешли и к обсуждению возможности насильственного свержения власти. Подумывали о создании собственной, неподвластной цензуре

П

еревод повести «Евгения Гранде» Бальзака стал первой опубликованной работой Достоевского. А второй стал его собственный роман «Бедные люди», над которым он долго и кропотливо работал и который имел исключительный успех

цами». Убежденный последователь французского социалиста-утописта Шарля Фурье, Петрашевский пытался пропагандировать его идеи в России. Разрабатывал программы освобождения крестьян с земель, размышлял об образовании, организации республиканского государства, юридических новшествах. Принял деятельное участие в подготовке «Карманного словаря иностранных слов» Н. Кириллова.

Свою деятельность он считал абсолютно легальной. В его кружок входили студенты, преподаватели,

типографии, где печатались бы прокламации. А вот это уже попахивало крамолой, о чем участники кружка, похоже, не задумывались.

Федор Михайлович был сторонником отмены крепостного права и отмены цензуры над литературой, но, в отличие от остальных «петрашевцев», слыл ярким противником насильственного свержения существующей власти.

Рано утром, в 4 часа 23 апреля 1849 года, к Федору Михайловичу Достоевскому, по личному приказу тогдашнего царя Николая I пришли

жандармы, арестовали его и заключили в Петропавловскую крепость. Вместе с ним было арестовано еще несколько десятков «петрашевцев».

Формально Достоевского арестовали за то, что на одной из «пятниц» писатель читал знаменитое письмо Белинского к Гоголю с резкой критикой «Выбранных мест из переписки с друзьями». Это и стало одним из главных пунктов обвинения, поскольку о планах создания тайной типографии следствие не узнало.

Восемь месяцев он провел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости под следствием, во время которого был признан «одним из важнейших» (!) среди «петрашевцев», виновным в «умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка».

В объяснении следственной комиссии по делу Петрашевского Достоевский писал:

«В чем проявилось мое вольнодумство? В том, что я говорил вслух о таких предметах, о которых другие считают долгом молчать».

Тем не менее, первоначальный приговор военно-судебной комиссии гласил:

«...отставного инженер-поручика Достоевского, за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, лишить чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием».

Но лично император Николай I добавил: *«Объявить о помиловании лишь в ту минуту, когда все будет готово к исполнению казни».*

22 декабря 1849 года Достоевский вместе с другими ожидал на Семёновском плацу исполнения смертного приговора. До смерти оставалось несколько минут. Троих уже привязывали к серым столбам, прозвучала команда, он увидел, как солдаты подняли ружья наизготовку.

А затем под барабанную дробь прозвучали отрывистые слова о замене его величеством смертной казни на 4 года каторжных работ, с лишением дворянского звания и последующей ссылкой в рядовые.

Федору Михайловичу Достоевскому в то серое петербургское утро 22 декабря 1849 года было, всего-навсего, 27 лет.

«Казнь» Достоевского и «петрашевцев»

Ночью 24 декабря он в кандалах был отправлен из Петербурга в Сибирь. Не этапом — отдельно, поэтому путешествие в кибитке с охранником оказалось не слишком долгим. 10 января 1850 года арестант прибыл в Тобольск, где встретился с женами декабристов — П.Е. Анненковой, А.Г. Муравьевой и Н.Д. Фонвизиной. Фонвизина подарила ему Евангелие (другие книги на каторге были запрещены), которое он хранил всю жизнь.

Четыре года Достоевский отбывал каторгу «чернорабочим» в Омской крепости — свою жизнь в сибирской тюрьме он позднее описал в книге «Записки из мертвого дома».

А в Петербурге друзья и знакомые отчаянно хлопотали о смягчении участи писателя. И небезуспешно. В ноябре 1855 года Достоевский был произведен в унтер-офицеры, затем — в прапорщики и переехал в Семипалатинск.

Он был уже весьма известным в своих кругах, благодаря чему стал другом областного прокурора Врангеля.

Это дало Федору Михайловичу возможность бывать в местном высшем обществе и получить офицерский чин, а немногим ранее ему было возвращено потомственное дворянство и право печататься, но полицейский надзор над ним сохранялся до 1875 года.

В 1857 году произошли изменения в личной жизни писателя: Федор Михайлович женился на вдове М.Д. Исаевой, которая, по его словам, была «женщина души самой возвышенной и восторженной ... Идеалистка была в полном смысле слова ... и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок».

«Идеалистка» долго колебалась, не говорила ни «да», ни «нет», совершенно измучив этим Достоевского. Но состоявшийся, наконец, брак не стал счастливым: у Марии Дмитриевны был далеко не ангельский характер, и жизнь с «совершенным ребенком» оказалась нелегкой.

Зачем нужно было жениться на не слишком молодой, восторжен-

лись две «провинциальные» комические повести — «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Однако современная критика не оценила и обошла почти полным молчанием эти первые произведения «нового» Достоевского. Признание они получили много позже.

18 марта 1859 года Достоевский ушел в отставку в чине подпоручика и получил разрешение жить в Твери (с воспрещением въезда в Петербургскую и Московскую губернии). Но уже в конце года шеф жандармов известил тверского губернатора о том, что ему разрешено жить в Петербурге, куда Федор Михайлович с семьей и переехал.

С

о временем Достоевский стал постоянным членом кружка «петрашевцев». Он даже не предполагал, что такое приятное, на первый взгляд, знакомство и времяпрепровождение повлечет за собой катастрофические последствия, и в результате он окажется в Петропавловской крепости. Вместе с ним были арестованы еще несколько десятков «петрашевцев»

ной идеалистке с ребенком от первого брака на руках, сложным характером и совершенно не понимавшей своего нового мужа? Думаю, ответа на этот вопрос не знал и сам Федор Михайлович.

Став офицером, он получил, наконец, вождеденную возможность писать и за короткое время появи-

По возвращении из Сибири писатель горел желанием поведать всем о своем новом миропонимании, сложившемся после каторги. Он начал фактически руководить политическим журналом «Время», который был основан его братом Михаилом в 1861 году. И первое крупное произведение, написанное им после

ссылки — «Униженные и оскорбленные», — было опубликовано именно в первых номерах «Времени» в начале 1861 года.

Достоевский писал:

«Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека русского большинства и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону. Трагизм состоит в сознании уродливости. Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!»

Почти в то же время вышло в свет художественное произведение «Записки из Мертвого дома», которое имело огромный успех. В Сибири, по признанию Достоевского, изменились «постепенно и после очень-очень долгого времени» его убеждения. Скептически относясь к революционным путям преобразования России и Европы, он высказывал эти сомнения в художественных произведениях и статьях, в резкой полемике с публикациями «Современника». Суть возражений писателя — возможность после реформы сближения правительства и интеллигенции с народом, их мирного сотрудничества.

Но в апреле 1863 года журнал «Время» был закрыт цензурой за статью «Роковой вопрос», посвященную польскому восстанию, которую написал сотрудник журнала Н.Н. Страхов.

Четырехлетняя каторга и солдатчина сказались на здоровье писателя. Он страдал эпилепсией, не все ладно было и с легкими. В июне 1862 года Достоевский впервые выехал за границу, посетил Германию, Францию, Швейцарию, Италию, Англию.

В Париже он встретился с А.П. Суловой, драматические взаимоотношения с которой получили отражение в романах «Игрок», «Идиот» и других произведениях. Молодая и пылкая Аполлинария Сулова очень тяготела ко всему революционному и сразу влюбилась в недавно отбывшего наказание по политическому делу Достоевского. Она была не чета болезненной Марии Дмитриевне, которая часто уезжала то на лечение, то к ненормальному сыну от первого брака, то к родителям.

Аполлинария разбудила в Достоевском те чувства, про которые он давно уже забыл, равно как и забыл о том, что женат: Федор Михайлович предложил своей любовнице руку и сердце. Предложение, по понятным причинам, принято не было, но они совместно путешествовали по Европе целых 2 месяца. Неизвестно, чем закончилось бы дело, но Федор Михайлович в Баден-Бадене проиграл в рулетку все, включая драгоценности Аполлинарии, и она рассталась с ним.

К сожалению, Достоевский до конца жизни не избавился от своего пристрастия к азартным играм, что большинство исследователей его жизни и творчества считали

признаком страстной природы: ведь и Пушкин проигрывался в карты «дотла», и Некрасов, сострадая в стихах крепостным крестьянам, проигрывал своих в преферанс.

До весны 1871 года Достоевский продолжал периодически посещать игорные дома, во вред себе и своим родным. Впрочем, он сам очень красочно описал эту страсть в романе «Игрок», где прототипом Полины стала Аполлинария Сулова, с которой Федор Михайлович переписывался до мая 1867 года.

Свои другие впечатления о жизни за границей он передал в письмах на родину:

«Если в России идет борьба за раскрепощение народа, за буржуазные права и свободы, то здесь все это есть. На Западе везде свобода. Но что такое liberte? Свобода, какая свобода? Одинаковая свобода всем делать что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно».

1864 год стал для Достоевского годом тяжелых утрат. 15 апреля умерла от чахотки его жена. Личность Марии Дмитриевны, как и обстоятельства их брака, были неоднократно описаны во многих произведениях Достоевского (в частности, в образах Катерины Ивановны — «Преступление и наказа-

ние» и Настасьи Филипповны — «Идиот»).

А 10 июня умер брат Михаил. После его смерти Достоевский взял на себя издание отягощенного большим долгом и отстававшего на 3 месяца журнала «Эпоха», журнал начал выходить регулярней, но резкое падение подписки на 1865 год вынудило писателя прекратить издание. Он остался должен кредиторам около 15 тысяч рублей, которые смог выплатить лишь к концу жизни. Стремясь обеспечить себя средствами к жизни и приличными условиями для работы, Достоевский заключил контракт с Ф.Т. Стелловским на издание собрания сочинений, а также обязался написать для него новый роман к 1 ноября 1866 года. В случае невыполнения этого пункта договора писатель на девять лет терял право собственности на все свои сочинения.

В это время он был частым гостем семьи генерала В.В. Корвин-Круковского, со старшей дочерью которого, Анной, познакомился при весьма романтических обстоятельствах. Младшей сестрой Анны была знаменитая впоследствии Софья Ковалевская. Однажды сестры остались вдвоем, и Анюта сказала Софье:

— Послушай, если ты обещаешь, что никому, никогда, ни под каким видом не проговоришься, то я доверю тебе большой секрет.

Она вытащила из своего заветного ящичка конверт с красной пе-

чатку журнала «Эпоха». На листке крупным почерком было написано:

«Милостивая государыня, Анна Васильевна! Письмо Ваше, полное такого милого и искреннего доверия ко мне, так меня заинтересовало, что я немедленно принялся за чтение присланного Вами рассказа.

Признаюсь Вам, я начал читать не без тайного страха; нам, редакторам журналов, выпадает так часто на долю печальная обязанность разочаровывать молодых, начинающих писателей, присылающих нам свои литературные опыты на оцен-

Несколько месяцев спустя, уже после личного знакомства, когда однажды вечером Достоевский и Анна остались вдвоем, он сказал ей о своих чувствах и просил стать его женой. По свидетельству Софьи Ковалевской, Анна Васильевна сразу же после предложения сказала сестре:

— Ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нем думать. А я этого не могу, я сама хочу жить!

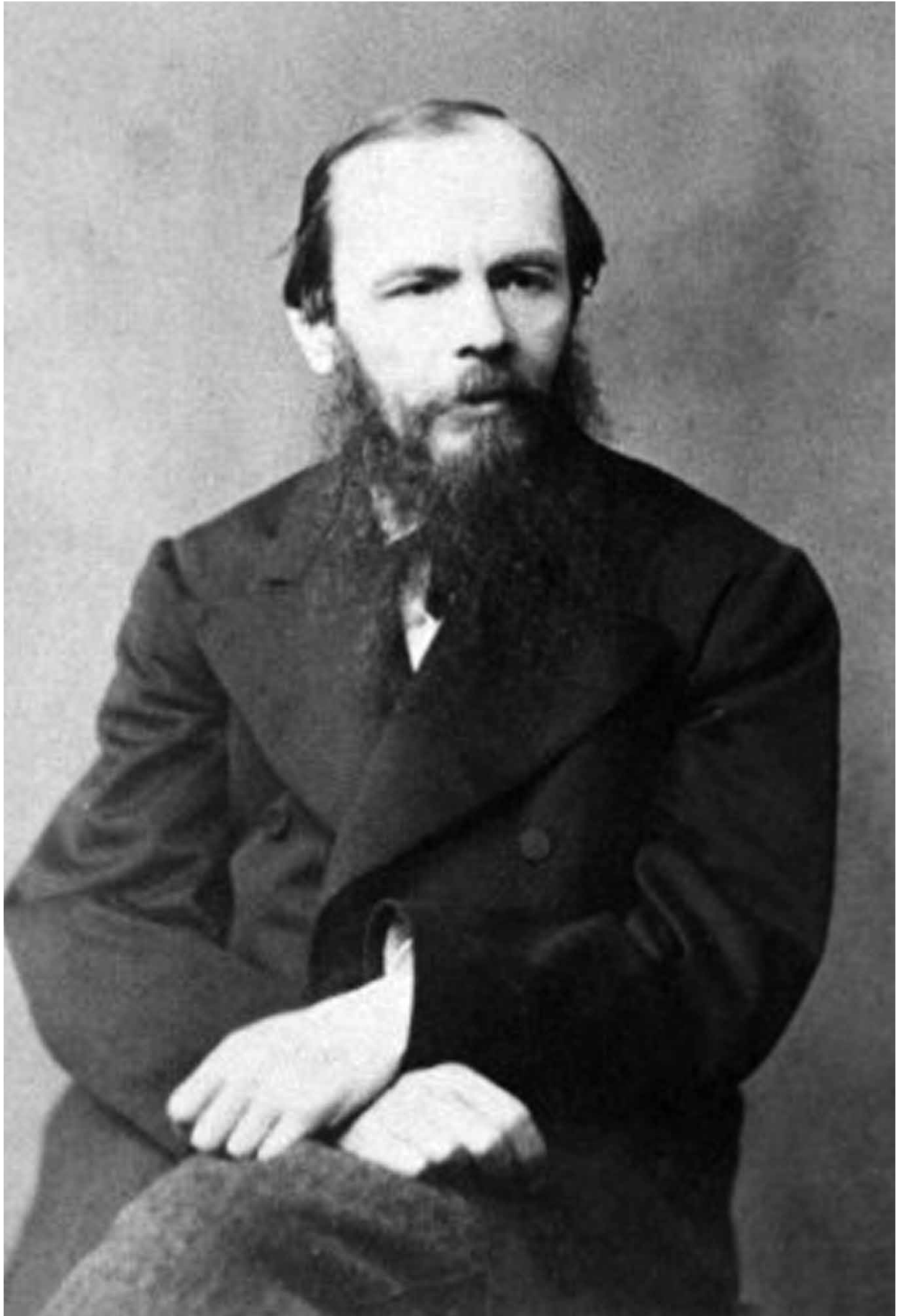
В

Париже Достоевский познакомился с Аполлиinarieй Сусловой, драматические отношения с которой получили отражение в романах «Игрок», «Идиот» и других. Пылкая Аполлиария тяготела ко всему революционному и сразу влюбилась в недавно отбывшего наказание по политическому делу Достоевского. Правда, когда он в Баден-Бадене проиграл все, включая и ее драгоценности, она с ним рассталась

ку. В Вашем случае мне это было бы очень прискорбно. Но по мере того, как я читал, страх мой рассеялся и я все более и более поддавался под обаяние той юношеской непосредственности, той искренности и теплоты чувства, которыми проникнут Ваш рассказ <...>. Рассказ Ваш будет мною (и с большим удовольствием) напечатан в будущем же номере моего журнала <...>. Преданный Вам Федор Достоевский».

Сам же Достоевский говорил впоследствии:

— Анна Васильевна — одна из лучших женщин, встреченных мною в жизни. Она — чрезвычайно умна, развита, литературно образована, и у нее прекрасное, доброе сердце. Это девушка высоких нравственных качеств; но ее убеждения диаметрально противоположны моим, и уступить их она не может, слишком уж она прямолинейна. Наверяд

Вторая жена Федора Михайловича — А.Г. Сниткина

ли поэтому наш брак мог быть счастливым <...>. От всей души желаю, чтобы она встретила человека одних с ней идей и была бы с ним счастлива!

Через несколько лет Корвин-Круковская вышла замуж за французского революционера Ш.В. Жаклара и вместе с ним активно участвовала в Парижской коммуне.

Журнал «Эпоха» все-таки прогорел и закрылся, и пришлось заняться чисто литературным трудом, чтобы жить и выплачивать долги журнала, покойного брата и свои собственные — всего 25 тысяч рублей. Летом 1866 года Достоевский находился на даче в сельце Любли-

но, под Москвой, где писал роман «Преступление и наказание», главную мысль которого контурно очертил так:

«Неразрешимые вопросы встают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берет свое, и он — кончает тем, что принужден сам на себя донести. Принужден, чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям...»

«Преступление и наказание» стал первым триллером в мире и первым отечественным детективом, главный смысл которого заключается в том, что самое страшное наказание после совершенного преступления происходит в душе человека, а не на каторге или где бы то ни было еще.

Роман создавался действительно в экстремальных условиях: частями выходил в журнале «Русский вестник», а издатель Стелловский требовал, согласно договору, «еще какой-нибудь небольшой роман». Ужас заключался в том, что романа у Достоевского не было! Был только смутный замысел романа «Игрок». А до срока оставалось 26 дней.

Друзья посоветовали Достоевскому взять стенографа и попытаться с его помощью в сжатые сроки создать новое произведение. Так в квартиру Достоевского пришла лучшая выпускница курсов стенографов — 20-летняя Анна Сниткина, до этого с серебряной медалью окон-

чившая первую в Петербурге женскую гимназию.

В год встречи с писателем у девушки умер отец — чиновник придворного ведомства, финансовое состояние семьи пошатнулось, пришлось искать работу. Писатель обещал платить помощнице 30 рублей в месяц.

Достоевский обрадовался, что присланный стенограф — девушка, поскольку «мужчина непременно запьет, уж, наверно, запьет, а вы, я надеюсь, не запьете». Анна Григорьевна отказалась от предложенной папироски, заметив, что не курит, и ей неприятен сам вид курящих женщин.

Со стороны Достоевского это была проверка. В те годы многие девушки, увлекшись эмансипацией, коротко стриглись, демонстративно курили. У Анны, напротив, были роскошные волосы, собранные в пучок. Впрочем, Федор Михайлович в первые дни даже не запомнил лица стенографистки, однако не преминул записать ее точный адрес: а вдруг она передумает с ним работать и исчезнет с надиктованной частицей романа?

Они познакомились 4 октября 1866 года. Анна Григорьевна вспоминала в своем дневнике, опубликованном уже после ее смерти:

«Я видела перед собой человека страшно несчастного, убитого, замученного...» А менее чем через месяц, когда Достоевский неожиданно спросил девушку:

«Если бы я признался вам в любви и просил быть моей женой, что бы вы ответили?»

Дом в Кузнечном переулке

Неточка (так звали Анну в ее семье) сказала:

«Я б вам ответила, что вас люблю и буду любить всю жизнь».

Новым спасительным романом должен был стать «Игрок». Ночью Достоевский делал наброски, днем надиктовывал их стенографистке, вечером Неточка приводила записи в порядок, а утром Достоевский исправлял приготовленные листки.

Видя, как она самоотверженно работает, писатель все чаще называл ее «милочка», «голубчик». А сама Неточка в дневнике писала:

«...Разговоры с Федей стали делаться мне все более и более приятными, так что я уж шла на диктовку с каким-то особенным удовольствием».

«Игрок» был написан в срок. Однако издатель специально исчез из Петербурга, не давая Достоевскому возможности исполнить договор. И тут Неточка проявила смекалку — рукопись была сдана под расписку приставу той полицейской части, где проживает Стелловский, за несколько часов до истечения срока.

А вскоре 45-летний Достоевский, разглядевший «серые глаза и добрую улыбку», обвенчался с Анной Сниткиной. Новый брак оказался удачным, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте и непростой характер писателя.

торый был опубликован в журнале «Русский вестник».

Вот что писал он о замысле этого произведения:

«Идея романа — моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за нее. Главная мысль — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только не брался за изображение положительно прекрасного, — всегда пасовал. Потому что эта задача безмерная. Прекрасное есть иде-

Р

оман «Преступление и наказание» стал первым мировым триллером и первым отечественным детективом, главный смысл которого заключается в том, что самое страшное наказание после совершенного преступления происходит в душе человека, а не на каторге или где бы то ни было еще

С апреля 1867-го до июля 1871 года семья жила за границей. Там 22 февраля 1868 родилась дочь Софья, внезапную смерть которой Достоевский очень тяжело переживал. 14 сентября 1869 года родилась дочь Любовь, позже, уже в России, 16 июля 1871 года — сын Федор, а 12 августа 1875 года — сын Алексей, умерший в трехлетнем возрасте от припадка эпилепсии.

В 1867–1868 годах Достоевский работал над романом «Идиот», ко-

ал, а идеал ни наш, ни цивилизованной Европе еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос, так что явление этого, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо».

Фактически Достоевский попытался воплотить образ Христа в князе Мышкине, возможно, даже не отдавая себе в этом отчета, иначе, наверное, озаглавил бы свой роман как-нибудь по-другому.

После того как писателю удалось частично расплатиться с долгами, он с женой и дочерью возвратился в Петербург. Лето семья проводила в Старой Руссе, и Достоевский даже приобрел здесь дом.

В 1871 году он приступил к роману «Бесы», непосредственным толчком для этого послужило так называемое «нечаевское дело», в котором «бесы» — это анархисты, идеи которых все чаще стали проникать в Российскую действительность. Пятеро членов тайного анархического общества «Народная расправа» убили слушателя Петровской земледельческой академии. Это преступление получило в романе философско-психологическую интерпретацию, писателя интересовали обстоятельства убийства, идеологические и организационные принципы террористов («Катехизис революционера»), фигуры соучастников пре-

ступления, личность руководителя общества С.Г. Нечаева.

В процессе работы над романом замысел многократно видоизменялся. В центре романа, в его философско-идеологическом фокусе оказался не зловещий «мошенник» Петр Верховенский (Нечаев), а загадочная и демоническая фигура «все позволившего» себе Николая Ставрогина, на фоне критического изображения общей «болезни», переживаемой Россией и Европой, ярким симптомом которой являются «бесовство».

В 1873 году князь Мещерский, владелец консервативного журнала «Гражданин», предложил Достоевскому стать редактором его издания. Федор Михайлович, соскучившийся по общественной жизни, с радостью принял это предложение. И впервые на страницах этого журнала предстал в роли автора

цикла произведений, которые назвал «Дневник писателя». Иногда он печатал и свои небольшие рассказы, например «Кроткая». Но сотрудничество продолжалось недолго: пост редактора оказался обременительным и отвлекал от работы над художественными произведениями. В апреле 1874 года Достоевский не без удовольствия расстался с «Гражданином».

В 1870-е годы он находился на пике своего таланта и часто приглашался на различные благотворительные вечера и собрания, где читал отрывки из своих произведений и стихотворения Пушкина, которого

ценил выше других поэтов. Он стал признанным и широко известным писателем. Его избрали членом-корреспондентом Академии наук по отделению русского языка и словесности, а в мае 1879 года пригласили на Международный литературный конгресс в Лондон, на сессии которого он был избран членом почетного комитета международной литературной ассоциации.

Произведения Достоевского много и охотно переводили на европейские языки, и в один голос твердили о писателе, «раскрывшем загадочную русскую душу». Ну да, все так оно и есть: либо преступник, либо юродивый — другие русские иностранным читателям были просто неинтересны.

В 1877 году семья Достоевских переехала в свой последний дом при жизни Федора Михайловича. Этот дом находится на углу Кузнечного переуллка и улицы Ямская (которая ныне носит имя великого писателя). И именно в этом доме было написано самое великое его произведение — роман «Братья Карамазовы», роман, который является итогом творческого пути Достоевского, а также роман «Подросток».

В одном из высказываний о «Подростке» он говорил:

— Разложение — главная видимая мысль романа... никто о будущем не думает.

Еще одна «загадочная русская душа»?

Н.А. Некрасов предложил напечатать «Подростка» в «Отечествен-

ных записках», на что Федор Михайлович с удовольствием согласился, тем более что это стало возобновлением отношений между двумя писателями спустя 30 лет.

Последним крупным событием в жизни и творчестве Достоевского стало его знаменитое выступление на открытии памятника А.С. Пушкину в Москве, которое произошло 8 июня 1880 года и на котором присутствова-

правляющим светом. В этом смысле Пушкин есть пророчество и указание».

«Карамазовых» так и не удалось дописать. Еще в конце 1879 года врачи, осматривавшие Достоевского, отметили у него прогрессирующую болезнь легких. Ему было рекомендовано избегать физических нагрузок и опасаться душевных волнений. Легко сказать...

Д

описать «Карамазовых» так и не удалось. Врачи, наблюдавшие Достоевского, отметили у него прогрессирующую болезнь легких. Ему было рекомендовано избегать физических нагрузок и опасаться душевных волнений. Легко сказать...

ли самые известные писатели и генерал-губернатор Москвы. Это выступление произвело настоящий фурор: оно было, бесспорно, самым лучшим выступлением на том вечере.

Достоевский, с детства боготворивший Пушкина, еще за три года до этого события высказал мысль о том, что «не было бы Пушкина, не было бы и следовавших за ним талантов». А в речи 8 июня сказал:

«Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым на-

Утром 28 января Достоевский сказал жене:

— Я знаю, я должен сегодня умереть!

В 20 часов 38 минут того же дня Федор Михайлович Достоевский скончался. 31 января 1881 состоялись похороны писателя. Он похоронен в Александро-Невской лавре в Петербурге. Проститься с великим писателем пришли тысячи людей. На похоронах молодежь пыталась пронести к могиле Достоевского кандалы, как пострадавшему за политические убеждения.

Не разрешили... Сказали, что хоронят писателя, а не преступника.

Даже в такой малости общественнойности было отказано. □

Женная страсть

1

Южное, раскаленное докрасна солнце так стремительно закатилось за высокие скалистые горы, лишенные какой-либо растительности, за исключением низкорослого, страшно колючего кустарника, что я, поужинав с женой в ресторане за столиком, стоящим в самом крайнем ряду, в нескольких метрах от бескрайнего темно-синего моря, даже не успел полюбоваться гаснущим на глазах ярко-золотым закатом. «Ладно, до конца отпуска у нас с женой еще целая неделя — успею и полюбоваться заходом солнца, и написать о нем, если Богу будет угодно, вдохновенные — на одном дыхании — стихи», — подумал я и, расставшись с женой, которая вдруг решила забежать в гости к своей новой подруге, белокурой, стройной и гибкой, как виноградная лоза, Оксане, белоруске, но замужем за греком, работавшей продавщицей в меховом бутике, зашагал по широкой асфальтовой дорожке, которую уже осветили своим оранжевым светом зажженные фонари, подвешенные к изогнутым в виде знака вопроса стальным столбам, покрашенным в белый цвет. Подойдя к одному из четырех новых зданий отеля, я вошел в просторный холл, по лестнице поднялся на третий этаж, зашел в свой уютный двухкомнатный номер, выходящий окнами прямо на море. Взял с журнального столика авторучку, небольшой блокнот, положил их в нагрудный карман хлопковой рубашки с короткими рукавами и снова вышел на улицу, где вечерний синий сумрак стал еще гуще и синее. Матовый свет от горящих ярко фонарных ламп ложился на выложенные каменной плиткой дорожки, на газоны с изумрудной травой, желтыми кругами. Из итальянского ресторана доносилась

прекрасная, легкая, как взмах крыла чайки, музыка, настраивающая душу на романтический лад.

В самую середину почти круглой формы залива, где даже в сильный шторм волны лениво, как бы никуда не торопясь, накатывались на пологий песчаный пляж, врезалась метров на двести невысокая, но с очень отвесными стенами, круто уходящими в воду, скала, на вершине которой была проложена, а, вернее, натоптана отдыхающими, извинаясь между больших и малых каменных глыб узкая тропинка, ведущая к самому концу скалы, где и обрывалась на небольшом, но очень удобном пяточке — каменном карнизе. Оттуда, с карниза, если смотришь вперед, кажется, что ты выплываешь на огромном лайнере из бухты в открытое море с белопенными высокими волнами, с ветром, звенящим в натянутых снастях, как гитарная струна, напряженно, но весело, молодо! Это ощущение сильнее всего охватывало мою душу почему-то в вечерние часы, когда солнце, упрямо меняя свой золотой цвет на багровый, скрывалось за дальними, со снежными вершинами, горами, а ему на смену в небо, словно из глубины морской бездны, всплывала полная луна. Она была такой большой и светилась так ярко, что, пристально взглядевшись, можно было различить на ней следы, очень напоминающие воронки наших земных кратеров. Но еще раньше луны, словно новогодние гирлянды, по всему неоглядному небу вспыхивали созвездия с бесчисленным количеством серебряных звезд. И становилось настолько светло, что можно было, созерцая окружающий мир, вдохновляясь его вечерней красотой и загадочностью, без всякого фонарика записывать в блокнот стихи, неожиданно рождающиеся в душе по воле Божьей.

Туда-то, на этот карниз, я и направился. Сначала мой путь к намеченной цели проходил по песчаному пологому берегу, который решением местных властей был оборудован под широко известный на всем Крите самый настоящий народный пляж, и был в выходные дни по всей своей длине забит до отказа приехавшими из столицы острова Ираклиона желающими позагорать греками. И вдоль залива на пологом берегу с крупнозернистым золотым песком были поставлены — от края до края — брезентовые шезлонги, которыми можно было пользоваться бесплатно. А за пляжем тянулись, построенные вплотную друг к другу, бесчисленные таверны, бойко, особенно в вечернее время, работающие. В них добродушные хозяева, всегда, не скупясь на гостеприимство, принимали туристов со всех концов старого и нового света. Большим спросом пользовались таверны и у самих греков. Как правило, каждый вечер многие дружными семьями ужинали в них, делая это не спеша, с удовольствием, по два, а то и по три часа. Одним из самых их любимых блюд было рыбное, приготовляемое из дорадо, сиб-

са, морского окуня и креветок, которое за спокойными, родственными разговорами запивалось пивом или местным сухим виноградным вином, по-гречески называемым «краси», терпко-сладковатым, но удивительно легким, даже на самый привередливый вкус.

Пока я добирался до конца залива, температура воздуха, которая днем поднималась до тридцати градусов, значительно снизилась. А дующий с моря ласковый, шелковистый бриз принес долгожданную прохладу, надеясь на которую, я еще перед ужином сменил нелюбимые мной шорты на легкие парусиновые брюки. Сразу от залива дорога резко шла круто в гору, потом, так же резко, — вниз, где огромные скалы широкими карнизами настолько заслоняли лунный и звездный свет, что порой приходилось идти чуть ли не на ощупь — с растопыренными и протянутыми вперед руками. И так почти на протяжении целого горного километра — несколько раз.

По воле Божьей, стихи в тот вечер буквально лавиной обрушились на меня, я только и успевал скандировать их несколько раз, когда про себя, а когда и вслух. Этого хватало, чтобы сохранять в памяти все написанное до последней строчки до тех пор, пока не переносил свой поэтический труд в походный блокнот. Я был настолько сильно охвачен своим вдохновением, что не сразу услышал женское, полное сладострастия, то приглушенное, то громкое постанывание, — любого настоящего мужчину бросающее в дрожь, охватывающее душу и тело горячим пламенем, заставляющее обостренно ощущать нежность и страсть одновременно, а сердце биться все сильнее и сильнее, разгоняя кровь с такой силой, что кажется, вот-вот оно разорвется.

Но когда услышал, то было поздно — всего в десяти шагах от меня на согретой солнечным зноем каменной, словно специально вырубленной природой для любви, плите лежала совершенно голая молодая женщина, освещенная небесным светом так ярко, что я сразу же отчетливо разглядел ее распущенные черные, как смоль, волосы и матово светящееся тело... И мужчину, с широкой спиной, тоже раздевшегося догола, который, опершись своими крепкими, мускулистыми, широко расставленными руками о камень, нависал над возлюбленной, словно молодой горный орел над орлицей в минуты птичьей свадьбы, тяжело и прерывисто дыша. И когда он своими разгоряченными губами припадал к ее губам — в воздухе раздавался звонкий и чистый звук страстного поцелуя. Волосы у него тоже были черные, кудрявые, но от лунного света на самой макушке как бы серебряными.

Внезапно увидев и услышав любовников, мне, конечно же, надо было круто развернуться и уйти прочь. Но почему-то какая-то неведомая сила только чуть отбросила меня в почти высохший на солнце, душный, но продолжающий горько пахнуть довольно высокий бурьян, густо растущий по

обеим сторонам тропинки. Неужели Господь давал мне возможность переждать чью-то любовь и двигаться к конечной цели на заветном карнизе? Или все-таки Он решил дать возможность мне лицезреть чужое счастье?! Зачем? Неужели для того, чтобы самому еще больше, еще выше любить?.. Впрочем, какое это все имело значение? Никакое, поскольку я стал заложником высших сил — и мне оставалось только откровенно ждать. Сколько времени? На этот короткий вопрос мне могла дать ответ только чужая мужская сила. Но она все не кончалась и не кончалась!

Через некоторое время я все-таки поднял голову и, словно совсем не знавший любви и потерявший всякий стыд юнец, стал во все глаза, затаив дыхание, наблюдать за чужой любовью, надеясь, что она рано или поздно закончится, и я, пока любовники будут одеваться, смогу незаметно покинуть свой невольный наблюдательный пост. Однако мужчина оказался на редкость сильным в наше стрессовое время, а молодая женщина — очень соскучившейся до любовных ласк. И она, подаваясь всем стройным молодым телом к напарнику, продолжала и продолжала постанывать. А он — прерывисто, тяжело дышать... А страстные поцелуи — чисто, словно серебряные, звенеть и звенеть в настоенном на йоде и морской соли влажном морском воздухе. И вдруг женщина, словно выйдя из сладостного забытья, спросила: «Милый, тебе со мной хорошо? Ты меня любишь?!» «Люблю, больше жизни люблю!» — приглушенно, но с глубокой нежностью ответил он.

2

От этих жарких слов я не заметил, как сам возбуждился до такого состояния, что руки у меня задрожали, сердце забилося с удвоенной силой — и огненный, мучительно-сладкий шар прокатился по всему моему телу. Дальше испытывать на стойкость свою тонкую, романтическую душу я не мог! И, напрочь в один миг забыв о горячих любовниках, до которых мне не было никакого дела, забыв обо всех своих написанных и ненаписанных стихах, я резко поднялся во весь рост, еще резче повернулся и чуть ли не побежал в сторону отеля. И все же я успел с белой завистью подумать о любовниках: «Господи, какие же они счастливые! Как им хорошо вдвоем!»

А потом разом весь огромный, неоглядный и необъятный мир, со всеми своими радостями, со всеми своими горестями, сузился до одной-единственной мысли: «Только бы моя любимая в этот вечер была в номере!» В любовной горячке я даже и не заметил, как преодолел все горные

подъемы и спуски обратного пути и спустился к пляжу, откуда уже были видны огни отеля, в котором мы с женой в этот курортный сезон остановились. И я снова мысленно, словно заклинание, воскликнул: «Только бы моя любимая была в номере!» В горячем мозгу, словно сами собой, запыляренным, ослепительным всполохом высветились строчки:

*«Звезды поздние — погасли,
тут же смолкли соловьи ...
О мечтах ли, о стихах ли, —
все едино — о любви.
Но зовет-ведет дорога
через ночь, что вновь черна,
прямо к милому порогу, —
там живет она — одна!
Будто вечность не встречались,
хоть расстались лишь вчера!
И пылает, как в начале,
страсти сладкая пора!
Вновь и слова не оброним,
лишь — люблю — сорвется с уст,
полетит — и даль застонет,
зарыдает каждый куст ...
Солнце вспыхнет золотое, —
все понятно, но чтоб так
целовались в страсти двое? —
не поймет никто никак.
Только что нам пересуды,
что нам горькая молва! —
если так мы страстно любим,
что забыли все слова!»*

Пробегая мимо таверны пожилого грека Косты, у которого мы с женой вот уже двенадцать отпусков каждый день обедали, я лишь взмахнул рукой на его добрую приветственную улыбку, озарившую, словно зарница, его светлое, открытое лицо. В один из приездов я подарил ему диск романсов, написанных замечательным русским композитором Александром Морозовым на мои стихи. С тех пор всякий раз, когда мы вместе с женой или я один, пылая в душе творческим вдохновением, заходили к нему в таверну на чашечку кофе, он в обязательном порядке выключал родную греческую музыку, а взамен ее включал мой диск. И из динамиков по таверне лились русские романсы о нежной, исполненной света, страстной любви. И за тысячи километров от дома, считай, на другом конце света, было

очень приятно слышать родные голоса. И какие! Ведущих солистов Большого театра! Но с учетом того, что вместе со мной их невольно слушали и отдыхающие чуть ли ни со всего мира, душу распирала гордость за Россию. Нет, что ни говори, а Коста был удивительно добрый и великодушный человек!

До отеля оставалось пройти по асфальтированной влажной дорожке всего несколько десятков метров. Но неожиданно я уперся в закрытую на ключ изнутри железную зеленую калитку. В недоумении дернул раз, другой ручку... И вдруг вспомнил, что проход в этом месте, где отдыхающие ходят по утрам на пляж, бывает открыт только до восьми часов вечера. Досадуя на свою забывчивость, развернулся и побежал окружным, к счастью, не очень далеким путем, но с таким крутым подъемом, что физически слабые отпускники, особенно в полдневной зной, прежде чем одолеть его, останавливались несколько раз, чтобы хоть немного передохнуть.

Но я легко, словно стремительный сокол, взлетел одним махом на самый верх. Лишь вдвое чаще забилось сердце. Кивком головы поприветствовал строгую охрану, даже в самую дневную жару одетую в черные, безукоризненно выглаженные брюки и белоснежные рубашки с короткими рукавами. Пройдя стражей, я оказался в парке отеля — среди плодоносящих кедров, сосен, с меднокорыми, словно золотыми стволами, с пышной кроной, плачущих ив, с длинными, свисающими до самой земли ветвями, кактусов, чьи слегка колючие снаружи плоды по вкусу ничуть не уступали сливам, и удивительной красоты разных сортов цветов.

Минуя главный корпус, овитый до самой крыши цветущими красными цветами и плющом, краем глаза увидел, как в ярко горящем окне первого этажа молодая парочка, оставшись в одних плавках, страстно целовалась у расстеленной белоснежной постели. Добродушно и даже с некоторой завистью мысленно проговорил: «Вот молодцы! А правда — где еще любить и быть любимым, если не на южном море, когда вся красота прибрежной природы вдохновляет на солнечную страсть! Но этот высший небесный дар принадлежит исключительно к тем великим таинствам, которым сполна дано раскрыться лишь наедине... Так что не мешало бы перед любовью задергивать ярко горящее окно шторами, а дверь запиравать на ключ ... Ну ладно! Как говорится, молодо — зелено!.. И все-таки, что это сегодня у меня за вечер любви?! Замечательный вечер!»

Наконец я оказался перед своим номером. С замиранием сердца потянул на себя деревянную, отполированную ладонями ручку, и — о, какое везение! — дверь распахнулась настежь! Слово весенний ветер, я ворвался в номер и... остановился как вкопанный, ибо в гостиной прямо передо мной, подобрав под себя стройные, от загара ставшие шоколадного

цвета ноги, сидела в мягком кресле моя ненаглядная половинка сердца и в свете настольной лампы с белым абажуром читала какую-то книгу. Каштановые волосы волнами спадали на точеные плечи. На шум, поднятый моим порывистым появлением, жена подняла свои большие, с природной грустинкой, так мной любимые, карие глаза.

Мой взгляд — горящая молния, и ее — лунный пучок серебристого света, встретились. И я вдруг, несмотря на то, что сердце продолжало бешено биться, остро, до глубины души почувствовал, как моя огневая страсть, словно по велению свыше, враз сменилась глубокой, солнечной нежностью к моей желанной женщине, подарившей мне двух прекрасных дочерей. Я был на седьмом небе от охватившего меня счастья, поскольку нет ничего выше духовной, незамутненной, как горный родник, любви. И, не говоря ни слова, я подошел к жене, немного удивленной моим взглядом, от которого, словно круги по воде, расходились по номеру невидимые, но высокие волны душевной страсти. Не отрываясь от ее глаз, опустился перед ней на колени, взял ее тонкие теплые руки и стал покрывать их частыми, горячими поцелуями. Потом, от избытка чувств чуть не плача, головой прижался к ее высокой груди и, охватив тонкий стан любимой крепкими руками, скорее вскричал, чем молитвенно, как заклинание, с придыханием промолвил: «Дорогая, единственная моя, ты даже представить себе не можешь, как же сильно я тебя люблю!»

Голова, словно пьяная, шла кругом, но я все-таки осознал, что испытывать к родной женщине такое огромное чувство, чем-то похожее на сумасшествие, — прекрасно! Но не грешно ли?!.. От этой внезапной мысли тревожно сжалась душа. Однако моя чуткая половинка сердца, словно понимая, что творится со мной, положила свою теплую-теплую, такую желанную руку на мою голову и стала ласково гладить мои с густой проседью немного влажные волосы: «Все хорошо, милый! Все хорошо! Ведь я тоже тебя очень, очень люблю!»

Господи! — ну, конечно же, мы любим! И дай нам Бог — любить друг друга вечно, несмотря ни на старость, ни на неминуемую смерть, которая, на самом-то деле, не вечна, как многое в этом непростом, но от этого не менее прекрасном мире. И трижды прав святой, сказавший: «Все проходяще, только любовь не пройдет никогда!»

И будь проклят кинувший камень в святого, выстрадавшего эти великие слова! □

Светлана
Бестужева-
Лада

Маршал Будённый

В личной жизни сильных мира сего происходит все то же самое, что и в жизни обыкновенных людей: любовь, браки, измены, разводы... Свое семейное счастье Семен Михайлович Буденный нашел с третьей попытки, когда ему, легендарному красному маршалу, уже перевалило за пятьдесят.

Буденный Семен Михайлович родился в многодетной крестьянской семье 25 апреля 1883 года. Он был вторым ребенком, кроме него у родителей было четверо сыновей и три дочери. Биография Буденного гласит, что с восьми лет он начал помогать отцу и батрачить на купца Яцкина.

Однажды их края посетил военный министр Куропаткин. В честь знаменитого министра устроили скачки с рубкой чучел и лозы, в них принял участие Семен Буденный, ему тогда было семнадцать лет, и он смог одержать победу в скачках, за что военный министр наградил его серебряным рублем.

В 1903 году Семен Михайлович был призван в армию, служил в Приморском полку датского короля Христиана XI, а после окончания службы остался там на сверхсрочную. Принимал участие в русско-японской войне в составе донского казачьего полка.

Через несколько лет Буденный, как лучший наездник полка, был отправлен в Петербург для учебы в Высшей кавалерийской офицерской школе. В 1908 году он закончил учебу и нес службу в Приморском полку до 1914 года.

В Первой мировой войне Семен Буденный принимал участие в качестве унтер-офицера Северного драгунского полка, был награжден четырьмя медалями и Георгиевскими крестами разных степеней.

В 1917 году Семен Михайлович стал председателем полкового ко-

митета в Минске и летом того же года принимал участие в разоружении в Орше военных эшелонов. После Октябрьской революции он вернулся на Дон, где в станице Платовской его избрали членом исполнительного комитета окружного совета.

Зимой 1918 года Буденный организовал революционный конный отряд, который позже стал полком, затем бригадой, а потом и кавалеристской дивизией, которая с успехом действовала близ Царицына в 1918–1919 годах.

Почему Семен Михайлович примкнул к революционерам? За его плечами было уже четырнадцать лет военной службы. Он был участником русско-японской войны, воевал в Первую мировую на германском, австрийском и кавказском фронтах. Прошел путь от солдата до старшего унтер-офицера царской армии и за подвиги четырежды удостоивался Георгиевского креста, то есть был полным георгиевским кавалером — явление, прямо скажем, очень даже не частое.

Но об этом мало кто знал, потому что сложно было представить себе четыре Георгиевских креста на кителе маршала рядом с тремя звездами Героя Советского Союза.

Впрочем, судьбу свою Семен Михайлович выбирал сознательно. Как он шутил много позже, «решил, что лучше быть маршалом в Красной армии, чем офицером — в белой». Что ж, в каждой шутке есть доля

истины. И если Буденный был живой легендой еще до революции, то после нее слава его стала просто сказочной. Конница Буденного взяла Ростов-на-Дону, захватила казачью столицу Новочеркасск, разгромила на Дону войска генерала Деникина и вообще считалась одной из элитных частей Красной армии. Осенью 1919 года Конный корпус был переименован в Первую конную армию, и командующим был снова назначен Буденный, он руководил ей вплоть до осени 1923 года.

С 1921 по 1923 года Семен Михайлович Буденный являлся членом РВС, а после этого замещал командующего северокавказским военным округом. Он много занимался организацией конных заводов, кото-

красной лентой на плече прибыл в Урус-Мартан, где по декрету ВЦИКа и объявил Чечне о ее новом статусе автономной области.

В том же году Семен Михайлович стал помощником главнокомандующего Красной армии в делах кавалерии, а также членом РВС по СССР. Кроме того, с 1924-го по 1937 год он являлся инспектором кавалерии РККА.

В начале тридцатых годов Буденный окончил военную академию имени Фрунзе, а в сентябре 1935 года, когда были введены индивидуальные воинские звания, ему было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Буденный был очень хорош собой, особенно с точки зрения жен-

В Первой мировой войне Буденный принимал участие в качестве унтер-офицера Северного драгунского полка, был награжден четырьмя медалями и Георгиевскими крестами разных степеней. А в 1918 году он организовал революционный конный отряд, который позже стал полком, потом бригадой, а затем и кавалеристской дивизией, с успехом воевавшей близ Царицына

рыми сам и руководил. Была проделана огромная работа, в результате которой были выведены совершенно новые породы лошадей — терская и буденовская.

В 1923 году знаменитому Буденному выпала честь объявить Чечню автономной областью. Он надел головной убор бухарского эмира и с

щин, но не слишком удачлив в личной, точнее, семейной жизни.

Первой женой его была крестьянка из соседней станицы — Надежда Ивановна. Они обвенчались в 1907 году, перед самым его уходом в армию, и не виделись долгих семь лет. Потом короткие свидания до Первой мировой войны. И снова разлу-

ка. Лишь в 1917-м супруги воссоединились: Надежда Ивановна стала медсестрой в отряде, организованном ее мужем. Она воевала вместе с ним, добывала для отряда продукты и медикаменты, заведовала санитарной частью армии.

А когда настало мирное время, переехала с мужем в Москву. Они

поселились в правительственном доме на улице Грановского. Было это в 1923 году. А спустя год Надежда Ивановна застрелилась. Из пистолета мужа, на глазах у него и еще нескольких человек. Говорили, неосторожное обращение с оружием. Хотя... прошедшая бок о бок с Буденным всю гражданскую войну,

*Ольга Стефановна Будницкая
(Михайлова) — вторая жена*

Надежда Ивановна наверняка умела обращаться с пистолетом.

Впрочем, возможно, действительно несчастный случай. Хотя сплетен и домыслов вокруг этого происшествия ходило предостаточно. Надежду Ивановну обвиняли в том, что она постоянно «гуляла» от мужа и покончила с собой то ли из-за угрызений совести, то ли из-за того, что Семен Михайлович обо всем узнал.

Сам же Буденный впоследствии признался, что никаких скандалов и упреков быть не могло: их семейная жизнь давно разладилась, жили как чужие. И основная причина этого — отсутствие детей. К моменту гибели Надежды Семену Михайловичу исполнился сорок один год.

Наверное, так оно и было на самом деле. Ибо уже через полгода после трагедии Буденный женился вторично. Женился по страстной любви, после романтической встречи на курорте в Ессентуках с красавицей певицей Ольгой Стефановной Будницкой (сценический псевдоним — Михайлова). Вскоре после свадьбы Ольга Стефановна поступила в консерваторию, а потом стала солисткой Большого театра. У нее был сильный, редкий голос — контральто. И характер такой же — сильный, яркий, самобытный.

Дочь железнодорожного служащего, познавшая и бедность, и лишения, она твердо понимала, чего хочет от жизни: славы. Она мечтала стать знаменитой певицей, блистать и покорять всех вокруг себя. Само по себе это было понятно, однако никоим образом не совпадало с представлениями Семена Михайловича о семейной жизни, в которой главное — дом и дети. И тихий совместный досуг. Но как раз это Ольгу Стефановну совершенно не привлекало. Ей не хотелось портить фигуру, ломать так удачно начавшуюся карьеру примадонны.

Тем не менее, прожили они вместе тринадцать лет. Буденный преклонялся перед голосом жены, гордился ее красотой и блеском. Отсутствующих детей время от времени заменяли племянники Ольги Стефановны — Сергей и Люся. И, возможно, прожили бы супруги вместе до глубокой старости, если бы не грянул страшный 1937-й.

Оперная певица Михайлова была арестована. Следствие «установило», что «О.С. Михайлова, являясь с 1924 года женой Маршала Советского Союза Буденного, своими связями с иностранцами и поведением дискредитировала последнего, а именно:

«1. Являясь женой Буденного, одновременно имела интимную связь с артистом ГАБТ Алексеевым, разрабатывавшимся по подозрению в шпионской деятельности. («Разрабатывавшемся» Алексееву, красавцу-тенору, «повезло»: он умер в 1939 году от рака горла и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Маховик следствия задел его лишь чуть-чуть, причем держался певец на допросах на редкость достойно и ни единым словом не оговорил Ольгу Стефановну).

2. Находясь на лечении в Чехословакии, вращалась среди врагов народа, шпионов и заговорщиков Егорова и его жены, Александрова и Туманова.

Кроме того, установлено, что Михайлова наряду с официальными посещениями иностранных посольств имела неофициальные, по личному приглашению послов, снабжала итальянского посла билетами на свои концерты и неоднократно получала от него подарки.

Арестованные за шпионаж жена бывшего 1-го зам. наркома обороны Егорова и жена бывшего наркома просвещения Бубнова в своих показаниях характеризуют Михайлову как женщину их круга, которая

делала то же самое, что и они. Михайлова в наличии у нее подозрительных связей и неофициальном посещении посольств виновной себя признала. Шпионскую деятельность отрицает. На основании изложенного выше, «дело» по обвинению Михайловой направить Особому совещанию на рассмотрение. Ноябрь 1939 года».

Особое совещание приговорило Ольгу Стефановну к восьми годам исправительно-трудового лагеря. К тому времени она уже страдала тяжелым психическим заболеванием, тем не менее, отсидела «от звонка до звонка», потом еще два года провела под стражей и в 1948 году была этапирована в ссылку. На жизни Семена Михайловича Буденного этот арест отразился... третьей женитьбой. Но об этом — чуть позже.

Разумеется, ходили всевозможные слухи и сплетни. Одни утверждали, что Буденный якобы сам сдал жену в НКВД — то ли в отместку за измены, то ли испугавшись за свою карьеру и жизнь. Но вот не побоялся же Семен Михайлович заступиться за начальников конных заводов, когда в 1938 году волна репрессий докатилась и до них. Пошел их защищать прямо к Сталину. Так что в испуг маршала верится с трудом. Если вообще верится.

Мсть за измены? Тоже вряд ли. Мог просто развестись: тогда это было очень легко. Но почему-то не развелся. Некоторые люди, близко знавшие Буденного в то время, рас-

сказывали впоследствии, что он был просто убит арестом жены и известием о том, что она занималась шпионажем и получала за это деньги и подарки. Даже плакал. В те безумные годы, наверное, можно было поверить во что угодно. А Семену Михайловичу, наверное, было легче подозревать жену в шпионаже, чем в супружеской измене.

На самом деле все было проще. Второй брак, как и первый, оказался бездетным. Интересы супругов все больше расходились. В конце концов, каждый жил своей жизнью. А тут еще почти открытый роман с тенором Алексеевым, которому сама Ольга Стефановна признавалась, что с мужем у нее «натянутые отношения на почве ревности».

Как бы то ни было, существует еще один документ, написанный в

Ольга Стефановна неприлично ведет себя и тем компрометирует меня и что нам, подчеркнул он, это ни с какой стороны невыгодно, мы этого никому не позволим.

Если информация Ежова является правильной, то, говорил И.В. Сталин, ее затянули или могут затянуть в свои сети иностранцы. Товарищ Сталин рекомендовал мне обстоятельно поговорить по этому поводу с Ежовым.

Вскоре я имел встречу с Ежовым, который в беседе сообщил мне, что жена вместе с Бубновой и Егоровой ходит в иностранные посольства — итальянское, японское, польское, причем на даче японского посольства они пробыли до 3 часов ночи. Тогда же Ежов сказал, что она имеет интимные связи с артистом Большого театра Алексеевым...

Вторично Буденный женился по страстной любви. Его женой стала певица Ольга Будницкая, солистка Большого театра. Они прожили вместе счастливых тринадцать лет. Семен Михайлович преклонялся перед голосом жены, гордился ее красотой и блеском. Они могли прожить вместе до глубокой старости, если бы не грянул страшный 1937-й год...

1953 году, уже после смерти И.В. Сталина. Письмо Буденного в Главную военную прокуратуру:

«В первые месяцы 1937 года (точной даты не помню) И.В. Сталин в разговоре со мной сказал, что, как ему известно из информации Ежова, моя жена — Буденная-Михайлова

О том, что жена со своими подругами была в итальянском посольстве, точнее, у жены посла, в компании женщин и спела для них, она говорила мне сама до моего разговора с Ежовым, признав, что не предполагала подобных последствий.

На мой же вопрос к Ежову, что же конкретно, с точки зрения политической компрометации, имеется на ней, он ответил — больше пока ничего. Мы будем продолжать наблюдение за ней, а вы с ней на эту тему не говорите.

В июле 1937 года по просьбе Ежова я еще раз заехал к нему.

В этот раз он сказал, что у жены, когда она была в итальянском посольстве, была с собой программа скачек и бегов на ипподроме. На это я ответил, ну и что же из этого, ведь такие программы свободно продаются, и никакой ценности из себя не представляют.

С третьей женой — Марией и детьми

Я думаю, сказал тогда Ежов, что ее надо арестовать и при допросах выяснить характер ее связей с иностранными посольствами, через нее выяснить все о Егоровой и Бубновой, а если окажется, что она не виновата, можно потом отпустить.

Я заявил Ежову, что оснований к аресту жены не вижу, так как доказательств о ее политических преступлениях мне не приведено.

Что же касается ее интимных связей с артистом Алексеевым (о чем я имел сведения помимо Ежова и МВД), то, сказал я Ежову, это дело чисто бытового, а не политического порядка, и я подумаю, может быть, мне следует с ней развестись.

В августе 1937 года, когда меня не было в Москве (выезжал дней на десять в Гороховецкие лагеря), Ольга Стефановна была арестована.

Лично я инициативы в ее аресте не проявлял, более того, был против этого, так как из того, что мне было известно от Ежова, не видел к этому никаких оснований.

Впоследствии после ареста ряда директоров конных заводов... а также ареста жены, я пришел к выводу, что все это Ежов делал с той целью, чтобы путем интриг и провокаций добиться показаний против меня перед нашей партией и государством и расправиться со мной...

В заключение должен сказать — я не верю, чтобы она могла совершить преступление против советской власти.

С. Буденный, 23 июля 1953 года».

Поздно написано? Сейчас легко судить и осуждать. Возможно, Семен Михайлович куда более яростно боролся бы за жену, рожай она ему хоть одного ребенка. Возможно, но... маловероятно. Молотов, Калинин и иже с ними безрезультатно пытались вырвать своих жен из лагерей. Им это удалось тогда же, когда Буденный написал вышеприведенное письмо.

Перед началом Второй мировой войны он был командующим бойцами военного округа Москвы, решал различные вопросы в качестве члена военного совета НКО СССР, а с лета 1940 года стал первым заместителем наркома по обороне СССР. В годы войны являлся командующим различными войсками, был членом Ставки Верховного Главнокомандования, зимой 1943 года командовал кавалерией армии СССР, а после окончания войны одновременно замещал и министра сельского хозяйства республики по коневодству. Дважды ему присваивалось звание Героя Советского Союза, первый раз в 1958 году, а второй — в 1963-м.

Кроме всего прочего, Буденный являлся членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета республики, членом президиума Верховного

совета при СССР, а также был членом президиума ЦК ДОСААФ.

Ольга Стефановна вернулась в Москву в 1956 году. Семен Михайлович устроил ее в больницу, помог получить квартиру. Приглашал чаще заходить к нему, но она этого избегала, поскольку Буденный был снова женат, и уже давно.

В те времена ходили слухи, что женился он чуть ли не на своей домработнице, которая «нарожала ему детей и окрутила его». На самом же деле третья жена Буденного — Мария Васильевна, приехала в Москву в 1936 году из Курска и поступила учиться в стоматологический инсти-

тут. Жила в общежитии, но иногда навещала родную тетку Варвару Ивановну, сестру своего отца. Тетка была одновременно тещей легендарного маршала Буденного, то есть матерью его второй жены. Но свою двоюродную сестру Ольгу Мария Васильевна почти не видела,

та все время пропадала по своим делам. А Семена Михайловича вообще ни разу не видела и панически боялась возможной встречи.

Они увиделись, когда Ольга Стефановна уже была арестована. Ее мать попросила Марию Васильевну помогать по хозяйству, и та стала

чаще бывать в доме Буденного. Помогала готовить, подавала на стол. Во время обеда Семен Михайлович и сделал ей предложение. В любви, по воспоминаниям Марии Васильевны, не объяснялся, просто сказал:

— Выходите за меня замуж.

Она не сказала ни «да», ни «нет». Поехала в Курск посоветоваться с родителями, повезла письмо от тетки. Та, кстати, немало сил приложила к устройству этого брака, как ни странно это звучит. Старая женщина прекрасно знала, что семейная жизнь ее дочери рухнула окончательно и бесповоротно, и если даже ее из тюрьмы выпустят, женой Буденного ей больше не быть. Тетка решила, по-видимому, осчастливить, хотя и ценой отказа от дочери, племянницу, поскольку была абсолютно

лась поповной — несколько поколений ее предков были священниками, а родной дед погиб в энкавэдэшной тюрьме. Сама же Мария Васильевна выходила замуж не столько за мужчину, сколько, по ее собственному признанию, «за любимого героя».

Несмотря на все это, третий брак Буденного оказался на удивление счастливым и прочным. Через год после свадьбы, в 1938 году, появился на свет сын Сережа, еще через год — дочь Нина. Третий ребенок, Миша, родился в 1944 году. Но и до его рождения стало ясно: брак по расчету обернулся браком по самой настоящей любви.

Вот письмо Семена Михайловича Марии:

«Здравствуй, дорогая моя мамулька!

В пятьдесят лет легендарный маршал получил, наконец, то, к чему стремился всю жизнь: настоящую семью, а, главное, жену, которая жила только им и детьми. После «боевой подружки» Надежды и красавицы-певицы Ольги это была вожделенная тихая гавань, крепость, неприступность которой Семен Михайлович охранял по всем правилам военного искусства.

уверена: Семен Михайлович обязательно женится на ком-нибудь.

Родители благословили Марию Васильевну на брак с человеком, который был на тридцать с лишним лет старше ее. С другой стороны, надо заметить, что Семен Михайлович здорово рисковал: невеста его оказа-

Получил твое письмо и вспомнил 20 сентября, которое нас связало на всю жизнь. Мне кажется, что мы с тобой с детства вместе росли и живем до настоящего времени. Люблю я тебя беспредельно, и до конца моего последнего удара сердца буду любить. Ты у меня самое лю-

бимое в жизни существо, ты, которая принесла счастье, — это наших родных деточек. Думаю, что все кончится хорошо, и мы снова будем вместе... Привет тебе, моя родная, крепко целую тебя, твой Семен.

19 сентября 1941 года».

В пятьдесят с лишним лет легендарный маршал, наконец, получил то, к чему стремился всю жизнь: настоящую семью, а, главное, жену, которая живет только им и детьми (институт Мария Васильевна бросила и нигде не работала). После «боевой подружки» Надежды и красавицы певицы Ольги это была вожде ленная тихая гавань, крепость, неприступность которой Семен Михайлович охранял, образно говоря, по всем правилам военного искусства. Избегал вывозить жену на правительственные приемы, чтобы лишней раз не попала на глаза кому не следует. И вообще надыхаться не мог на свою «мамульку».

Та же платила ему полной взаимностью. Не красавица, как ее двоюродная сестра, а просто миловидная, начисто лишенная каких-либо амбиций, Мария Васильевна, по ее собственным уверениям, прожила с Семеном Михайловичем очень счастливую жизнь. Хотя и приходили порой сомнения, что выстроила свое счастье на чужой беде. Не посадили бы Ольгу Стефановну — не было бы ни семьи, ни троих детей. Успокаивала себя тем, что не раз слышала от тетки: все равно тот

брак распался бы. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Семен Михайлович Буденный умер 26 октября 1973 года в Москве, причиной его смерти считается кровоизлияние в мозг. Он был похоронен с соответствующими торжественными почестями на Красной площади Москвы возле Кремлевской стены. У могилы знаменитого командующего был установлен памятник.

Жена Буденного Мария Васильевна скончалась в 2006 году — ей был почти 91 год. Похоронили ее на Новодевичьем кладбище.

А про то, как Семен Михайлович охранял свое позднее семейное счастье, некогда ходила легенда. То ли перед самой войной, то ли после нее за Буденным пришли: хотели взять его на даче, при жене и детях. Он же открыл огонь из пулемета по незваным гостям, а когда те на время отступили, бросился звонить Сталину:

— Иосиф Виссарионович! Контрреволюция! Меня брать пришли! Живым не сдамся!

Сталин якобы рассмеялся и приказал оставить Буденного в покое.

Если это не очередная легенда о «первом красном коннике», тогда достаточно убедительное доказательство того, насколько он дорожил своей семьей, женщиной, которая родила ему долгожданных детей, и самими детьми.

С пулеметом против НКВД — это, как бы сейчас сказали, круто. □

Леонс Бриедис

гляжу в души своей глубины
как будто тонкий луч луны
цветами полон и любимой
и оттого минуют сны
меня и тыща первой ночью
как я ни тщусь уснуть опять

я в простоте почти воочью
вдруг вижу чудо и дышать
не смею вновь в души глубины
гляжу и взор мой не угас
цветами полон и любимой
что бродит босиком в лугах

ШЕПОТ

И все отечество, и дальние места
в скупой щемящий шепот уместились,
который будит полночью остылой,
когда и средь своих ты – сирота.

Когда пустою станет жизнь твоя,
Есть лишь двух губ отчаянная тяжесть,
которую не сможешь сбросить, даже
дойдя в обетованные края.

НЕНАСТЬЕ

дождливых дней особый шарм
так зрелой женщины краса
вдруг небывало расцветает

такой идешь навстречу мне
ты этим непостижимо ясным
летом

и будет долго лить дождь
красоты твоей невыносимой

хоть в синеве ни облачка не будет
хоть небо раскалится до бела
и от жары нигде не уберечься

все лето этим летом
будет дождь тебя

КОГДА

когда стал слышать свое сердце
а сердце слушаться не стало

когда гляжу вслед птичьей стае
не зная буду ль сам обратно

когда как тень бреду вдоль улиц
и люди сквозь меня проходят

когда стал лишь одним вопросом
ответы на который уже я не могу
понять

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ С МАРИЕЙ

1.

я не могу стряхнуть с ладоней
пыльцу полуночных соцветий
Бог нам обоим дал с любовью
так много истинных ответов
что словно нити чистым светом
соединяют нас всечасно
как чудо что пребудет вечно
свидетельствуя как прекрасна
как истинна необъяснимо
поэзии свободной схи́ма

2.

мы в хоре не поем по счастью
какой промолвит эрудит
что жизнь без нашего участия
правдивей и ясней звучит?

у жизни ничего не просим
все рядом с нами заодно
ведь босиком по летним росам
не каждому бродить дано

И небо руку жаркую кладет
на лбы...
Лишь чайки клекот с небосвода.

Лишь гул глубокий, тлеющий окрест, —
Дыханием погасшего вулкана.

Лишь Океан, как свежеврытый крест,
К которому стремимся неустанно.

За что же боль?

Ливиу Дамиану

За что же боль? За то, что вечно
брал больше, чем мне отвели,
я на себя — и так беспечно
взвалил на плечи твердь земли?

За то, что прикасался вольно
я к тайне звездного огня?
За то, что сердцу я позволил,
чтоб говорило за меня?

Вины печальная отрава
растет во мне, как утра свет...
Но все ж звонить дано мне право
в колокола, которых нет. □

Перевод с латышского
Юрия Касянича

Астафьев

Застолье с Виктором Петровичем

То ли мне так везло, то ли он такой был, что каждая встреча с ним являла собой сюжет, готовый для народной присказки или анекдота.

Первая встреча была на Всесоюзном совещании молодых писателей, где я оказался в семинаре Виктора Астафьева: самом, полагаю, почетном. Нас было у него девять семинаристов, приблизившихся к высшей, на ту пору необыкновенно почитаемой литературной касте. Восемь молодых мужчин, в основном, прибывших в столицу из провинции, и одна женщина, смуглая кубинка Роза Бовет! Астафьев говорил, мол, «мы» — их поколение — так не начинали! Но в сильном начале всегда кроется опасность, дальше можно не перепрыгнуть себя. В самоуничижительной язвительности, свойственной русскому вообще и сибиряку в особенности, называл свое

поколение «удобрением, которое лишь призвано сдобрить почву». А вот уже из нового поколения, на возделанном-то поле, может появиться и будущий гений. И девять таких «гениев» после трех дней тяжелой семинарской работы по приглашению самого Виктора Петровича, так в нас верующего, переместились в ресторан гостиницы «Юность», где мы все и проживали.

Застолье в жизни писателя явление особенное: он, месяцами в одиночестве создающий свои миры, призванные одолеть вселенскую несправедливость и восстановить гармонию, вдруг вырывается к людям, к тому самому народу, о котором и радеет его многострадальная душа! А «народом» чаще всего оказывается та же самая писательская братва, которая, словно множество горных рек, стекается в единое озеро застолья, в своеобразный Байкал, с единственной вытекающей рекой. Ах, какое же тут брожение, какое бурление умов и самоопределение личностей — в этом озере застолья!

— За великую русскую литературу! — поднимал бокал один семинарист, обреченный на скорую гениальность!

— За русскую охоту! — вторил другой, зная приверженность Астафьева к данному предмету.

Виктор Петрович молчал, как умудренный жизненным опытом человек и педагог. И все бы оно хорошо, но рядом с ним сидел сибирский писатель Геннадий Машкин и буквально после каждого высокого заздравия, будто осененный, вопрошал:

— Виктор Петрович, а хорошо с женщиной на соломе?..

Виктор Петрович не менялся в лице и никак не реагировал на вполне искренние провокации товарища по перу. Кубинке Розе Бовет что-то нашептывал на ушко переводчик, не знаю уж, как объясняя вкрапления озабоченного сибиряка.

— За Россию! — меж тем пылко провозглашал тост очередной «участник Всесоюзного совещания молодых писателей».

— А хорошо с женщиной на соломе?! — во что бы то ни стало хотел быть услышанным Машкин.

Не меняясь в лице и не глянув на страдальца, Виктор Петрович ровно бросил через плечо:

— С женщиной везде хорошо. Даже на навозе.

Поступил я на Высшие литературные курсы. Жил в Москве, прослышал, что приехал Астафьев, остановился в гостинице «Россия». Попал к нему прямо в разгар застолья. У Виктора Петровича как раз вышла книга: впервые в полном объеме был издан «Последний поклон», который создавался десятилетия. К этому времени Виктор Астафьев сделал то, о чем давно мечтал и говорил: после войны его с семьей занесло на Урал, потом жил в Вологде, и вот, наконец-то, свершилось возвращение на землю обетованную, в родной, так изумительно воспетый им Красноярский край!

Напротив Виктора Петровича сидел известный кинорежиссер Элем Климов. Рослый, плечистый, мужественного вида, с грудным низким голосом. Тогда он нам и расшифровал свое диковинное имя: производное от — Энгельс, Ленин, Маркс — Элем. На ту пору его еще более известная и необыкновенно талантливая жена Лариса Шепитько уже погибла: память о трагедии была свежа. Климов пьянел легко, рассказывал о военном детстве, как мальчишками они с моста стреляли из трофейного оружия в колонны военнопленных. Не знаю, была ли это рожденная алкоголем и сдерживаемыми переживаниями художественная фантазия, или правда, но рассказ такой был. Астафьев на это сказал, что он помнит, как выстрелил на войне во время боя в бегущего навстречу немца, врага и видел, как тот упал. Так ему до сих пор не по себе, берет чувство вины.

В номер постоянно заходили гости со словами признательности, одни сменялись другими.

Был Леонид Дьячков, актер. В студенческие годы (а учился я в Ленинградском театральном институте) мы на «Дьячкова» в роли Веньки Малышева в спектакле по повести Павла Нилина «Жестокость» (театр «Ленсовет») ходили по нескольку раз. Ничего в Дьячкове не было от «актерства». Бубнящий, чуть скованный, что называется, весь внутри. В этом же спектакле играл бандита Воронцова тогда еще никому не известный Алексей Петренко: запоминался сразу. Когда Венька разрешил мучавшие его вопросы выстрелом в висок из пистолета, помню, как я всеми силами пытался сдержать слезы: мне почему-то было стыдно плакать. Скользнул взглядом по залу — слезы на глазах зрителей сверкали под прожекторами, но при этом — тишина, ни шороха, ни всхлипов. Ни до, ни после мне не доводилось встречать в театре такого общего зрительского потрясения.

Дьячков, чрезвычайно опрятный, при галстукке, с волнистым уложенным чубом, ясноглазый, благоговейно жал Астафьеву руку. И я ему, с тем еще студенческим поклонением, пожал руку. Он тихо — весь внутри — улыбался. Глаза светлые-светлые: прозрачные. Скоро, с перестройкой и переменами, когда, как и во времена Веньки Малышева, менялась шкала ценностей, Леонид Дьячков завершит земные дела, как и его герой, выстрелом из пистолета.

Гости, не выдерживая Астафьевского размаха, хмельно подламывались, чередовались. А Виктор Петрович только набирал обороты, становился все речистее, кажется, ширился, шел чуть не плясом, рассказывая одну историю за другой: «Полежал, смиренно вытянувшись, Адам — не прогоняют. Тогда он придвинулся к Еве потеснее и услышал: «Ну, энти мужики! Ну, звери и звери! Со стужи, с ветру... и холодными лапами сразу к живой теле!..» — изображал он бабье жеманство, и народ в номере гостиницы с пониманием затихал, дабы не мешать этим, в холодном вагончике под жарким одеялом. Астафьев, меж тем, решительно менял тональ-

ность: «Жили Адам с Евой весело и даже бурно. Гонялся, и не раз, Адам за Евой с ломом и путевым молотком, подняв струмент над головой...» Он и сам взмахивал, как знаменем, воображаемым «струментом»! И все застолье, как боевая ватажка, общим движением вздымалось следом.

Спустя год или полтора стал я читать только что выпущенный «Печальный детектив». «Ева любила народ...» Фразы, сказанные, казалось, в застольном угаре, были один в один с текстом его новой повести. То есть, если для большинства застолье было, может быть, и приятным, но времяпрепровождением, то для Астафьева — продолжением работы. Он «обкачивал» на наших ушах, нашем восприятии свой литературный текст. Впрочем, с «времяпровождением» я погорячился. Астафьев захватывал своей энергией, уводил в свою фантазию, в сотворчество: рядом с ним хотелось ввысь, к большим свершениям.

А застолье то, в номере гостиницы, закончили мы с Виктром Петровичем исключительно вдвоем. В какой-то момент у меняхватило ума понять, что старший мой товарищ и учитель хоть и горяч, и широк, да ведь изранен и не молод. Провожал меня Виктор Петрович в коридоре, там же вручил книгу «Последнего поклона» с надписью: «Володе Карпову с любовью и на дружбу». И, верите или нет, попросил книгу не терять. «Да как можно?!» — взмолился я. «Э-э, Володя, — протянул Астафьев, — где я эти книги дареные только не находил...»

Подступало, как бы набухая, время перемен. К власти в стране пришел Андропов. Ощущение, что сейчас будут закручивать гайки, и закручивать, возможно, прямо на тебе, — существовало и несколько придавливало. Но придавливало на удивление желанно: было же понятно, что так дальше нельзя, и надо их подзакрутить, гайки нашей социальной системы. Учиться на ВЛК я уезжал из Челябинска, после успел год пожить в Чебоксарах, снова перебрался с семьей поближе к Москве. Занятие литературой все еще казалось самым высоким и общественно значимым человеческим предназначением, которое, соответственно, требовало жертв: мы уходили на «вольные хлеба», перебиваясь случайными заработками. Так, однажды, в заботах о хлебе насущном, шел я по улице Горького, которая пока еще мужественно сопротивлялась тому, чтобы стать Тверской, и прямо навстречу, лоб в лоб — Виктор Петрович! Не сказать, чтобы встреча была совсем уж случайной: Астафьев направлялся в «Новый мир», а я шествовал оттуда. Года два там уже лежала, но никак не попадала в номер моя вроде как одобренная повесть (это, похоже, была традиция редакции: авторов из так называемой «обоймы молодых» брать измором). «Пойдем, я тебя с твоей тезкой познакомлю!» — взмахнул Виктор Петрович, предчувствуя сюжет. Главным редактором «Нового мира» был тогда — Владимир Карпов. Когда меня кто-то кому-то из так называемых официальных лиц

представлял, обязательно следовало: «Но это не тот Карпов», — и человек значительно кивал куда-то в сторону. На что у меня также был ответ: «Я как раз — тот». Гонорары мои пару раз уходили Владимиру Васильевичу, причем в чеках, из-за границы. И вот теперь могла быть от него и польза: сам Астафьев меня познакомит с главным редактором главного литературного издания страны!

Виктор Петрович по пути расспрашивал про мои дела. «Может, тебе про какого-нибудь директора завода написать? — искоса смотрел он на меня. Искоса он смотрел всегда: немногие знают, что один глаз у него был искусственным — протез. «Окривел» на войне, после ранения. И какое же это ранение было, если не стало глаза? «Да ведь не напишешь еще, как надо... — вздохнул Астафьев, — а напишешь, как не надо, так еще и...» Понурый он был, в светлом, как-то обвислом на нем плаще. Совсем непохожий на того сдержанного и торжественного, монументального Астафьева, которым был он на Совецании молодых, и на того речистого и лихого, каким предстал в номере гостиницы среди друзей и почитателей. Так, в унылости, в погруженности какой-то, может быть, и глобального характера противоречия, Виктор Петрович в моем чинном сопровождении поднялся по старой лестнице на второй этаж редакции почтенного издания. Открыл дверь кабинета с надписью «Главный редактор»... И в тот момент, в то мгновение, когда нога его переступала порог, Астафьев как-то присел, рука его пошла кругом, будто он собирался пуститься в пляс, и уже разудалый сибирячок или Вася Теркин, произнес: «Здорово, разведка!» И далее последовало: «Разтудыттвоеутуды!» — семиэтажный отборный фронтовой мат.

За кабинетным дубовым столом сидел человек с квадратными плечами, холеным лицом с мужественным подбородком и тонкой полоской филигранно выстриженных усов. Он был словно с Доски почета, с портретов членов Политбюро! В дорогом костюме, с белоснежным воротом рубашки, с идеально повязанным галстуком. Этот человек — почти изваяние — стал подниматься, коротко с опаской глянув на меня, еще решая, как ему себя вести при посторонних. Но Астафьевский напор помог сделать выбор. Главный редактор, Герой Советского Союза, вдруг тоже чуть присел, резко взмахнув руками: «Здорово, пехота, тудыжраствоютуды!» И они, два фронтовика, два тертых и битых жизнью человека — Владимир-то Васильевич, при всем своем внешнем официозе, и в тюрьме сиживал, и «языков» брал! — крепко обнялись, пожали друг другу руки. А представление продолжалось: «Знакомься! — указывал Петрович на меня, — Владимир Карпов». «Знакомься, Володь, — теперь он обращался ко мне, указывая на хозяина кабинета. — Владимир Карпов». Владимир Васильевич пережил небольшое замешательство, пока не разобрались: не совпадают у нас только отчества. Он — Васильевич, я — Александрович. «Наливай!» —

скомандовал, меж тем, пехотный связист. «Нет, нет, — сказал Владимир Васильевич, — я, кроме кефира, давно уже ничего. Печень».

Остановились на чае. Прихлебывая, под фронтую густую перебранку, бывалые друзья занялись правкой рукописи, которая готовилась к публикации в журнале «Новый мир». «Нет, Виктор Петрович, — пытался взять соответствующий тон главный редактор, — это не пойдет». «Да твоюжразтуды, ты ж там, твоюраствою!» «Ну, ладно, Виктор Петрович, оставим! — махал рукой и Владимир Васильевич, сжимая в решительности боксерский кулак, — разтудыжтвою!..» «Нет, нет и нет», — в следующий раз редактор становился непреклоннее, — я ж там тоже был, знаю, тут ты уж чересчур...»

Под ухарство и матерки, — я наблюдал, — добрых три четверти исправленных или убранных из авторского текста редактором мест рукописи были возвращены на прежнее место.

«Продавил» Астафьев и меня. «Тезка» позвонил в отдел, спросил про рукопись и получил одобрительный ответ. (Что не помешало продержать

ее в отделе еще с полгода, пока она не была опубликована в другом журнале, и вопрос отпал сам собой.)

«Окопник» и «разведка» шумно распрощались, соответствуя былому, и мы с Виктором Петровичем пошли к дверям. И опять, ровно как в тот момент, когда он перешагнул порог кабинета, Астафьев, словно выпустив пары, как-то вновь весь приосунулся и устало сказал: «Да, Володя, вам будет труднее. Раньше хоть собак на уши можно было навесить. Дальше уже этого не получится».

Он, выходит, «заглядывал за горизонт»: в наш новый прагматический мир.

И следующая наша встреча произошла, когда это новое стало настоящим. Москва — город, где, казалось бы, люди могут только теряться. Но, на удивление, здесь происходят самые неожиданные встречи: то с собственной женой, отправившейся за покупками из Подмосковья, то с полузабытым и живущим где-нибудь в Хабаровске другом, то... Помню, когда мэром Москвы был Гаврила Попов, и по Арбату бегали жирные крысы, спускаюсь в метро и чувствую — не взгляд, а два тлеющих уголька в мрачном подземелье, в катакомбах: тогда серость осевшей сажеей легла на лица и на все сущее в пространстве. Два уголька просто источали общее человеческое стенание. Я обернулся на тлеющие огоньки — Валентин Распутин стоял, как это он всегда любит, в сторонке, в глубине. Тогда еще его дочь не погибла, и приветливая красивая и очень скромная жена Светлана была жива. И творческая судьба, казалось бы, складывалась так, что на сегодняшний день кажется почти не реальным: в тридцать семь лет лауреат Государственной премии, абсолютное общенародное признание, член Президентского совета, великолепная квартира в районе Арбата... Но глаза Распутина — нечеловечески страдали. Или — человечески, как на распятыи...

И вот еще одна, теперь уже абсолютно случайная встреча. Еду я в электричке метро от станции «Измайловский парк». Держусь за поручни. Чую, кто-то за полу пиджака дергает. Смотрю, мужик какой-то сидит, по виду, конюх, не конюх — откуда ему в Москве? Истопник... Думаю, сейчас рубль или два попросит, тогда их много стало, попрошаек. Мужик улыбнулся, глазом закосил... Ба! Да это же Виктор Петрович! В том же плаще, лишь полинялом и выцветшем. И сам — ну, истопник!

В 90-е годы, когда после гуманитарного бума разбухшие литературные издания «тощали» на глазах, людям становилось не до книг — быть бы живу! — я рванул в эфирные СМИ. Это был и хлеб для семьи, и вполне искренняя вера в реальное воздействие на общественную среду, в возможность отстаивать национальную государственническую позицию, которая, как ни странно для существования государства, оказалась порицаемой. Здание старого прошлого должно было быть разрушенным, и абонированные СМИ, электронные, как наиболее массовые, особенно на

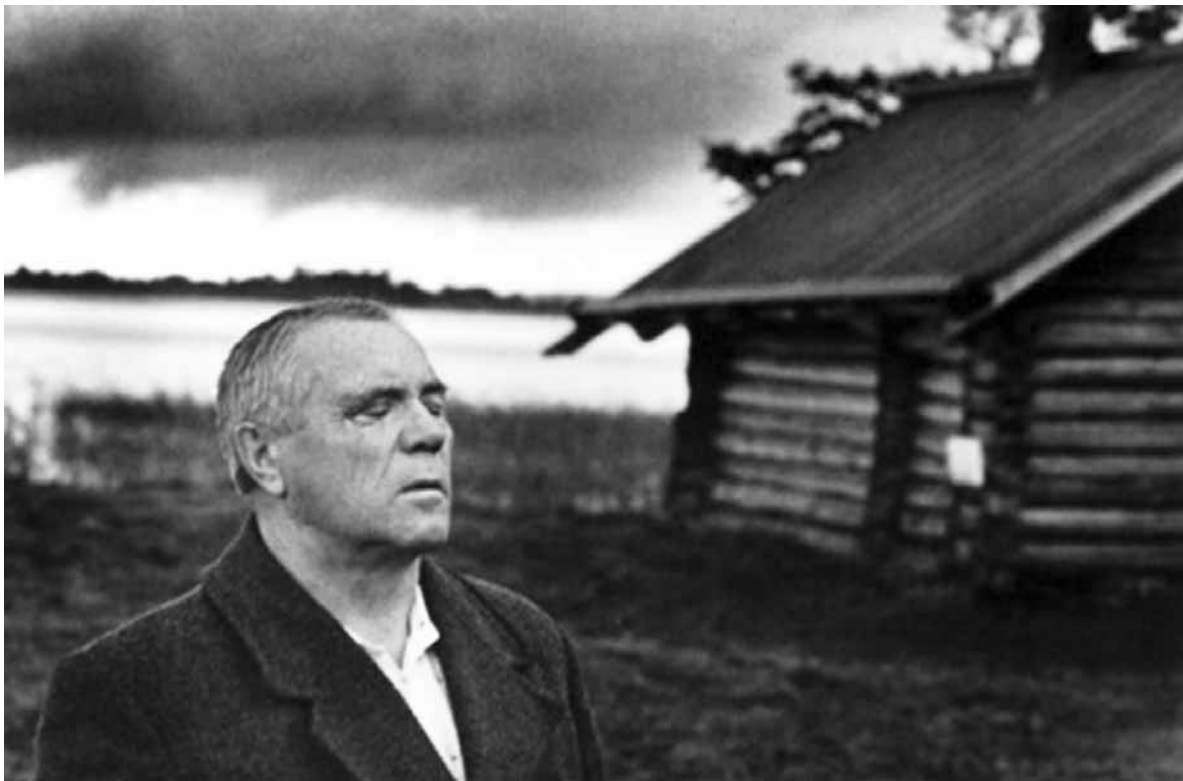
это работали. Сначала я пытался пробиться на ТВ, даже пробовался в качестве ведущего. Директор программы потом очень признательно пожал мне руку, сказав, мол, очень ты понравился, но, понимаешь, далее дословно: «если я тебя возьму, надо будет уволить весь телеканал». Эфир я все-таки получил: стал вести программы на евразийской по концепции, близкой мне и объединительной по духу радиостанции. Астафьев — глыба национальной жизни — в эфире, это же событие!

Как-то он повел меня знакомиться с актером Алексеем Петренко. Тем самым, который когда-то поразил меня, как зрителя, вместе с актером Дьячковым в спектакле «Жестокость». Теперь это был уже известнейший признанный артист! Шли мы с Виктором Петровичем по Бульварному кольцу, в район Малой Бронной. Я интриговал Астафьева, рассказывая, как, может быть, сыграл в актерской судьбе Петренко определенную роль. Когда я учился в Ленинграде, нынешнем Санкт-Петербурге, к нам на курс приходил режиссер Александр Митта. Среди прочего, был вопрос: кого из ленинградских актеров мы видим в роли Петра Первого. Занятия наши проходили в ТЮЗе (студия Корогодского), где среди ведущих актеров был несомненный «Петр»: рослый, с необыкновенным внешним темпераментом Николай Иванов. Сокурсники мои в голос рекомендовали: «Иванов». Я тоже любил Колю Иванова, но был потрясен «Жестокостью» (до сих пор мурашки по телу). Назвал имя тогда еще даже в Ленинграде малоизвестное: «Алексей Петренко», и посоветовал посмотреть спектакль «Ленсовета». Митта остановил на мне продолжительный взгляд, переспросил. Через некоторое время вышел его фильм «Арап Петра Великого». Играл в нем Петренко.

Виктор Петрович с горечью вспоминал писателей, замечательных, гениальных писателей (скажем, называл Прасолова), вовремя не услышанных, не поддержанных, так и ушедших рано, сорвано. Тот же Рубцов, искавший смерть. «Талант не только дар, но и наказание», — запомнилась формула Астафьева.

Петренко дома не оказалось: сегодня трудно представить, как можно идти в гости, не позвонив? Но тогда мобильных телефонов не было, телефоны-автоматы сплошь сломаны, или монетки не найдешь. Легче дойти. Его жена, никак не похожая на жену кинозвезды, полная, в очках, умная, напоила нас чаем, и мы отправились дальше. Теперь к художнику Капустину, в доме которого Виктор Петрович и остановился: Капустин, как и я, был родом с Алтая, Астафьев очень удивлялся, что мы не знакомы.

Капустина тоже дома не было. Но его семейство устроило нам большое застолье: на столе было много всякого соленья, и Виктор Петрович почему-то мне то и дело подкладывал моченый чеснок. И вот тут, когда он держал на весу крупную мокрую чесноковину, мне бросился в глаза его палец. Как не замечал этого пальца раньше?! На указательном пальце Виктора Астафьева был широкий рубец — нарост такой, какие бывают

у каратистов на костяшках кулака от постоянных ударов по снарядам. Только у Астафьева этот «ударный» нарост был от авторучки! Стало ясно, как даются ему эти его, казалось, легко и невзначай вылетевшие строки.

В квартире Капустина мы записали беседу для радио. Астафьев теперь говорил, что его поколение, на долю которого чего только ни выпадало, оказалось лучше готовым к переменам. Я не мог не согласиться: время многих из моих пишущих ровесников просто заторопило на погост. Но так же верно было и то, что именитые писатели почвеннического толка тоже не блистали новыми произведениями. Появлялись публикации из этой плеяды только у Астафьева, да все не «Пастух и пастушка» или «Сон о белых горах»... «Гений появился, — заключал Виктор Петрович, — но это человек нашего поколения: Александр Исаевич Солженицын». Он так и назвал: по имени, отчеству и фамилии.

Я тогда вообще не верил в скорую востребованность русской литературы. Думаю, что и Астафьева охватывало, закручивало и выкручивало все шибче (тут именно по-астафьевски хочется сказать) это чувство — неверия и отчаяния, даже какого-то мстительного отчаяния. За детство ли свое израненное, исковерканное? За мать, которая погибла на Енисее, когда плыла на плоту и зацепилась косой за бон (это ж какую косу надо было иметь!)? За отца, мыкавшего по тюрьмам, пока сын рос? За потерянных на войне одногодков? За все то, что породило необыкновенно богатый жизнью и образами мир «Последнего поклона»? Зря, полагаю, он вернулся в свое родное село Овсянку: надо было тогда и детство возвращать!

Мне довелось побывать у Виктора Петровича в Овсянке. Было это в 96-м году. Меня пригласили как писателя на литературные чтения. Но человек, очутившийся в электронных СМИ, становится частью своеобразной мясорубки, для которой бытие служит исходным сырьем. Помните, в «Сладкой жизни» Феллини: известного журналиста избивают, а его друг, вместо того чтобы броситься на помощь, начинает снимать, с жадностью щелкает фотоаппаратом. Все в мясорубку, на фарш! Вот и я притащил с собой в деревенскую избу Виктора Петровича оператора с телекамерой. Вокруг дома Астафьева, когда мы прибыли, уже парочка телегрупп дислоцировалась, издали, через забор выцеливали объективами камер.

Виктор Петрович как увидел меня с вооруженным сопровождением, так чуть не матом, как это он славно умел, мол, сам заходи, а этот «глазок» даже не расчехляй, а то от ворот поворот.

Я еще оглянулся на тех, кто с телекамерами — «глазками» вел свою охоту. Дал слово, что снимать не будем.

— Меня тут одни снимали, снимали, я им, как людям, рассказывал, рассказывал, а фильм вышел, гляжу, у меня вот сосед живет, пять судимостей, он у них главным рассказчиком и оказался! Ну, так и снимайте про него, чего здесь Астафьева-то прилепили...

Потом Виктор Петрович рвал лук, вытаскивал морковку с грядки — на угощение, для гостей, — и все не унимался:

— Вот я наклонился, а он не снимет, — указывал Петрович на оператора, — что я морковку, которую сам со своей Маней ращу, из земли пальцами выковыриваю. А вот что Астафьев вверх поплавром встал, это пока-ажет!

И вновь было застолье! Виктор Петрович нес всех и вся по кочкам:

— Мы в бараках жили, по двадцать семей кряду! Но в бараках было чисто! Занавески накрахмалены, половики простираны! На реке, с валиками! Уборная стояла: двенадцать дырок для женщин, восемь для мужчин. Но в уборной было чисто! А сейчас... — Он махал рукой, передавая картину ужаса и смрада, творившегося «сейчас»! Но и этого ему было мало, он пускался в предсказания: — России больше не будет! Может, будет страна, которая называется «Россия», но это будет не Россия! И русского народа не будет! Может, и будет кто-то называться «русскими», но это будут не русские люди!

Во мне все закипало. Верил во что-то или нет, но я еще был сравнительно молод, я только что вылез из-под поезда! В городе Твери бежал за уходящим составом, в котором уезжали мои вещи, документы, догнал последний вагон, а проводница закрыла передо мной дверь, дескать, не прыгай, скорость. И для меня, знать, в подсознании этот поезд был уже всей уходящей, уносящейся куда-то жизнью: страна менялась, рушилась, в семье все шло наперекосяк, сын, ровно в шестнадцать ставший кандидатом в мастера спорта по боксу, попал под суд! Их, спортсменов, в нашем подмосковном городке со школой олимпийского резерва по едино-

борствам, был полон двор, а оставалось — три-четыре парнишки, остальные все полегли в необъявленной криминальной войне. И я, нагоняя жизнь, рванул, в конце платформы вцепился в поручни предпоследнего вагона, но одной рукой. Потом мне говорили, что нужно обязательно двумя, тогда удержаться можно, а одной — закидывает... Очнулся в реанимации: весь перебинтованный, с антенной, торчащей над глазом, и перевязанные ступни ног в одну сторону скошены. Врач очень изумлялся, говорил, за тридцать лет практики — второй случай, когда человека с рельс привозят с таким малым ущербом. Первый — ухо отрезало, правда, там был трамвай.

И вот второй — отпластнуло большой палец на ноге. Через день-другой, когда меня перевели в палату, и я скорбно поведал мужикам о том, что палец на ноге теперь мне снится ночами, один весельчак тотчас подбодрил: а представляешь, если бы все пальцы на ногах у тебя остались целы, а того пальца нет?! Ребра срослись, порывы зарубцевались, слез с костылей, и трижды сильнее хотел жить, выдирать детей своих из лап времени реформ, сворачивающих судьбы, и я хотел при этом оставаться русским!

Еще сдержанно, соблюдая, что называется, субординацию, выговаривал Астафьеву: не обида ли в нем говорит? Он вернулся в село, воспетое им, а здесь совсем не та жизнь? Так оно, село-то, уже и не село, а дачное место, находящееся в тридцати километрах от крупного города, лучших людей город всосал, а сюда ушли «стоки». А другая категория — дачники, дачники и есть!

Христа продали! — обвинял Астафьев народ. Заповеди преступили. Крикнул юродивый, экспроприируй экспроприруемое, и пошли за ним! А ведь все было сказано, все просто: не убий, не укради, возлюби ближнего... Покаяться надо, покаяться...

В словах Виктора Петровича было то, о чем многочисленные тогда «правозащитники» и модные интеллектуалы трубили по всем каналам мобильных СМИ с тем праведным видом, будто они жили в каких-то иных пределах, где-то у Христа за пазухой, и в грехах не повинны. Меня провало.

У меня громадная родня на Алтае! — пустился я в крик. В ор. Во зло: я, наконец, тоже из Сибири, и пятернями тоже потрясать умею! Моя родня всю жизнь в ломовой работе, крестьянствовали, кузнечили, шоферили на Чуйском тракте, сколько калечились на этих сенокосилках, лесопилках, воевали, и никаких заповедей не забывали: и чужого не брали, а уж ближнего умели возлюбить куда как больше самого себя...

Телеоператор, молодой рыжеволосый парень, забыв про «глазок», смотрел, как мы собачимся, гость и хозяин, во все глаза.

— За что им каяться?!

— Так и у меня также, у меня такая же родня... — вдруг нежно, тепло заулыбался Астафьев.

Хотелось ему, что ли, чтобы кто-то это сказал, хотелось? Подначивал он, что ли, и подначивал на ту пору всю страну?

И только тогда, словно расчистив место для доброй постройке, дав выплеснуться наболевшему в нас, временному, повел важную для себя речь: по-астафьевски. Какой же это был рассказчик! И голос его то уходил ввысь, в придыхание, то скатывался на низа. Говорят, что Астафьев хорошо пел, не слышал, но убежден, что так. Понятно, он вновь вел застольный период работы над письменным текстом.

Я не знал Рубцова лично, но хорошо представлял, как стоит поэт в квартире Астафьева, держа рюмочку на весу и чуть накренясь, отчего, как бы случайно, на дорогой ковер падают капельки коньяка. С длинного, мокрого после дождя плаща его также падают капельки (Астафьев дорисовывал картину еще и мимически). Требуется дополнить рюмку и снова роняет капли на ворсистый ковер этого сытого, обласканного лауреата Государственных премий, который написал про какую-то госзаказовскую рыбу. Виктор Петрович не стыдился, не скрывал того, что он, казалось бы, народный и простецкий, в глазах «чистого поэта» Рубцова выглядел чуть ли не придворным писателем, а со смехом, иронией и пониманием смаковал ситуацию. Следовал следующий сюжет, как он, Рубцов, и еще один вологодский писатель Коротаев были на севере области. Собрались в старую намоленную деревенскую церковь. Вечер, время идти, а Рубцов, набравшийся «плодово-выгодной», где-то у реки лег за бревно, и все. Потормошили, потрясли, ну, что делать? Не готов он, значит, для Высших целей. Вдвоем с чувством собственного морального соответствия отправились в храм. Поставили свечки, помолились, причастились, и так хорошо на душе, славно! Чувство такое приподнятое, высокое, но деваться некуда, надо идти за Рубцовым, будь он неладен! Подходят, а Коля сидит на бревне, плечики поджал и, кажется, такой прозрачный. Смотрит перед собой — а по реке туман. И вдруг читает стихи. Бог ты мой! Сильнейшие чистые строки! Когда ты это написал? Да вот, только что. Прямо сейчас написал?! Да не написал, писать-то нечем, так, с голоса. Господи!.. Мы там ходили, Бога искали, а Бог-то сюда, к нему приходил. И стихи эти Рубцов так и не записал, и они записать не догадались, прозвучали гениальные стихи один раз в ночном тумане, и все...

«Погибшие строки: страницы воспоминаний о поэте Николае Рубцове» — Астафьев положил на бумагу лишь три года спустя после того, как мне привелось услышать в устном изложении. В то время Виктор Астафьев со своими новыми публикациями активно поддерживался либеральной общественностью. Консервативная — а это его друзья по всей жизни! — считала «переметнувшимся», подладившимся под новую власть. Убежден, что, если Виктор Петрович даже очень этого захотел — «подладиться», — ничего бы из этого не получилось! Характер не тот — сти-

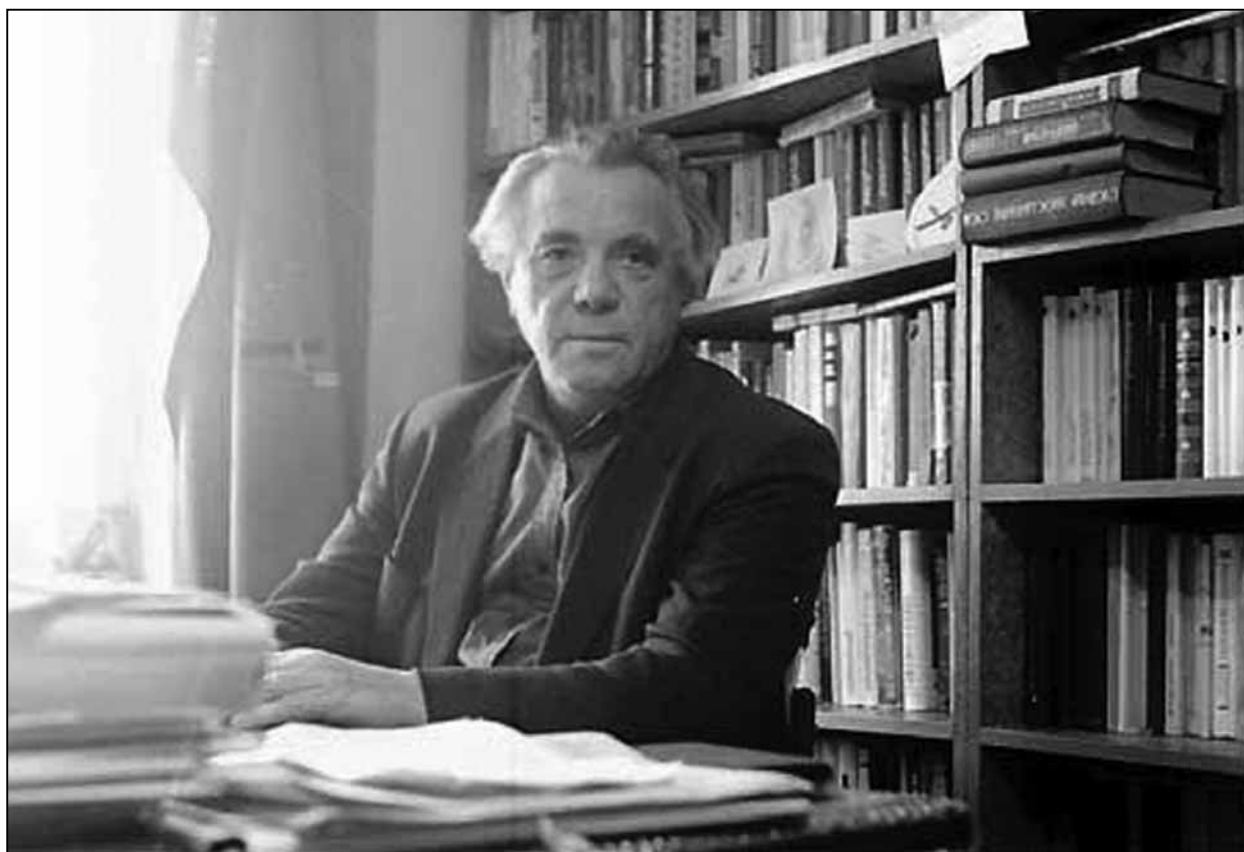
хия, которая, когда надо, удивительно сочеталась с жесточайшей самодисциплиной. Да и мог ли он так мелко плавать, ровняя себя по поэту древности китайцу Ду Фу, которого страстно почитал, или по современнику сербу Павичу, которого, для меня неожиданно, весьма ценил. Просто Петрович был слишком «народной клеткой». А на рубеже веков это качество наше национальное — склонность к самобичеванию — и в самом народе достигло критических пределов. Стоило заговорить с человеком, что называется, самого простого звания, как тут же — и ленивые-то мы самые, и нерадивые, рвань, пьянь — тьма кромешная! Я тогда, бывало, при разговорах таких карту земного шара открывал, две круглые половинки, и просил посмотреть, сколько русские освоили, распахали, обжили земли-то! Никчемненькие-то, сирые, а?! Вот и «Погибшие строки» — они были как бы и о Рубцове, и о беде нашей злостной, в которой ждет гибель и «строки», и народ! Лечение, — хочется добавить в продолжение нашего застолья, дорогой Виктор Петрович, — оказалось скорым: примерли как-то влет пьяненькие наши, часто при этом самые мастеровые, упокоились вместе с советской беспечностью!

Тогда же, в 96-м, суть рассказа была в ином. Мы, за горячими разговорами, опаздывали на концерт японских музыкантов, который должен был состояться в библиотеке села Овсянка. Виктор Петрович, в желании успеть дорисовать сюжет, вел речь только о поэте и о том явленном воочию открытии, что ангел небесный спускается совсем не там, где люди наметили его прибытие, и не к тем, кто, по человеческому разумению, этого достоин. А воистину — ищет, где хочет. Божья душа — дар и наказание.

Если дом у Астафьева в Овсянке был обычным — изба, то библиотека его стараниями возведена на славу: двухэтажная, с залом для встреч и концертов.

Японское струнное трио исполняло в Овсянке музыку Чайковского. В окно второго этажа светило яркое солнце, Енисей зазывал светлыми водами: библиотека располагалась на берегу. Накрытый банкетный стол ждал в одной из нижних комнат. Участники и гости литературных встреч сидели с непроницаемыми лицами. А японцы все водили и водили смычками.

Вдруг взгляд мой упал на Астафьева: скорее, не упал, а как в предчувствии чего-то, поманило глянуть. Чуть поодаль, по левую сторону от меня, сидел человек, лишь отдаленно напоминающий того Виктора Петровича, с которым я только что застольничал. Лицо его было граненым, рельефным и легко, едва уловимо, покачивалось в пространстве ровно в такт музыке. Рука прямо свисала плетью и пальцы на ней, кажется, безжизненной, нереально подрагивали, перебирали не то струны, не то лады. Я знал, что Астафьев любит музыку, собирает пластинки с классикой, но вот чтобы так?! Вася Полячек заиграл где-то в моей голове на скрипке, и мальчик тот, из начальных глав «Последнего поклона», увиделся прижимающимся

к коре лиственницы, к дуплу ее, как к родильному лону, еще пытаюсь спрятаться от этого нового притягивающего и опасного мира, который восстанет за звуками музыки...

Мир Астафьева для меня сродни миру Толстого. Только у классика герои приходят в жизнь и страницы его творений очень сложными, перегруженными ношей вселенскости человеческой, чтобы, в конце концов, понять величие простых истин, а у моего современника Астафьева — герои приходят простыми, и мир, да еще такой, мир XX столетия, осложняет их, заполняя подчас непомерной духовной ношей. Иная, чужая музыка Васи Полячека — первая встреча с большим и пока неведомым миром для сибирского деревенского мальчика.

Одно из многих противоречий Льва Толстого видят в том, что он, не любя фотографироваться и позировать, оставил столько своих портретов и фотографий, сколько вряд ли найдется у кого-то из его современников. Секрет, думаю, прост. В следующий день литературных встреч Астафьев сказал: «Ладно, расчехляй, Володя, свой «глазок». Тебе же семью кормить надо...» И мы сняли наш разговор. Без брани, но народу и «национальной ограниченности» все равно доставалось крепко. Сюжет о стихах, или ангеле, явившемся Рубцову где-то у бревна, Виктор Петрович опустил. Повторил сказанное некогда: поэт искал смерть. Но, как ни была Николая Михайловича судьба, как ни ломал себе жизнь он сам, в его поэзии нет и тени

обида, надрыва. Есть свет, есть благодать. Астафьев с подчеркнутым почтением называл того, кого многие звали панибратски «Колей», по имени-отчеству. Прирожденный артист Виктор Петрович чувствовал разницу и обращался уже к массовой аудитории, делая это блистательно!

Был год президентских выборов. В важности текущих политических событий монтаж моих записей «для вечности» все откладывался, тем более что я не был штатным сотрудником телеканала. А когда пришло время, обнаружилось, что в судорогах репортажной спешки кто-то из журналистов схватил мои без дела лежавшие кассеты и записал на них, несомненно, судьбоносные политические выступления, где также талантливый природный артист отплясывал перед так называемым электоратом с надорванным сердцем в матерой груди.

Встреча ли с Астафьевым, или время так подошло, но меня снова резко потянуло к письменному слову. Опубликовал скоро три маленьких рассказа в журнале «Москва». И понял громадную разницу: я вел программы на радио с хорошим распространением сигнала, и приходили пачки писем. Они были адресованы мне, но обращались к позиции, которую я выражал, к концепции радиоканала или теме программы, мною предложенной в эфире. После публикации рассказов ко мне подошли человека три, но они обращались именно ко мне, к тому важному и сокровенному, с чем я и сам в суеете бытия встречаюсь в себе нечасто.

Должен заметить, если уж мы заводили речь про «Рассею», как Виктор Петрович на есенинский лад любил говаривать, то пишу я эти заметки в Абхазии. Вокруг тропические растения пансионата «Айтар», древняя церквушка во дворе, жирная полоса моря. И детворы, на глаз, дивизия. Вчера еще, казалось, страна лежит не на боку, а навзничь, не подняться. А сегодня полные железнодорожные составы купейных вагонов с детьми из малообеспеченных и многодетных семей прибыли и прибывают к черноморскому побережью...

Мы были недалеко от границы, когда Интернет запестрил сообщениями о политическом перевороте в Абхазии. Молодые и юные мамы, рожденные именно в кризисные годы, когда пророчества о конце России были нормой и модой, сохраняли спокойствие, уверенные, что страна вопросы решит.

Расторопная горничная пансионата «Айтар», абхазка Кристина, услышала о перевороте в своей стране впервые от меня: хихикнула и, как более серьезным делом, занялась вдеванием подушки в наволочку. Зато старый горбоносый таксист (типичный горец), который подвозил меня с дочерью и женой на рынок (где клубника и черешня оказались на порядок дороже московской), расчихвостил свою власть и все надежды «простых людей» возложил на Россию!

Так что, — мысленно продолжаю я застолье с Астафьевым, — дорогой Виктор Петрович, как сказал мне один гаишник, взывая двойную мзду по сравнению с прежней ценой: «Жизнь-то — не стоит на месте...» □

Ирина Опимах

САлексей Саврасов

Триумф и падение

185 лет назад родился художник, создавший одну из самых знаменитых картин в истории русского искусства — «Грачи прилетели». Алексея Саврасова многие считают автором одной картины, но это совсем не так — ему удалось написать множество великолепных полотен. А еще — пережить триумф и... глубочайшее падение.

24 мая 1830 года в семействе Кондратия Артемьевича Соврасова, почтенного мещанина, торговавшего шерстью и другими галантерейными товарами, родился сын. Соврасовы жили в Гончарной слободе на Швивой горке, а потому крестили мальчика в ближайшей церкви — великомученика Никиты, у Яузы.

Отец Алеши очень надеялся, что сын продолжит его дело. Но мальчик мечтал совсем об ином — ему хотелось рисовать, и у него это получалось замечательно. А уж когда люди вдруг стали покупать его рисунки — уже в 12 лет он неплохо зарабатывал, продавая свои творения, — отец стал относиться к таланту сына с уважением. Алеша увлеченно интерпретировал на свой лад гуашью популярные в те времена сюжеты — «Извержение Везу-

вия», «Буря на море» и другие. В лавках и на развалах у Ильинских ворот да на Никольской улице, где шла активная торговля лубком, бульварными романами и из-под полы — порнографическими картинками, его композиции охотно раскупали. Первый заработок юного художника был вполне достойным — 6 рублей за дюжину рисунков. В те времена взрослый разнорабочий получал такие деньги за целый рабочий день. Неудивительно, что, поступив в 14 лет в Московское училище живописи и ваяния, юный Соврасов мог сам платить за свое обучение — 2 рубля в месяц. Но тут заболела мать, да и отец все-таки никак не мог свыкнуться с мыслью, что сын отказывается помогать в «бизнесе», даже выгонял его «из квартиры на чердак за страсть к живописи».

*«Озеро
в горах
Швейцарии»*

Справа:
*«У ворот
монастыря»*

си», так что Алексею пришлось уйти из училища.

И только в 1848 году, благодаря стараниям друзей-учеников училища Александра Зыкова и Сергея

Грибкова, преподавателя Карла Рабуса, а также просвещенного оберполицмейстера Москвы генерал-майора И.Д. Лужина, прослышавшего о «необыкновенных художе-

ственных способностях» Алексея, ему удалось продолжить учебу, причем в пейзажном и перспективном классе. Руководил этим классом Карл Рабус.

Попасть в ученики к профессору Рабусу было настоящей удачей. Друг Александра Иванова, он увлекался философией и литературой, а также естествознанием. Окончив петербургскую Академию художеств, долго жил в Германии, где подружился с известным писателем-романтиком Людвигом Тиком и выдающимся ботаником Карлом фон Рейхенбахом. Рабус прекрасно ориентировался в тогдашних течениях искусства, хотя сам был весьма посредственным художником. Вернувшись в Россию, он стал преподавателем Московского училища живописи и ваяния, причем одним

из лучших. Он преданно любил искусство и своих учеников. Неудивительно, что многие из них составили славу русского искусства.

И среди них — Алексей Саврасов (Саврасовым он стал после 30 лет). Он написал несколько работ в стиле учителя, чьи полотна заставляли вспоминать романтические немецкие и английские баллады, вошедшие в русскую литературу благодаря блестящим переводам Жуковского, и, оканчивая училище, с полным правом получил звание художника. А в 24 года он уже был академиком и титулярным советником. Его картины пользовались огромным успехом, и даже пресса заметила молодого художника: «Обратили ли вы внимание на пейзажи Саврасова? От зимы его веет холодом, и какая тишина в этом замерзшем

Слева:
*«Лосиный
остров
в Соколь-
никах»*

*«Грачи
приле-
тели»*

воздухе! Очень приятно видеть, что в такое короткое время появляются такие замечательные таланты», — писал журнал «Московитянин» в 1851 году.

А потом к Саврасову пришел настоящий успех. В 1854 году Москву посетила великая княгиня Мария

Николаевна, дочь императора. Конечно же, ее повели в Московское училище живописи и ваяния, где среди других работ показали и полотно Саврасова. И княгиня, кстати, тогда она была президентом Академии художеств, купила — за 225 рублей серебром — две его картины

Софья Карловна Саврасова

и пригласила художника в Ораниенбаум, в свое имение под Петербургом, чтобы господин Саврасов написал тамошние ландшафты. Надо заметить, что вкус у великой княгини был отменный — она увлекалась живописью, собирала собственную коллекцию картин, где уже были Боттичелли, Тициан и другие мастера прошлого. И вот теперь среди этих полотен появились и две работы Саврасова!

1857 год стал очень важным в жизни художника. Во-первых, он женился — на Софье Карловне Герц. Софья была сестрой очень близких ему людей, соученика Константина Герца и искусствоведа Карла Герца, одного из ярчайших представителей московской интеллигенции, основателя кафедры истории искусств

в Московском университете. И в том же году Саврасову предложили стать руководителем класса пейзажной живописи, сменить на этом посту ушедшего из жизни его учителя Карла Рабуса. Он оказался прекрасным преподавателем, вместе со своими студентами частенько отправлялся на природу и учил их чувствовать красоту мира, гармонию, слышать музыку весны. Среди его учеников — будущие мастера пейзажа Левитан и Коровин. В то время он был счастлив, все ему удавалось...

Постепенно художник становился одной из заметнейших фигур в московской культурной жизни. В его уютном гостеприимном доме собирался цвет московского общества, художники, ученые, литераторы — Перов, Пукирев, Боткин, Третьяков и другие. Здесь их ждали «чашка чая» и долгие разговоры — об искусстве, поэзии, новых романах, политике. Алексея все любили и уважали — за доброе, отзывчивое сердце, он любому готов был помочь, и за несомненный талант. Никого не удивило, что в 1862 году, когда создавалось художественное собрание московского Румянцевского и публичного музея, именно ему доверили заниматься перевозкой картины Александра Иванова «Явление Христа народу» и, видимо, отбором ивановских пейзажных этюдов для московской коллекции. Одну из главных ролей играл Саврасов и в московском Обществе любителей художеств (МОЛХ), секретарем которого являлся не толь-

«Летний пейзаж с дубами»

ко родственник, но и близкий друг искусствовед Карл Герц.

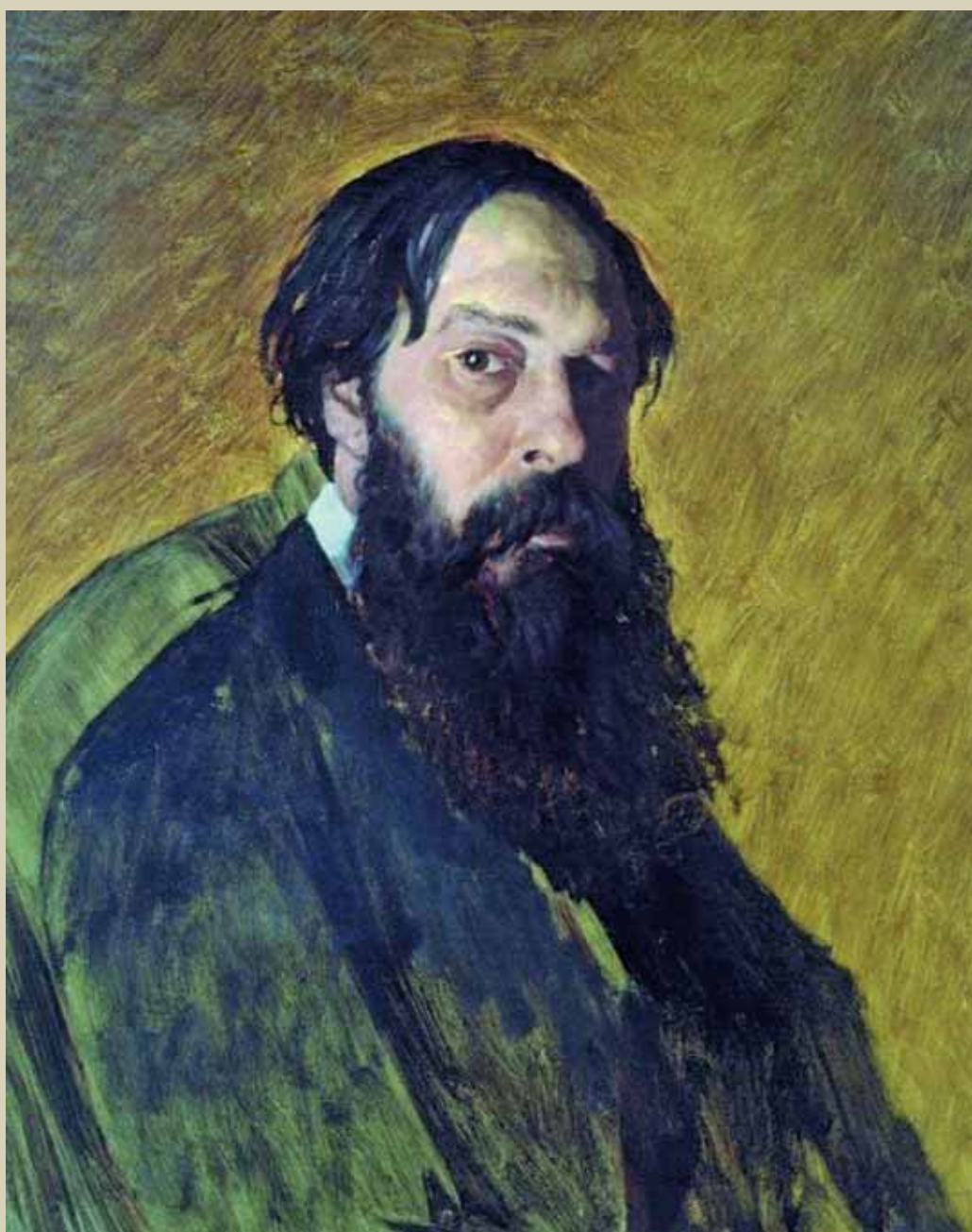
В 1862 году Саврасову была предоставлена возможность на сред-

ства МОЛХа поехать на открывшуюся в Лондоне Всемирную выставку и посетить другие европейские страны: Данию, Францию и Швейцарию.

Через пять лет состоялась еще одна поездка. Он наслаждался работами мастеров прошлого и своих зарубежных современников, но своему почерку, своему стилю не изменял.

В 1871 году Саврасов представил публике свой шедевр — «Грачи прилетели». Любители искусства увидели это чудо на Первой выставке передвижников, открывшейся в Петербурге 29 ноября.

А история создания этого полотна такова. В конце 1870 года, вдохновленный впечатлениями от летней поездки на Волгу и получив (видимо, от Третьякова) заказ на исполнение «рисунков и картин зимнего пейзажа на Волге», Саврасов вместе с семьей надолго уехал в Ярославль. Сняв большую квартиру, они какое-то время вели счастливую, «тихую и сосредоточенную» жизнь в ста-

В.Г. Перов.
*«Портрет
художника
А.К. Сав-
расова»*

Справа:
*«Пейзаж
с избышкой»*

ринном живописном приволжском городе.

И тут случилось несчастье — в феврале умерла новорожденная дочка (уже третий умерший ребенок Саврасовых), потом заболела жена, и Саврасов тяжело переживал все эти горестные события. Но жизнь продолжалась, на смену зиме пришла весна, он вновь почувствовал прилив творческих сил и в таком настроении приступил к работе над первыми этюдами к будущим «Грачам». Биограф художника А. Солмонов писал в 1894 году об охватившем мастера в ту весну вдохновении. Как-то Саврасов попал в расположенное в 60 верстах от Костромы село с нежным названием Молвитино. Старая сельская церквушка, еще голые деревья, и — уже

прилетевшие грачи... Вернувшись в Москву, он закончил картину в мастерской, и, наконец, полотно предстало перед посетителями Первой выставки Товарищества передвижников, одним из учредителей и членом правления которого, кстати, был Саврасов.

На той памятной выставке было много замечательных работ, ведь в России уже знали и любили «лесного богатыря» Ивана Шишкина, импульсивного Федора Васильева, внимательного Михаила Клодта, «светописца» Архипа Куинджи. Однако Иван Николаевич Крамской, лидер передвижников и один из глубочайших ценителей русского искусства, ставил на первое место именно Саврасова. Он писал: «В работах других художников есть деревья, вода и

даже воздух, но душа есть только в «Грачах», те душевные нервы, которые чутки к шуму и музыке в природе, ...струна, которая могла бы обращаться в песню». А Павел Третьяков не мог сдерживать восторгов: «Эта картина излучает свет. Да-да, свет! Этот мартовский снег, воздух, березки, грачи...Весной пахнет!» Он тут же приобрел полотно для своего собрания.

В 1870-е годы Саврасов создал множество замечательных работ — это был период его творческого расцвета. Его картины пользовались любовью не только русских зрителей, но и европейцев — Саврасов с успехом участвовал во всемирных выставках: Венской, 1873 года, и Парижской, 1878 года.

А потом наступили новые времена, общество требовало новых сюжетов. Недаром Достоевский замечал с ехидством: «Дайте русскому человеку самую поэтическую картину. Он ее отбросит и непременно выберет ту, где кого-нибудь секут». Тогдашние живописцы сразу откликнулись на социальные запросы — «вскрывали и обличали пороки», «обнажали язвы». Пресса восхищалась, к примеру, «Тройкой» Перова, репинскими «Бурлаками на Волге», полотном «Земство обедает» Мясоедова. А что у Саврасова? Никакого драматического сюжета! «Петербургская газета» так и писала: «В картине «Вечер» никакого сюжета. Изображен какой-то пожар с отлетающими стаями галок. Грачи там отлетели или галки, не разобрать, но талант Саврасова отлетел — это

уж точно!» Наверное, читая подобные статьи, хотелось как-то утешиться, и художник начал тянуться к бутылке.

Он чувствовал — время его прошло. Его картины никому не нужны, не интересны. Да и семейная жизнь складывалась не очень хорошо. В браке родились четыре дочери и один сын. Одна дочь умерла в совсем юном возрасте от скарлатины, другая — почти сразу после рождения, в Ярославле, в 1871-м. В конце 1876 года жена ушла от Саврасова, забрав двух дочерей, Веру и Женю, и уехала в Петербург, к родной сестре Аделаиде. А что русскому человеку помогает забыть о тяготах жизни, что помогает уйти в мир иной и не о чем не думать? Водка. К концу 1870-х Саврасов превратился уже в настоящего алкоголика, а ведь до 50 лет он почти не пил, да и отец его был убежденным трезвенником. В 1882 году, после смерти прикрывавшего его перед начальством Перова, Саврасова уволили за пьянство из Московского училища живописи и лишили казенной квартиры.... (Они очень дружили, эти два замечательных художника. Кстати, немногие знают, что пейзаж, на фоне которого расположились перовские «Охотники на привале», написан Саврасовым! В 1877–78 годах Перов написал портрет Саврасова — умное, думающее лицо, выразительные глаза, в которых угадываются талант и очень ранимая душа...)

Пришла нужда. Дочь художника, Вера Алексеевна, вспоминала: «Отец

«Пейзаж с дубами и пастушком»

не хотел учить меня рисовать или лепить, находя, что художники обречены на полуголодное существование, даже имея талант. Этот взгляд оправдался на нем самом».

Потом в его жизни были еще две женщины — сердобольные Вера Ивановна Киндякова и Екатерина Матвеевна Моргунова, последняя

даже родила ему двоих детей — сына Алексея и дочь Надежду. Наверное, обе любили его, пытались вытащить из алкогольного дурмана, но... Саврасову уже ничто не могло помочь — он угасал и как личность, и как художник. А тут еще и глаза стали отказывать. «В последние годы, когда А.К. Саврасов уже окон-

чательно спился, он иногда появлялся в мастерской в рубище», — вспоминает В. Гиляровский в книге «Москва и москвичи». Но Саврасов был настоящим художником и, несмотря ни на что, пытался работать. Его картины того периода очень неровные по своему уровню и часто мрачные. Вот, например, созданный в 1887 году «Пейзаж. Село Волыньское»: фабрика чадит дымом на стоящую рядом церковь.

Современники вспоминали, как этот интеллигентнейший, умный, добрейшей души человек и великий живописец постепенно превращался в безвольного алкоголика, отдававшего свои работы, написанные нетрезвой рукой, за стакан водки. Он понимал, что погибает, что места в этом мире для него уже нет. Жизнь, по словам Коровина, теперь виделась ему как «ярмарка», где все продается и покупается, как «темный страшный подвал», куда он проваливается. Но он все-таки пытался что-то делать и — торговал своими рисунками, как когда-то в отрочестве, на улицах. Авторские копии «Грачей» шли очень даже неплохо — по трешке... Периодически рядом возникали разные мошенники, пользовавшиеся отчаянным положением художника.

В 1894 году архитектор Александр Померанцев случайно встретил Саврасова на улице. Потрясенный его видом, он написал докладную записку в Академию художеств: «Достигнув преклонного возраста, этот больной человек вынужден жить с женой и двумя малолетними детьми в обстановке столь жалкой,

которая едва ли бы удовлетворила самого непритязательного ремесленника, вынужден подвергаться самым крупным лишениям... Он за последние годы попал в руки некоего эксплуатирующего его талант торговца, который, продавая его картины по дорогой цене, сам оплачивает их грошами, постоянно держа художника в состоянии задолженности... Картины, проданные за несколько сот рублей, были оплачены ему несколькими десятками рублей, что известно и самому художнику, и на что он даже не жалуется, по-видимому, почти примирившись со своей тяжелой долей».

Замечательный русский художник Алексей Саврасов скончался 26 сентября 1897 года в московской больнице для бедных на Хитровке. Похоронили его на Ваганьковском кладбище.

Любимый ученик Саврасова Исаак Левитан, узнав о смерти учителя, написал: «Не стало одного из самых глубоких русских пейзажистов... С Саврасова появилась лирика в живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной земле... и эта его несомненная заслуга никогда не будет забыта в области русского художества».

Сегодня, придя в Третьяковскую галерею, по-прежнему можно увидеть саврасовский шедевр — его «Грачей», и снова почувствовать приближение весны, восторг перед пробуждением природы, волнение перед началом, сулящим новое, неизведанное, чудное, и — надежду, которая не должна оставлять нас даже в самые тяжелые минуты жизни... □

Лауреат кинопремии
«Золотой орел»,
театральных премий:
«Хрустальная
Турандот»,
«Звезда театрала»,
лауреат премии
Президента РФ
для молодых
деятели культуры
Юлия Пересильд
блестяще играет

Юлия Пересильд

*«Все, что сделано человеком
с Любовью, будет иметь успех»*

в государственном Театре Наций, в театре на Малой Бронной. В 2010 году она стала обладателем номинации «Лучшая женская роль» за спектакль «Варшавская мелодия». Талантливая актриса снялась в более чем тридцати фильмах. А в этом году на международном кинофоруме в Китае Юлия была отмечена призом за лучшую женскую роль в фильме «Битва за Севастополь», где ее героиней была Герой Советского Союза снайпер Людмила Павличенко.

(Интересен исторический факт — в июне 1942 года, когда Павличенко была тяжело ранена, ее отозвали с передовой и направили с делегацией в США и Канаду. Она побывала на приеме у президента

Соединенных Штатов Франклина Рузвельта, а позже выступила перед Международной студенческой ассамблей антифашистов в Вашингтоне. Тогда американцы не понимали, почему нужно помогать Второму фронту, а Людмила ответила: «Мне 25 лет, и на фронте я уничтожила 309 фашистских захватчиков. Джентльмены, не кажется ли вам, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?» Многотысячная толпа замерла, а потом взорвалась шумом оваций...)

— Картина «Битва за Севастополь» вышла на экраны страны в преддверии великой даты — семидесятилетия Дня Победы. Вы сыграли в ней роль биографическую, роль Людмилы Павличенко, героической женщины — снайпера...

— Режиссер Сергей Мокрицкий пригласил меня на главную роль Людмилы в этой исторической драме. В марте 2013 года прошли пробы, а съемки начались осенью.

Это был длительный процесс. Мы работали не только в Крыму, но и в

Одессе, в Киеве. Этот фильм о трагической судьбе женщины на войне, история героической девушки Людмилы Павличенко.

Во время Великой Отечественной войны, по статистике, восемьсот женщин ушли добровольцами на фронт! И режиссер Мокрицкий обратился к теме Женщины на войне.

— *Насколько я помню, до этой картины на эту тему был снят только художественный фильм «А зори здесь тихие...», ставший классикой отечественного кино. Сегодня сни-*

Спектакль «Киллер Джо».

Фото
Калина
Николова

мают сериалы, фильмы, где главные герои, в основном, — мужчины... Каким вам представлялся образ Людмилы?

— Людмила была смелой, обладала редким даром — умением сохранять, несмотря на свой двадцатипятилетний возраст, спокойствие, выдержку, холодный разум в самых напряженных, сложнейших ситуациях.

— Ваш партнер в фильме — Евгений Цыганов. Как вам с ним работалось во время съемок?

— Евгений очень хороший артист, с сильной энергетикой. В картине он играет снайпера Леонида Киченко, любимого человека и близкого друга Людмилы. У нас сложился замечательный творческий коллектив, и работалось всем на площадке легко и интересно. Тем более что наш режиссер Сергей Мокриц-

Спектакль «Варшавская мелодия».

Театр на Малой Бронной.
Фото Владимира Кудрявцева,
предоставлено театром

**Спектакль
«Рассказы
Шукшина».**

Фото
Кирилла
Иосипенко

**Спектакль
«Фрекен
Жюли».**

Фото
Сергея
Петрова

кий — прекрасный человек и профессионал.

— Фильм вышел на экраны, призы получены, и актерская жизнь продолжается. Что нового в вашем творчестве?

— Не люблю говорить об этом. В нашей профессии так: сегодня работа над проектом началась, а завтра — закончилась, такое, увы, часто бывает.

Сейчас идут репетиции с арт-группой «С.А.М.» (Самостоятельные артисты и музыканты), мы готовимся к концертам. Я очень люблю эту группу, среди артистов много моих однокурсников, и все они безумно талантливые, я вообще не представляю свою жизнь без них...

— В прошлом году исполнилось два года благотворительному фонду «Галчонок», созданному с целью помощи больным детям. Я знаю, что вы являетесь одним из попечителей этого фонда.

— Да, мы стараемся, чем можем, помогать больным детям, а день рождения фонда мы отметили на сцене государственного театра Наций музыкальным спектаклем «Взрослые детские песни», в котором участвовала и арт-группа «С.А.М.»

— Юлия, вы считаете себя сильной личностью?

— Сложно сказать... Бывают, конечно, ситуации, которые невозможно преодолеть даже человеку с сильным характером, но я стараюсь не унывать, если что-то у меня не получается. И вообще считаю, что уныние — это большой грех.

— С кем из режиссеров вам интереснее всего работать?

— Отвечу вам так: недавно пришла к заключению, что может быть потрясающий режиссер, талантливые актеры, но! Если они друг другом не восхищаются во время рабочего процесса, если нет команды — то ничего не выйдет. Я всегда вну-

тренне чувствую, любят меня окружающие или нет. А нам, актерам, очень важно, чтобы нас любили, тогда и на съемочной площадке, и на театральной сцене работается замечательно!

Все, что сделано человеком с Любовью, все, что рождено в Любви, любое творение будет жить, будет иметь успех.

— Что вы особенно цените в людях?

— Честность и порядочность... Сейчас, увы, многие стали жить какими-то другими понятиями. Меня возмущают те, кто ищет выгоду в жизни для себя и на этом строят отношения, и очень нравятся люди с чистой душой, люди, у которых есть внутреннее благородство.

— Вас можно увидеть сегодня в «Варшавской мелодии», где вы играете вместе с Даниилом Страховым, и многие отмечают, что именно вы — лучшая актерская пара, которая когда-либо играла этот спектакль. Со Страховым вы снимались и в сериале «Зоннетау», а нет ли в будущем планов снова выйти с ним на одну съемочную площадку?

— С Даниилом снялась бы в кино с удовольствием! Он не только талантливый артист, но и порядочный, очень хороший человек.

— Чувство партнерства на сцене очень важно?

— Конечно, без этого ничего не получится. Нужно чувствовать друг друга, быть с партнером, что называется, одной группы крови. Знаете, какой самый ужасный комплимент

для актера? Когда тебе говорят, что в фильме все актеры плохо играли, все, кроме тебя.

— Юлия, вы любите путешествовать? Какие места вас особенно привлекают?

— Мне нравится Берлин. Самый демократичный, на мой взгляд, город из всех европейских столиц. Нравится отдыхать в Греции, на море, там спокойно, в отличие от итальянского отдыха, где окружающие очень громко разговаривают.

После напряженной работы так хочется на отдыхе тишины, релаксации... □

Беседовала **Елена Воробьева**

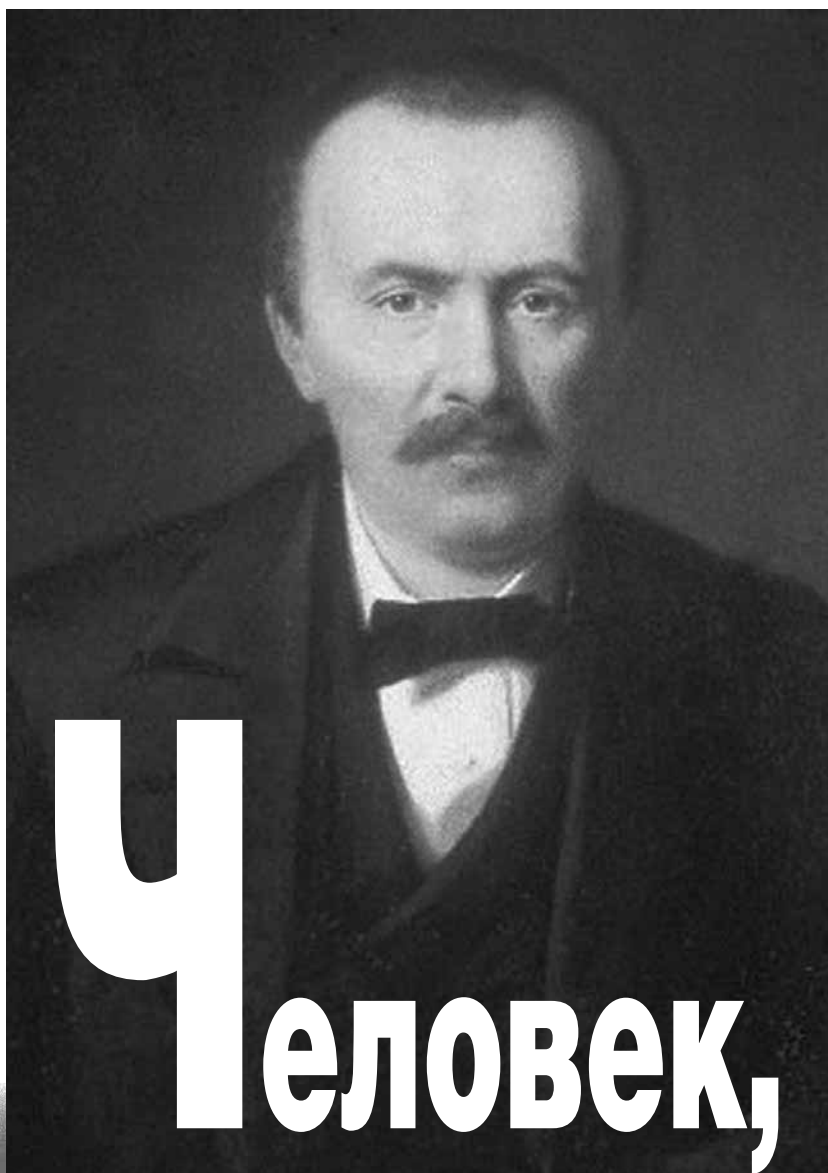
Спектакль «Электра».

Фото Веры Родман

Алла Зубкова

Он владел восемнадцатью языками и мог бы свободно беседовать на древнегреческом с самим Ахиллесом. Он доказал, что воспетая Гомером Троя — не сказка, а быль, и открыл целое тысячелетие греческой истории. Благодарная Эллада начертала на его могиле слова: «Герою Шлиману», а ведь героями в греческой мифологии именовали смертных, деяния

Человек, КОТОРЫЙ ЗАСТАВИЛ ГОВОРИТЬ КАМНИ

которых превосходили возможности обычных людей. Заслуги Генриха Шлимана перед наукой огромны и неоспоримы. Да, он часто заблуждался и ошибался, но дело не только в этом. На свете, вероятно, не было другого такого ученого, который наплел бы столько небылиц о себе самом. И это при том, что его жизнь и так была невероятно богата событиями и пестра, словно мозаика древних Помпей.

Генрих Шлиман появился на свет 6 января 1822 года в городке Нойбуков германского герцогства Мекленбург-Шверин. Промчавшееся детство почти всегда представляется нам «золотой порой», даже если на самом деле это было и не совсем так. Сквозь годы, словно через увеличительное стекло, мы видим лишь то, что нам особенно дорого и мило. Генрих Шлиман писал свою автобиографию уже в достаточно преклонном возрасте, и события детства подернуты у него романтической ностальгической дымкой. Он сообщает о том, что его отец, протестантский пастор в небольшом селении Анкерсхаген, своими рассказами и чтением заронил в нем, еще восьмилетнем мальчишке, интерес к древней истории вообще и Троянской войне в частности. Что ж, возможно, отчасти это и так. Шлиман только не написал о том, что его отец, бабник и пьяница, тиранил свою жену, милую и добрую женщину. Заставляя ее почти ежегодно беременеть, он лишал ее последних сил, и все для того, чтобы она не мешала ему распутничать на стороне. Собственно, осложнения после рождения девятого ребенка и стали причиной ее ранней кончины.

Похоронив жену, пастор привел в свой дом смазливую девицу с весьма «подмоченной» репутацией. Жители Анкерсхагена, как могли, выказывали ему свою неприязнь. Порой, вместо того чтобы являться в церковь, они приходили к его дому и барабанили по стенам и дверям котелками и кастрюлями. Маленькому

Генриху на себе пришлось испытать последствия такой неприязни. Многие жители деревни запрещали своим детям играть с ним. Особенно болезненно Генрих переживал «разлуку» с Минной Майнке, девочкой, в которую он был влюблен. В конце концов, отец отослал сына в соседний городок к своему брату, тоже пастору. Там одиннадцатилетний мальчик поступил в классическую гимназию, но уже через три месяца, ввиду пошатнувшихся дел отца, вынужден был оставить мысль о гуманитарном образовании и перейти в местное реальное училище. Однако через три года, опять же по причине отцовского безденежья, ему пришлось покинуть и эту школу. На этом формальное образование будущего знаменитого археолога завершилось, а сам он устроился мальчиком на побегушках в маленьком бакалейном магазинчике. Пять с половиной лет монотонного оупляющего труда. Он едва с ума не сошел от тоски и безысходности. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Поднимая тяжелый бочонок, Генрих повредил сосуд в легком и начал кашлять кровью, после чего хозяин выставил его и отправил на все четыре стороны. С тридцатью талерами в кармане мальчик пешком добрался до Гамбурга. Работу там найти ему не удалось, но Генрих не унывал. Почему, собственно говоря, всю жизнь он должен провести в Германии? Да, природа не наделила его мощью Ахиллеса или Гектора, но энергии и честолюбия у него хватит на троих.

Мир велик и прекрасен, а морские пути из Гамбурга ведут в страны, одно название которых пьянит, как превосходное мозельское. Там он обретет и богатство, и славу.

Генрих нанялся каютным юнгой на небольшой парусник «Доротея», идущий в венесуэльский порт Ла-Гуайра. Уже на следующий день после выхода в море судно попало в ужасный шторм, который бушевал восемь дней. Судно, в конце концов, затонуло. В своей автобиографии и в письмах к сестрам Шлиман описывает опасности, которые ему пришлось пережить, причем с живостью и талантом, достойными самого Жюль Верна. Следует, однако, отметить одну деталь — он утверждал, что спасся только он сам, капитан и еще один матрос. Голландские же газеты, поместившие отчет о случившемся, сообщали, что, к счастью, все обошлось без жертв —

и команда, и пассажиры были выброшены на один из островов у побережья Голландии. Эту «неточность» Шлимана можно было бы оставить без внимания — ну, сгустил краски молодой человек, с кем не бывает! — но дело в том, что слишком уж часто в своей жизни Шлиман, что называется, «сгущал» краски. Кое-кто деликатно именовал его за это «мистификатором». Другие стеснялись меньше и называли его просто лжецом.

Вскоре Шлиман оказался в Амстердаме. После многих неудач он, наконец, нашел место рассыльного в одной из коммерческих фирм. Жалованье, конечно, грошовое, зато у него теперь есть кусок хлеба, крыша над головой и достаточно свободного времени для самообразования. Амстердам был крупным центром международной торговли, и потому главным для себя Генрих

*Раскопки
Трои*

считал изучение иностранных языков, в первую очередь английского. По его собственным словам, нужда заставила его выдумать метод, который в значительной степени облегчал изучение любого языка. Поначалу он ежедневно по несколько часов вслух читал тексты, не делая переводов, затем писал сочинения на темы о прочитанном, исправлял их с помощью учителя, заучивая наизусть, а на следующем занятии рассказывал то, что днем раньше было исправлено. Для овладения произношением Генрих каждое воскресенье высиживал две службы в англиканской церкви, повторяя про себя каждое слово проповеди. Он постоянно тренировал свою память, заучивая наизусть по несколько десятков страниц. Через шесть месяцев он уже бегло читал и говорил по-английски. Столько же времени потребовалось ему на овладение

французским языком. Дальше дело пошло еще быстрее. Голландский, итальянский, испанский, португальский... На изучение каждого из этих языков у него уходило не больше шести недель.

Наконец его приняли на службу в одну из самых уважаемых амстердамских фирм с очень приличным жалованьем. Но останавливаться на достигнутом было совсем не в характере молодого честолюбца. В то время важнейшим деловым партнером всех торговых домов Амстердама была Россия, однако ни один из служащих этих фирм не владел русским. Это ли не шанс? — рассудил Генрих и взялся за дело. Он раздобыл русский перевод «Похождений Телемака» (по-французски он уже знал эту книгу наизусть), старый словарь и допотопную грамматику. Полагая, что присутствие слушателя повысит коэффициент

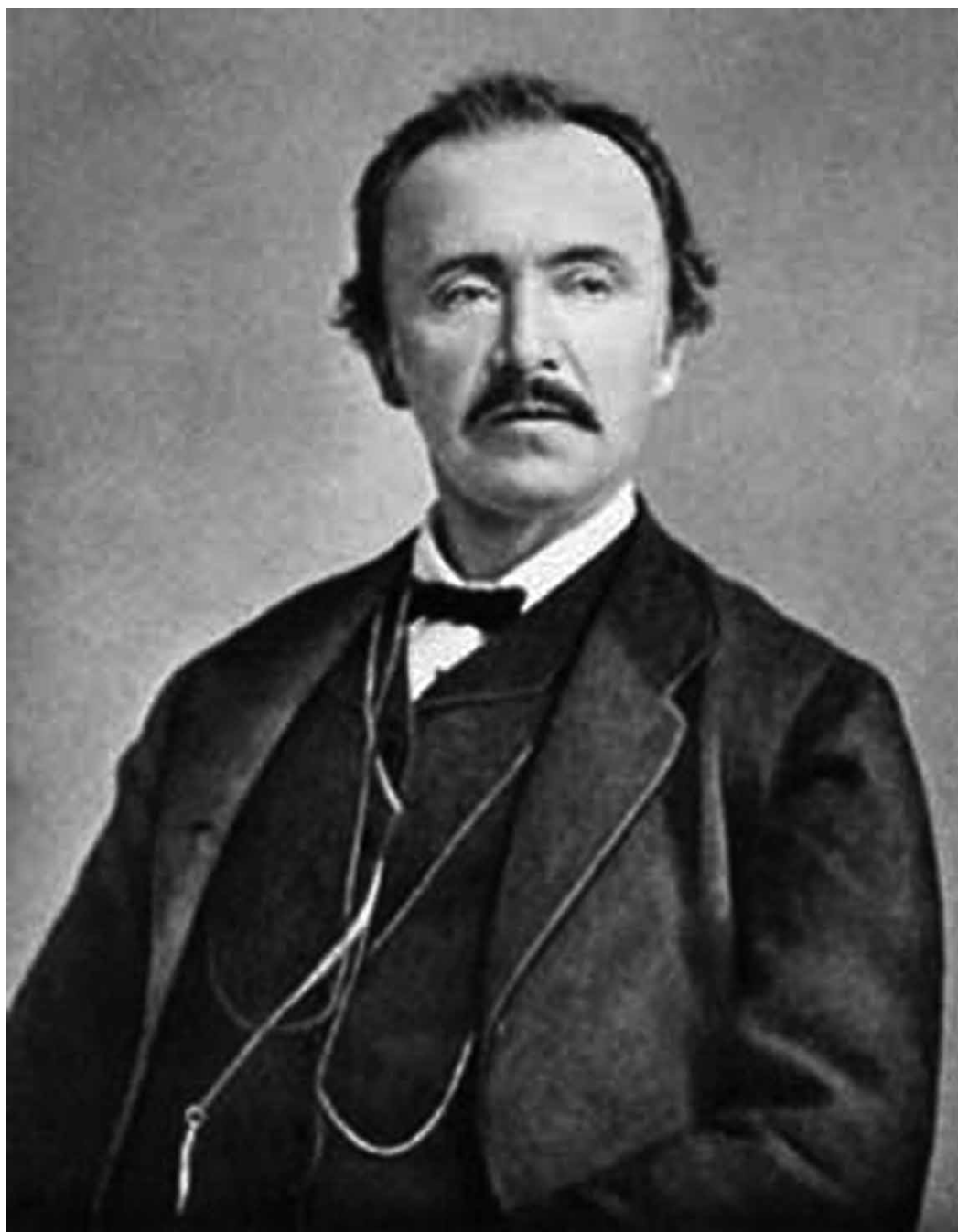
полезного действия его занятий, Шлиман нанял какого-то старика, и тот за четыре гульдена в неделю каждый вечер приходил к нему домой и, не понимая по-русски ни слова, выслушивал двухчасовую декламацию Генриха. Перегородки в доме были тонкие, и соседи, решив, что Шлиман подвинулся рассудком, добились его выселения. Квартиру пришлось менять дважды. Тем не менее, усилия Шлимана не пропали даром. Вскоре он смог уже написать свое первое деловое русское письмо, а спустя несколько месяцев на аукционе в Амстердаме мог довольно свободно разговаривать с русскими купцами.

Владельцы фирмы решили послать молодого энергичного коммерсанта своим представителем в Санкт-Петербург. Перед Шлиманом открывались блестящие перспективы. В январе 1846 года двадцатичетырехлетний Генрих прибыл в Петербург и сразу же развил бешеную деятельность. Связи и знакомства завязывались у него как-то сами собой, и уже на следующий год он открыл собственную контору по закупке и продаже индиго — дело баснословно прибыльное. В том же 1847 году он принял российское подданство.

У Генриха был уже богатый дом, роскошный выезд, но ему не хватало домашнего уюта, любящего сердца рядом. Когда-то в детстве он и маленькая девочка из Анкерсхагена, Минна Майнке, поклялись, что поженятся, когда станут взрослыми. В автобиографии Шлиман

утверждает, что все эти годы свято хранил образ Минны в сердце. Зная его страсть к преувеличениям, в этом можно усомниться, но, как бы то ни было, он отправил письмо отцу Минны, прося руку его дочери. Генриха ждал тяжелый удар. Друг детства сообщил ему, что буквально за месяц до получения письма Минна вышла замуж. Скорее всего, она и думать забыла о Генрихе. Ведь целых шестнадцать лет прошло с того дня, когда они давали свою детскую клятву. Впрочем, Шлиман долго не горевал и начал ухаживать сразу за двумя девицами. Однако ему пришлось на время отложить свои матримониальные планы. До него дошло известие о том, что в далекой Калифорнии скончался его младший брат, уехавший туда на поиски золота, и Шлиман отправился в Новый Свет. В Сакраменто он нашел могилу брата и поставил ему памятник.

Золотая лихорадка захватила молодого человека. Генрих организовал банк для золотоискателей, где принимал у них драгоценный песок ниже рыночной стоимости, платил наличными, а затем продавал его по рыночной цене. Дело это было сопряжено с большим риском. В Калифорнии собрался отчаянный люд, привыкший любой спор разрешать с помощью кольта и охотничьего ножа. Генрих пережил немало приключений, достойных стать сюжетом голливудского вестерна. Поэтому, несмотря на удачные операции с золотом, он мечтал вернуться в «милый незабвенный Петербург».

Своему приятелю в Россию он писал: *«По приезде в Петербург я возьму себе хорошенькую русскую жену, хоть очень бедную, но лишь бы русскую и хорошо воспитанную ... и постараюсь жить счастливо».*

Что ж, примерно так все и вышло, за исключением ... Екатерина Петровна Лыжина, дочь питерского адвоката, была особой довольно об-

разованной, в меру хорошенькой и небогатой. Вот только счастья Генриху она не дала, да и не могла дать, поскольку совершенно его не любила. Нравнодушна она была только к его деньгам и при этом постоянно упрекала Генриха в прижимистости и скопидомстве. Со своей стороны, Шлиман укорял супругу в склонности к мотовству и необычайной

холодности. У них было трое детей, но Генрих жаловался, что «вынужден был силой производить их на свет».

Утешение он находил в изучении новых языков. Среди прочих, за свои обычные шесть недель, выучил и современный греческий. Потом всерьез заинтересовался древнегреческим, языком Гомера, и три месяца спустя уже мог читать «Илиаду».

Бизнес его развивался более чем успешно. За годы Крымской войны Шлиман на военных поставках заработал колоссальное состояние, став мультимиллионером. Однако достигнув вершины богатства, Генрих потерял интерес к коммерции и решил отправиться в кругосветное путешествие, проявляя особый интерес к странам с древней богатой цивилизацией.

Уже став всемирно известным археологом, Шлиман утверждал, что всю жизнь мечтал о Трое, и к богатству его вело лишь стремление заработать достаточно денег на научные изыскания. Это всего лишь красивая легенда. Правда была гораздо прозаичнее. Фиаско в семейной жизни, растущая неудовлетворенность пустотой своего существования разъедали душу. Ему нужно было обрести новую цель, которая потребовала бы от него напряжения всех сил. С детства мечтавший получить классическое образование, Генрих, наконец, поступил в парижскую Сорбонну. Проучился он там, правда, совсем недолго, но и двух семестров ему хватило, чтобы понять — его неудержимо тянет ар-

хеология. Чтобы испытать себя, Шлиман предпринял небольшую археологическую экспедицию на Итаку, родину Одиссея. И хотя находки его были весьма скромны, эта поездка помогла ему поверить в себя, а, главное, настроила на греческий, «гомеровский» лад.

После долгих проволочек и мытарств Генрих, наконец, развелся с женой. Что ж, ему всего сорок семь лет, у него есть великая цель и средства, необходимые для ее достижения. Не было только подруги, которая могла бы разделить с ним бремя трудов и триумф победы, и не было времени на ее поиски. И тогда Шлиман обратился к своему другу, греческому архиепископу Вимпосу, с просьбой подыскать ему невесту. Его требования к избраннице? Она должна быть девушкой греческого типа с черными волосами, бедной, но хорошо образованной и ... обожать Гомера. Архиепископ послал ему фотографии нескольких девушек. Внимание Шлимана сразу привлек портрет семнадцатилетней Софии Энгостроменос, дочери торговца сукном из Афин, и в сентябре 1869 года состоялась свадьба. Этот брак оказался очень удачным, София стала Шлиману настоящей подругой и помощницей, матерью его детей.

Итак, Шлиман сразу поставил перед собой сложнейшую задачу — найти Трои, которая, сыграв важнейшую в древней истории роль, затем просто исчезла со всех географических карт. Надо сказать, что ему очень помог... Гомер. Он безо-

говорочно доверял гениальному слепцу. В то время подавляющее большинство археологов, веривших в реальность существования Трои, полагали, что город следует искать в Турции, на Троянской равнине на месте селения Бунарбаши. Шлиман, тщательно исследовав это место, сразу же «забраковал» его. Оно находилось слишком далеко от моря. Согласно же Гомеру, расстояние между лагерем греков и Троей было очень небольшим. Ведь греки могли из своего лагеря слышать звуки флейт в Трое. Кроме того, Бунарбаши окружен неприступными скалами, и как смог бы Ахиллес заставить Гектора трижды обежать стены крепости, если он, Шлиман, чтобы обойти местность, вынужден был целых два часа карабкаться на четвереньках? Нет, Бунарбаши совершенно не годился. Зато расположенный невдалеке от моря холм Гиссарлык явно скрывал под своей толщей удивительные тайны. Недаром местные жители издавна находили поблизости загадочные черепки и предметы из бронзы. Однако догадка, даже гениальная, — это всего лишь начало пути. Шлиман получил разрешение на археологические раскопки только летом 1871 года. Трудности, связанные с работами в совершенно диком месте, были невероятны. Генрих с Софией жили в небольшом дощатом домике. Летом там царил ужасающий духота, в осенние ночи в умывальнике порой замерзала вода. Местность вокруг изобиловала змеями и скорпионами. Плюс болотная лихо-

радка, единственным спасением от которой был хинин, отсутствие хорошей питьевой воды, лень и алчность рабочих, число которых вскоре достигло 150 человек.

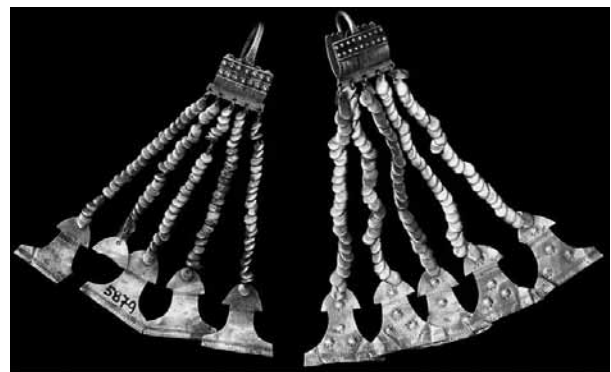
Первый сезон не хватало хорошего инструмента. Лопаты, мотыги да с десятков тачек — вот и вся техника. Но уже на следующий год из Англии было завезено более совершенное оборудование. София мужественно переносила лишения наравне с мужем. Правда, находилась она на раскопках не все время, и причина у нее была весьма уважительная — в мае 1871 года она родила ребенка. Генрих почему-то был уверен в том, что будет мальчик, и заранее решил назвать его Гектором, но на свет появилась девочка. Пришлось дать ей имя жены и верной подруги Гектора — Андромаха.

Шло время. Миновало уже несколько сезонов, однако осязаемых результатов все не было. Надежда сменялась отчаянием. Наступила весна 1873 года. В мае Шлиман неожиданно обнаружил остатки древней крепостной стены. Здесь же, по мнению археолога, должны были находиться и ворота, где Андромаха провожала на последний бой своего Гектора. Дальше предоставим слово самому Шлиману: *«Я увидел медный предмет необычной формы, который привлек мое внимание, так как за ним блеснуло золото. Чтобы сохранить эту находку для науки, я должен был, прежде всего, подумать о спасении ее от алчности моих рабочих, а посему немедленно дал сигнал к перерыву*

*София Энгстроменос —
вторая жена Шлимана*

Золотые предметы «Троянского клада»

на завтрак, хотя было еще довольно рано. И вот, пока все ели и отдыхали, я при помощи большого ножа сумел вырезать сокровище, что потребовало немало сил и даже представляло угрозу для жизни, так как стена, которую мне предстояло раскопать, могла в любой момент обрушиться ... Оттащить с этого места найденное сокровище я бы не смог, если бы не помощь моей дорогой жены, которая, заворачивая предметы в свою шаль, уносила их в дом».

Клад насчитывал 8833 предмета, в основном, довольно мелких. Были, однако, и более массивные вещи, например, кубки и чаши из зо-

лота в 600, 403 и 226 граммов. Внимание археолога сразу же привлекли два великолепных женских головных убора. Один из них он осторожно надел на голову Софии и впервые, обращаясь к жене, назвал ее другим женским именем: «Елена, — едва слышно прошептал он, — Елена Троянская».

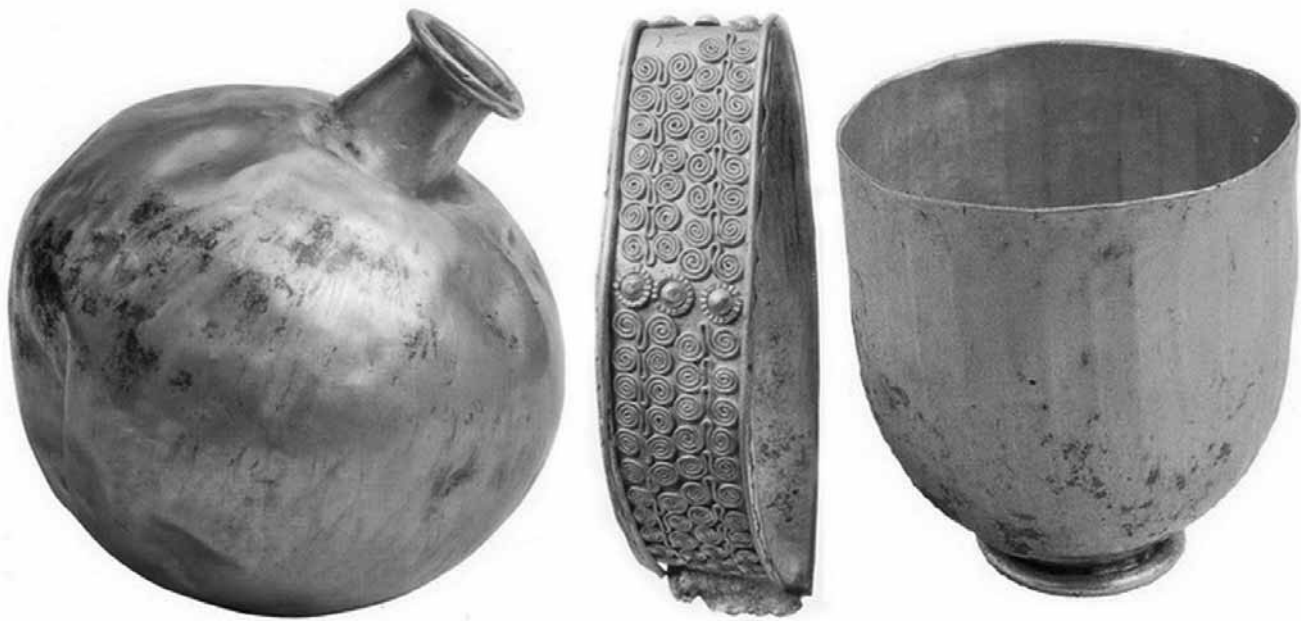
Шлиман был уверен, что нашел «клад Приама» — золото, которое царь Трои собрал для того, чтобы выкупить у Ахиллеса тело своего сына Гектора. Но он ошибался, полагая, что Троя, воспетая Гомером, представляет собой древнейший, а следовательно, самый нижний слой гиссарлыкского холма, поэтому ме-

стами забирался под землю на глубину до шестнадцати метров, в то время как Троянская война оставила свои следы на глубине от семи до десяти метров от поверхности. И то, что он принял за «клад Приама», на самом деле было сокровищем какого-то владыки, жившего за 1200 лет до отца Гектора. Несправедливо, однако, винить в этом Шлимана, ведь даже сегодня археологи, располагающие самыми точными методами, включая и радиоуглеродный анализ, не могут точно указать, в каком из шести возможных слоев могучего холма находится «славный град Приама».

До сих пор не известно, каким образом Шлиман сумел переправить

сокровище в Грецию. Собственно говоря, этим он нарушил договоренность с турецкими властями, согласно которой половину находок должен был отдать им. Но за годы раскопок турки своими бюрократическими придирками испортили Генриху немало нервов, кроме того, он считал, что чиновники султана не смогут обеспечить беспрепятственный доступ публики к этим сокровищам. Так или иначе, перевезя клад в Афины, Шлиман разделил его на несколько частей и спрятал у многочисленных родственников жены. Разгневанные турки потребовали у греческих властей конфисковать ценности. Греческий суд признал справедливость

требования турок. Генрих был оскорблен в своих лучших чувствах. Он, боготворивший Грецию, ее историю и народ, получил такой незаслуженный пинок. Мысль передать сокровища в греческий музей, который был бы назван его именем, уже не казалась привлекательной. Однако надо было как-то урегулировать свои отношения с турками. Те уже не претендовали на часть сокровищ, а требовали только штрафа в размере 10 000 франков. Он заплатил им целых 50 000. Конфликт был улажен.

А Шлиман уже увлекся другим грандиозным проектом. Микены ... город Агамемнона — вождя греков, некогда осаждавших Трои. После завоевания Трои он взял к себе дочь Приама, Кассандру, сначала как рабыню, а затем и возлюбленную. Пока длилась осада Трои, жена Агамемнона, Клитемнестра, у себя дома в Микенах весело прово-

дила время со своим любовником Эгистом. А когда Агамемнон вместе с Кассандрой вернулся в Микены, они убили грозного царя и его возлюбленную. Их захоронение и искал теперь Шлиман. Раскопки продолжались более двух лет. Терпение и мужество археолога вновь были вознаграждены. Он обнаружил несколько гробниц с останками пятнадцати человек. И сокровища ... Груды сокровищ! Золото всюду и везде. И на мертвецах — в виде масок на лицах, золотых перстней и запястий на руках, серег в ушах и ожерелий на шее. И подле тел древних владык — массивные золотые кубки весом до полутора килограммов, инкрустированные мечи и кинжалы, различные золотые и серебряные сосуды удивительно тонкой работы.

Сокровища, найденные Шлиманом в Трое, и здесь, в Микенах, разумеется, бесценны. Но все же по

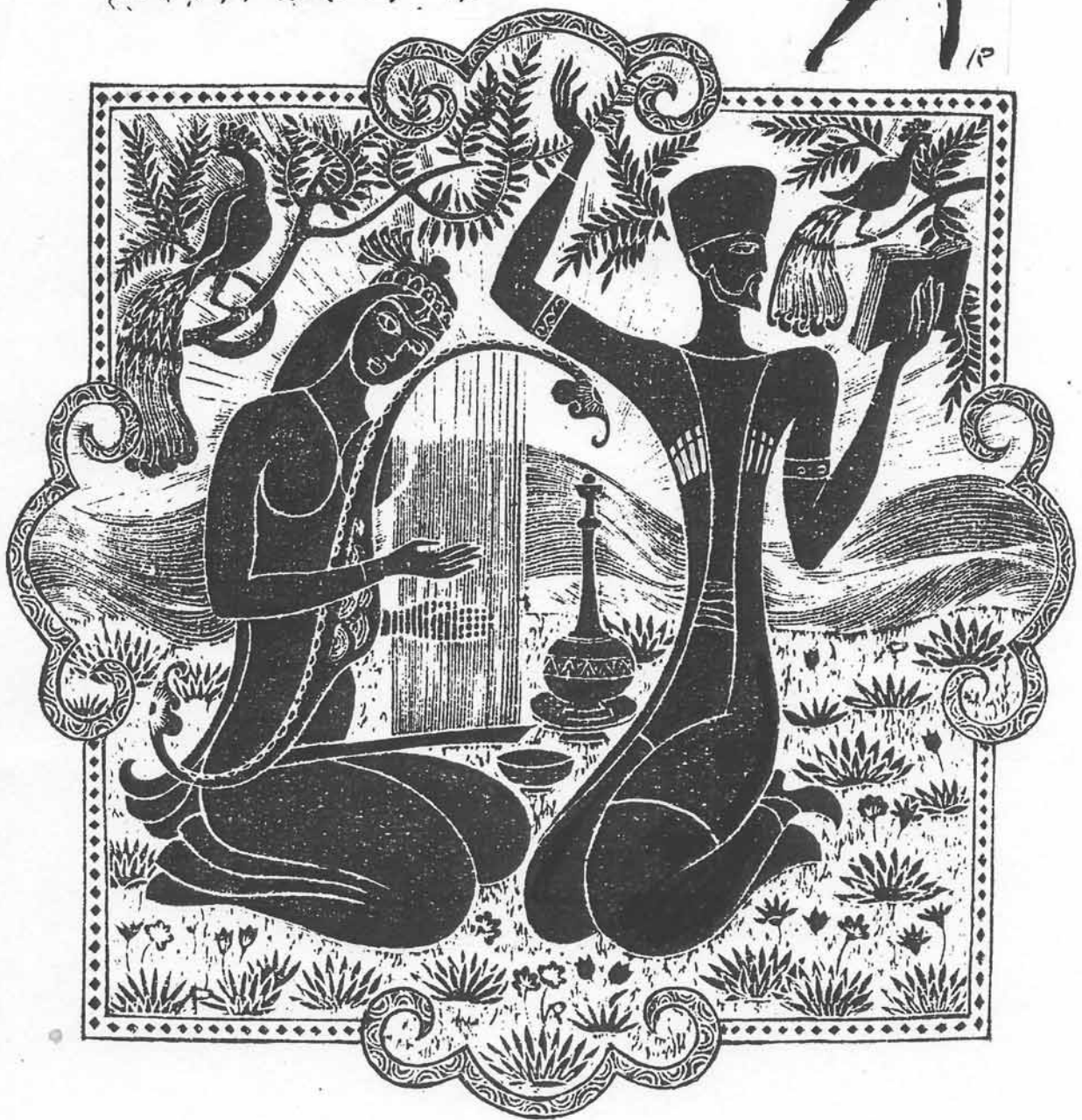
своей рыночной стоимости клад в Микенах в сотни раз превышал стоимость троянской находки. Вообще в истории археологии лишь гробница египетского фараона Тутанхамона, обнаруженная в 1922 году, по своему богатству превосходит микенскую находку. Заслуг Шлимана как ученого ничуть не умаляет ошибка, которую он, как и в Трое, допустил по причине столь присущего ему энтузиазма. Он полагал, что останки одного из найденных в гробнице воинов принадлежат легендарному Агамемнону, на самом же деле захоронение это было на три века древнее. Эту находку Шлиман в качестве дара преподнес народу Греции. Она и по сей день экспонируется в одном из музеев Афин.

Что же касается сокровищ Трои, то их судьба оказалась сложнее и драматичнее. Археолог пытался продать коллекцию во Францию и Англию, предлагал и России, но все его

переговоры не увенчались успехом. В 1881 году он принял решение передать «троянское золото» Германии. Там оно и хранилось до конца Второй мировой войны. Сегодня оно находится в Москве. Спор за право хранить сокровище, очевидно, будет продолжаться, тем не менее, сокровища Трои, как и Микен, являются бесценным достоянием всего человечества.

Ну а человек, подаривший им вторую жизнь? Как закончился его земной путь? Еще долгие годы он принимал участие в археологических экспедициях. Снова Троя, Тиринф, Крит ... Своего сына, родившегося в 1878 году, он назвал Агамемноном. Генрих Шлиман скончался скоропостижно в первый день Рождества 1890 года.

Так заслужил ли он честь быть причисленным к сонму героев Эллады? А почему бы и нет, если так решили сами греки. □

ДВЕ ПЕРИТЧИ

Рассказывают, что в далекие времена, когда цари иранские, встревоженные набегами гуннов и хазар, между горами Кавказскими и морем восточным строили великий город с дивными каменными стенами, жил неподалеку от тех мест коварный бек. Решил он в горном ущелье, у берега говорливой реки, что стремительно стекала с крутых вершин, возвести на земле отцов подобающий ему дворец.

Строили его три известных в округе каменных дел мастера, которые с рассветом приступали к работе и лишь на закате возвращались в свои села. Среди гор, где человека с рождения до самой смерти сопровождают скалы, выросло немало искусных мастеров по камню, чьи филигранные творения по сей день изумляют потомков.

Но стал замечать бек, что один из мастеров был каким-то особенным, непохожим на двух других: камни кладутся им в стену ровно и с одного раза, он не тороплив, но и не медлителен, от товарищей не отстаёт, смотрит и говорит с достоинством, без подобострастия, впечатляет основательностью. Каждый день после работы он неторопливо умывался у родника, без суеты приводил себя в порядок, и, если его товарищи стремглав бежали домой, шел спокойным шагом уверенного в себе человека. Удивлялся бек таким вельможным повадкам райята, его горделивой уверенности, и в глубине души порой возникали въедливые сомнения. «Вельмо-

жа», — с насмешкой называл он его про себя, решив, что есть во всем этом какой-то секрет...

И с твердым намерением открыть эту тайну вознамерился бек побывать в домах своих мастеров. Начал он с двух других, а «вельможу» решил посетить последним, помня, что истина познается в сравнении.

На следующий день, когда каменщики приступили к обеденной трапезе, бек, переодевшись в нарядный костюм, направил своего коня к дому одного из райятов. На стук в дверь вышла жена мастера, красивая женщина средних лет, одетая, необычно для будней, в нарядное голубое платье.

— Извините, ханум, — заметив неподдельный испуг в ее глазах, заговорил бек. — Я и мой конь устали с дороги, — показал он на привязанного к дереву иноходца. — Не разрешите ли вы отдохнуть у вас часок-другой?..

— В доме нет хозяина, — стыдливо опустил голову, проговорила женщина.

— Я ненадолго, — с какой-то вкрадчивой мягкостью сказал бек и протянул золотой дерхем: — Вот, возьмите, пожалуйста, за постой...

Увидев золото, женщина оторопела: долг замужней — не пускать в дом чужого мужчину — в этот миг боролся в ней с присущей жадностью, но желание иметь много денег и возможность запросто, без особых затрат, получить их одержали, наконец, верх, и она не устояла. Проводив гостя в кунацкую, принесла ему чай и собралась уже уходить, когда бек мягким окликом остановил ее у самой двери:

— Извините, ханум, вы не скажете, как проехать до местечка N?

Не поднимая головы, женщина ответила.

Доброежелательный тон гостя, его щедрость (за чай он бросил на стол еще один золотой!) настолько ее подкупили, что она разоткровенничалась и рассказала о своих подрастающих детишках, о том, что муж-каменщик работает нынче за какие-то гроши у местного бека, и что радостей в жизни почти нет...

Прощаясь, бек попросил разрешения завтра в это же время, на обратном пути, побывать здесь еще раз, и женщина без колебаний согласилась. В знак благодарности и неподдельной теплоты бек вложил ей в ладонь еще один дерхем, чем окончательно расположил к себе хозяйку дома, и как бы невзначай погладил ее упругое плечо.

К обеду следующего дня жена каменщика уже ждала гостя: накрыла стол яркой нарядной скатертью, приготовила вкусный обед, а детей тем временем отправила к своей матери. Бек обратил внимание на ее изящный наряд и притворно похвалил ее, отчего хозяйка вознаградила его кокетливой улыбкой. Гость давал ей один дерхем за другим: за теплоту и внимание, за вкусный обед, потом за трепетное рукопожатие, вслед за этим за поце-

луй, потом еще... И так в каждую новую страницу их совместной истории он вкладывал по золотому, пока с жаром не дочитал ее до конца...

А жена второго каменщика оказалась угрюмой и не словоохотливой. Отказавшись от платы, она все же приняла гостя и пригласила его в кунацкую, а затем вкратце поведала, что нажила с мужем четверых детей, а тот теперь тайком бегаёт к другой. По ее морщинистым щекам текли горячие слезы, и беку по-человечески стало жаль эту преждевременно постаревшую женщину...

В дом третьего мастера бек ехал в трепетном ожидании нового приключения. Он строил разные предположения, а потом сам же их отметал. Но то, что ему довелось увидеть на пороге дома «вельможи», превзошло все ожидания: перед ним стояла редкой красоты молодая женщина.

В первую минуту бек стоял как замороженный и не мог отвести глаз, потом, словно в забытьи, произнес:

— Вот это лань!

Женщина, словно горная серна, стремительно взбежала на порог и хотела захлопнуть дверь перед этим неизвестно откуда взявшимся нахалом, но бек, опомнившись, не дал закрыть дверь и взволнованно заговорил:

— Красавица! Поверь, я объехал все от Балха до Тавриза, во всей Албании для меня нет неизведанных уголков, но, клянусь этим светом, такого чуда нигде не встречал. Скажи, как тебя зовут?

Женщина, испугавшись, попятилась назад, потом молниеносным движением схватила висевший на стене ятаган и возмущенно воскликнула:

— Или ты сейчас же уйдешь, душман, или я убью тебя!

— Ханум! — окончательно придя в себя и ухватив женщину за руку, мягко заговорил бек. — Не бойся, я не причиню тебе зла...

Ему стоило немалых усилий отобрать у нее ятаган. Когда обессиленная этой неравной борьбой несчастная и оскорбленная женщина осталась безоружной, она устало села на стул и заплакала.

...В комнате было чисто и уютно. В очаге горел огонь, кипел казан — видно, хозяйка готовила к вечеру ужин. В углу играл годовалый мальчуган, увидев плачущую мать, он с трудом встал на ноги и, похоже, впервые в жизни, качаясь и широко расставляя непослушные ножки, пошел к ней, сел у подола материнской юбки и настороженно, с удивлением посмотрел на бека.

— Вы потеряли намус, человек, — плача, говорила женщина. — Ворвались в чужой дом...

Даже слезы красили ее: бледность щек озаряла лицо больше, чем синий ночной небосвод айвовая луна, а за мокрыми ресницами, как два яхонта, еще ярче сверкали вишенки глаз.

— Но ханум, я же не сделал тебе ничего плохого! — с величием и достоинством проговорил бек. — Я только хочу тебе помочь! Такой цветок не для этого бедного, заброшенного сада. Ты оглянись вокруг себя, здесь немудрено скоро и завянуть... Я богат, ханум! Я брошу к твоим ногам лучшие украшения. Ты — редкий алмаз, ханум, но не для этой бедной оправы! — Он развел руками, указывая на ее окружение. — Поверь, я хочу спасти тебя...

— Меня? Спасти? — удивилась женщина, словно только последние слова и услышала. — От чего? От счастья? Да знаешь ли ты, душман, что я самая счастливая женщина! Каждая вещь здесь, пусть и совсем дешевая, напоминает мне о любви и радости, вот и это дитя — плод нашей любви — моей и мужа, а того, кто дарит мне это счастье, кого я люблю больше жизни, я каждый вечер жду, как праздника! Уйдите, недобрый человек, мне не нужны ваши украшения...

Смущенный бек, поняв всю тщетность своих уговоров, нарочито взорвался:

— Да знаешь ли ты, раба, с кем говоришь? Я — твой бог и судья, и все, все, что на этой земле: ты и твой муж, что строит мне дворец, сотни тысяч голов скота и райяты, идущие по моему приказу на смертный бой, — все принадлежит мне, беку! А ты, несчастная, вздумала мне перечить! Я долго уговаривал тебя, а сейчас собирайся, поедешь в мой гарем...

Женщина вскочила с места, бросилась к его ногам и стала просить бека пощадить ее очаг, не гасить его огонь, слезно умоляла не растаптывать хрупкую чашу ее любви.

— Ты сейчас же поедешь со мной! — настаивал коварный бек.

— Нет! Не-е-т! — вскричала вдруг женщина. — Не бывает этому... лучше смерть! Убей, душман, или я... сама...

В следующую секунду она подбежала к очагу, схватила нож и направила его к своей груди. Лишь чудом успел бек перехватить ее руку и предотвратить роковой удар.

— Не надо, ханум, — мягко сказал он, поразившись ее непреклонности. Потом, улыбнувшись, добавил: — Открою один секрет: я шел сюда с тайными мыслями и, увидев твою красоту, чуть не потерял рассудок, но теперь склоняю голову, ханум...

Бек возвращался на своем иноходце неторопливо, словно уставший после тяжелого боя воин. Только теперь понял он, в чем тайна того искусного мастера-каменщика...

БОЛЕЗНЬ

Три месяца длилась ее болезнь, и лишь к исходу зимы хворь стала проходить. Женщина блаженно замирала от яркого солнца, от робкой радости и надежды на прибавление сил, и улыбалась безо всякой причины — словно вместе с природой пробуждалась и она сама.

Сегодня она попросила открыть окно, тяжело приподнявшись, села на постель и оперлась спиной на большие пуховые подушки, услужливо подложенные ей любящим мужем.

Глинистый бугорок за домом озолотился бодрыми цветочками мать-и-мачехи: листьев нет, а на каждом мясистом стебельке — по желтой шапочке. Сирень проклюнула набухшие почки. Расцвел миндаль.

Усталыми, но лучистыми глазами смотрела женщина в окно и радовалась солнцу, первой зелени, веселой болтовне пернатых, возвращающейся к ней жизни.

Несмотря на причуды молодой жены, особенно в последнее время, муж любил ее и старался быть предупредительным. Жили они дружно и в среднем достатке. Семилетняя дочь-первоклашка и годовалый мальчуган украшали их жизнь, наполняя ее смыслом и радостными хлопотами.

— Ой! — воскликнула однажды больная, увидев за окном знакомую женщину, и обратилась к мужу: — Вон, видишь, Гюльсюрх? Какой на ней красивый плащ! Я такой хочу!

— Хорошо, дорогая, — ответил муж, обрадованный ее выздоровлением. Через день плащ был куплен.

— Ой! — воскликнула она в следующий раз. — Вон Шекер, соседка наша. На ней шаль японская, я тоже такую хочу...

И эта просьба была удовлетворена.

Со временем просьбы женщины становились самыми невероятными, мир, открывшийся вдруг ее взору, вызвал в ней такое обилие желаний, что она, словно балованное дитя, требовала порой их немедленного исполнения, не считаясь ни со временем, ни с возможностями, обвиняя мужа при этом в черствости, эгоизме и жадности.

Но когда прихоти ее стали одна причудливее другой и разорили вконец семейный бюджет, супруг оказался в тупике. После очередной просьбы он ласково взял ее руку, подсел к ней ближе и сказал:

— Ты знаешь, дорогая, я тебя очень люблю и готов сделать для тебя все, что ты пожелаешь, даже жизнь отдать. Но выслушай меня, я расскажу тебе старую историю — ты же любишь разные были-небылицы.

— Да, дорогой, рассказывай...

— Так вот, слушай... Была у падишаха единственная дочь — наследница его неслыханных богатств и царского престола, радость всей его жизни, да вот так же, как и ты, заболела...

— Спасибо, дорогой, за сравнение, — улыбаясь, проговорила женщина, ласково погладив руку мужа. При этом айвовые губы и щеки ее слегка порозовели.

Он тоже улыбнулся, но от тайной мысли, которая вдруг пришла ему на ум: «Вот что делает с женщиной даже косвенное сравнение», а вслух продолжил:

— Тому, кто вылечит его дочь, падишах обещал целое состояние: хурджин золота...

— Наверное, желающих оказалось немало, — словно в забытьи произнесла жена, а потом, спохватившись, вдруг добавила: — Извини, дорогой, я совсем разболталась...

И в самом деле, до самого конца рассказа она не проронила ни слова.

— Да, — подхватив ее мысль, продолжал муж, — желающих заполучить такое богатство было немало, но подлинных лекарей, знатоков человеческих недугов, среди них не оказалось. И потому затужил падишах и с ледяным в сердце страхом ждал скорой развязки. Но однажды... Ты не улыбайся, в жизни, наверное, так и бывает: однажды к поэту приходит нужное слово, к гению — великая идея, ребенок, чтобы стать человеком, неожиданно произносит первое слово, тонуций хватается за счастливую «соломинку», невесть каким образом, вдруг оказавшуюся рядом... Так и здесь. Нашелся лекарь, который взялся вылечить дочь падишаха, и... вылечил. Счастливый шах приказал вызвать своего казначея и выдать спасителю дочери обещанную плату. А тот обратился вдруг к падишаху со странным вопросом:

— Великий падишах, позвольте обратиться к вам с просьбой?

— Да, сын мой, — ответил с улыбкой счастливый отец, — говори, я буду рад выполнить любую твою просьбу.

— Могли бы вы, мой падишах, изменить условия нашего договора?

— Все, что угодно! — с готовностью ответил шах. — Но что ты хочешь?

— Вот носовой платочек с небольшим узелочком, — показал его шаху лекарь. — Я прошу выдать мне столько золота, сколько он будет весить...

— Что с тобой, сын мой, твоя просьба — одна-две монеты, — удивился падишах, — а я дам тебе в тысячи раз больше. Ты, наверное, шутишь?

— Не шучу, падишах, нет, — ответил лекарь. — Так вы согласны исполнить мою просьбу?

— Станный ты человек, — сказал вконец озадаченный шах. — Что ж, будь по-твоему... Казначей, исполни его просьбу!

Принесли весы, положили на одну сторону платочек лекаря с узелочком, а в другую чашу — одну, две, три, десять, сто золотых монет, но платочек все перетягивал.

Удивился шах, засуетилась вся его свита, краснел от злости вначале ухмылявшийся казначей.

На весы были положены все монеты казны, в ход пошли золотые слитки, потом драгоценные изделия, а конца все не было — платочек оказывался тяжелее. Не выдержал уже и возмущенный шах:

— Да что же в этом платочке, лекарь? Не колдун ли ты, не дьявол ли в человеческом обличье? — Но, заметив невинный взгляд молчавшего лекаря, приказал: — Неси, казначей, все, что есть в казне! Слово есть слово!

И когда на весы были положены все золото и драгоценности казны, когда по свите шаха прошел шепот недовольства и возмущения, когда коварный визирь намеревался уже арестовать этого «нахала», осмелившегося так жестоко надсмеяться над шахской доверчивостью, опасную ситуацию исправил сам лекарь.

Он взял платочек, развязал узелочек, и все, увидев его содержимое, ахнули от удивления...

— Что же было в нем? — не выдержала жена рассказчика.

— Глаз, дорогая, ненасытный человеческий глаз!.. □

Евгения Гордиенко

Любимая

«Мылра»

Бывают актеры, которым, кажется, подвластно все. И страшенькая директриса научного института, и нежная красотка в клетчатом платье, и Малыш, угощающий Карлсона плюшками, и прекрасная королева, и немолодая любительница распутывать детективы.

Конечно, все эти роли были сыграны в разное время, но — одной актрисой. Великая Алиса Фрейндлих действительно может сыграть что угодно...

Она родилась в Ленинграде и с тех пор не мыслит себя вне этого города. Даже когда меняла сцену (коих в ее жизни было три), то говорили об этом именно в контексте города: «Алиса Фрейндлих перешла Фонтанку», имея в виду местоположение очередного театра.

Оставаясь настоящей женщиной, Алиса Бруновна своего возраста никогда не скрывает. Крошечная (всего 153 сантиметра), но при этом совершенно негибкая. Ей уже восемьдесят, а она по-прежнему прекрасно помнит мать, отца, бабушку, годы блокады.

Хотя семья была с немецкими корнями, мать записала ее как русскую, что, возможно, и спасло ей жизнь, потому что немцев выслали во время войны из Ленинграда, и далеко не все выжили. Бабушка, например, умерла во время этой пересылки...

Мать Алисы Бруновны, Ксения Федоровна Федорова, была родом из Пскова, где участвовала в художественной самодеятельности. Переехав в Ленинград, она поступила на драматические курсы Ленинградского театра рабочей молодежи (ТРАМ), где и познакомилась с актером Бруно Фрейндлихом.

Его род начинался от немцев, приглашенных в Россию самим Петром Первым, чтобы наладить в стране стеклодувное дело, да так они тут и остались.

Алиса появилась на свет в 1934 году, в доме на Исаакиевской площади, что впоследствии и определило ее отношения с городом: «Из окон нашей квартиры был хорошо виден собор, а в пяти минутах ходьбы от дома стоял знаменитый Медный всадник, и открывался такой захватывающий душу своей какой-то сверхкрасотой вид на Неву. Очарование моего города с детства вошло

в душу и околдовало на всю дальнейшую жизнь...»

Когда началась война, родителям Алисы пришлось расстаться — отец отправился в эвакуацию вместе с театром — в Ташкент, а мама с дочкой остались в Ленинграде. Поскольку Алису мать записала как русскую, им удалось избежать репрессий по отношению к немцам, хотя несчастье затронуло и их семью. Были арестованы брат Бруно Фрейндлиха Артур и его жена Зоя, а его мать, бабушка Алисы, была выслана из Ленинграда. По дороге, в пересылке, она умерла.

Зимой 1941-го не стало любимой квартиры — в нее попал снаряд. Алиса Бруновна вспоминала, что очень хорошо запомнила, как семья вернулась домой и увидела выбитые стекла и двери, рояль весь в штукатурке... Потом дом восстановили, поскольку он находился в той части города, которую старались сохранить, — на Мойке, рядом с Исаакиевской площадью. Сама семья при этой бомбежке не пострадала — все находились в бомбоубежище.

Несмотря на то, что Ксения Федоровна была актрисой, во время войны ей пришлось оставить театр и устроиться работать на завод. А после ее окончания к искусству она так и не вернулась, а стала работать бухгалтером в Центральной сберегательной кассе Ленинграда.

Да и с Бруно Фрейндлихом они семью не восстановили — он вернулся из эвакуации с новой женой и недавно родившейся дочкой Ириной.

Поскольку новая жена Фрейндлиха была против общения мужа со старшей дочерью, видаться им приходилось украдкой. С сестрой Ириной Алиса Бруновна познакомилась и подружилась, уже будучи взрослой.

В школу Алиса пошла в 1942 году в Ленинграде, а продолжить учебу пришлось в Таллине, куда они с мамой переехали в 1945-м и где прожили три года. Поначалу девочка была отличницей, но с появлением химии и физики перестала быть таковой. Она сама признается, что эти науки для нее «темный лес».

Вернувшись в Ленинград, Алиса пошла в ту же школу, где училась раньше. Точные науки для нее любимыми так и не стали, зато при школе

был театральный кружок, который вела известная театральная актриса Мария Александровна Призван-Соколова. Туда Алиса ходила с удовольствием. Отец не оказывал на девочку прямого влияния в выборе профессии, но когда они общались, Алиса видела отношение отца к театру, и оно восхищало ее. Несмотря на просьбу Призван-Соколовой составить дочери протекцию при поступлении, Бруно Артурович отказался, сказав, что не видел игру Алисы, поэтому не может ее рекомендовать.

Это, однако, не помешало Фрейндлих в 1953 году поступить в ленинградский театральный институт имени А. Островского на курс к Борису Зону. Она страшно волновалась, зная, что Зон не любит «травести», а она в своем юном возрасте была маленькой, худенькой и претендовала именно на это амплуа.

Играть в кино она начала, еще будучи студенткой, сыграв в 1955 году небольшие роли в мелодраме «Неоконченная повесть» и драме «Таланты и поклонники». В то же время она в первый раз вышла замуж — за сокурсника Владимира Киселева — и привела юного супруга в комнатушку, где обитала вместе с мамой. Отгородились занавеской. Однако брак этот оказался недолгим и вскоре распался.

Окончив институт, Алиса Фрейндлих была принята в драматический театр имени Комиссаржевской. Этот театр стал для нее отличной школой: «Там блистала превосходная актри-

са Эмма Попова. А мне доставались лишь те роли, от которых отказалась Попова. Я рыдала и переживала страшно, что мне не удалось сыграть Дороти в «Пятой колонне» Хемингуэя. А может, и к лучшему. Если бы тогда мне поручали сложные психологические роли, наверное, я бы сломалась и сейчас была бы посредственной актрисой. Ведь надо очень много пережить и передумать, чтобы было, о чем рассказать зрителю. Я твердо уверена: любому актеру надо много перестрадать, надо пройти огонь, воду и медные трубы, чтобы стать настоящим мастером».

Пока драматических ролей не давали, Фрейндлих, как и предполагала, играла роли мальчишек и девочек. Первой «серьезной» ролью стала главная роль в спектакле «Время любить».

Вскоре, однако, она сменила театр Комиссаржевской на театр имени Ленсовета. Не последнюю роль в этом сыграл режиссер Игорь Владимиров, с которым Алиса Бруновна познакомилась еще в конце пятидесятых.

Несмотря на значительную разницу в возрасте (он был старше на шестнадцать лет), между ними завязался роман, затем они поженились, а через несколько лет у них родилась дочь Варвара. Фрейндлих было на тот момент уже тридцать три года. А на сцену она вернулась, едва маленькой Варе исполнился месяц.

Театр предоставил новобрачным трехкомнатную квартиру, где они

поселились вместе с родителями Игоря. Отношения с ними у Алисы сложились уважительно-натянутые. «Старики» с ностальгией вспоминали предыдущую невестку, актрису Зинаиду Шарко, которая оставила Владимирова ради Сергея Юрского. Впрочем, всерьез обижаться на новоиспеченных родственников Фрейнд-

лих было некогда — все время она проводила в театре.

Алиса Бруновна была музой Владимира. Для нее он поставил пьесу Арбузова «Таня», «Варшавскую мелодию» и даже «Ромео и Джульетту», где Фрейндлих сыграла главную роль.

В театре она работала на износ. Роль следовала за ролью, мастерство росло. А вот в кино не очень везло: сыгранные ею поначалу роли оставались не замеченными зрителями.

Но вот в 1977 году ее узнала вся страна — узнала как «Мымру» из комедии Эльдара Рязанова «Служебный роман». Как актрисе, ей было интересно воплотить превращение некрасивой начальственной тетки в очаровательную жизнерадостную женщину. По всем закоулкам костюмерных искали для Людмилы Прокофьевны страшные кримпленовые костюмы... Зато эффект от картины оказался невероятным. Фрейндлих получала огромное количество писем, где женщины со всего Советского Союза благодарили ее за то, что она буквально «погнала» их в магазины — за новыми платьями и в парикмахерские — за новыми прическами.

Далее в копилку ее популярности легли две не очень большие, но запоминающиеся роли: жены Сталкера в одноименном фильме и королевы Анны Австрийской в мюзикле о трех мушкетерах.

После «Служебного романа» Рязанов пригласил Фрейндлих на роль

Слева:
*Алиса
Фрейндлих
с дочерью
Ириной перед
спектаклем
«Мальш
и Карлсон»*

*Со вторым
мужем —
Игорем
Владимировым*

Огудаловой — матери Ларисы — в «Жестокое романсе» по «Бесприданнице» Островского. И актриса гениально сыграла Огудалову — не Кабанихой, какой ее обычно изображают, а просто несчастной женщиной с нелегкой судьбой...

Рязанов пробовал ее и на роль Шурочки Азаровой в «Гусарской

балладе», но ощущение женственности было столь сильно, что не желало прятаться ни за гусарским мундиром, ни за наклеенными усами. И режиссер снял в этой роли Ларису Голубкину.

Просуществовав восемнадцать лет, распался брак Алисы Фрейндлих и Игоря Владимировича — то ли

он приревновал жену к славе, то ли накопились обиды на власть и критиков (театр не пускали на гастроли за границу, а самого режиссера обвинили в том, что все спектакли он делает под единственную актрису — свою жену). Как бы там ни было, Владимиров стал сильно выпивать.

«Я пыталась его образумить, — вспоминает Фрейдлих. — Но лечиться он не хотел. К тому же Игорь Петрович оказался большим любителем женщин. Раньше я его не ревновала, он вел себя очень осторожно. А пьяный человек немножко сорит за собой, и все его грехи стали видны. Я тоже почувствовала себя более свободной, появились какие-то романы...»

Однако, невзирая на расставание, они еще довольно долгое время работали вместе в театре.

Вскоре актриса вышла замуж в третий раз. На этот раз ее избранником стал актер и художник Юрий Соловей. С ним у Алисы Бруновны тоже была значительная разница в возрасте — пятнадцать лет, только на этот раз уже она была старше. Что не помешало этому браку просуществовать целых двенадцать лет. Распался союз потому, что Соловей захотел эмигрировать в Германию (что и сделал), а вот Фрейдлих покидать страну отказалась. Сыграло свою роль и некоторое чувство унижения — ведь ставка Фрейдлих была в десять раз выше, чем его собственная.

Слева:
Кадр
из к/ф
«Полоса-
тый рейс»

Кадр из к/ф
«Служеб-
ный роман»

В 1983 году Алиса Бруновна снова сменила место службы: оставив театр имени Ленсовета, она перешла в Большой Драматический Театр имени Горького (с 1992 года — имени Товстоногова). Там она играла Ирину в «Блондинке» Володина, сразу три роли в мюзикле Саймона «Последний пылкий влюбленный» и, наконец, Настю в пьесе Максима Горького «На дне».

С 1995 года Алиса Фрейндлих не служит ни в одном театре. «Прощальной» ролью в БДТ стала леди Макбет в постановке Т. Чхеидзе. С тех пор она играет по приглашениям в разных театрах и снимается в кино.

В год своего 75-летия она в дуэте с Сергеем Юрским сыграла мать

Иосифа Бродского в фильме «Полторы комнаты, Или сентиментальное путешествие на родину», который по сценарию Юрия Арабова снял режиссер Андрей Хржановский. Фильм получил несколько призов на кинофестивалях, но вышел лишь в ограниченный прокат.

Одной из самых популярных ролей последних лет стала Ольга Петровна Туманова, немолодая дама, обожающая распутывать детективные истории. В дуэте со Станиславом Говорухиным Фрейндлих снялась уже в нескольких картинах сериала «Женская логика».

Ей не раз доводилось играть мужчин: Леля в «Снегурочке», Уриеля Акосту в спектакле «Люди и стра-

*С внуками —
Анной
и Никитой*

сти», шута в «Двенадцатой ночи». Она утверждает, что при этом физически совсем не обязательно подражать мужской стати, голосу. Главное — воспроизвести мужской способ думать, разгадать эту «другую планету».

В театре Фрейдлих не так давно снова вернулась к почти забытому «травести» — сыграв роль маленького смертельно больного мальчика во французской пьесе «Оскар и Розовая Дама». Она же исполняет роль и Розовой Дамы, по ходу пьесы незаметно перевоплощаясь из одного персонажа в другой.

Уже много лет в паре со своим другом Олегом Басилашвили Алиса

Фрейдлих играет «Калифорнийскую сюиту», без которой петербургская театральная афиша просто пуста...

Замуж актриса больше не выходила, посвятив себя внукам — Ане и Никите. Несколько лет назад в семье Алисы Бруновны случилась трагедия: ее бывший зять Сергей Тарасов, вице-губернатор Санкт-Петербурга, погиб во взорванном «Невском экспрессе». С тех пор актриса еще больше помогает дочери с воспитанием детей. Старший сын Никита так же, как и бабушка, собирается стать актером и продолжить династию... □

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Наташа проснулась и долго смотрела в потолок, ожидая, когда в соседней комнате проснется мама и поможет подняться с кровати. После неудачной операции на позвоночнике у Наташи отнялись ноги, поэтому теперь каждый самостоятельный подъем требовал больших усилий.

Мама тихонько плакала, а вслух говорила: жизнь не закончилась, нужно бороться. И Наташа с мамой — боролись! Но недуг был сильнее. Девочке требовалась новая операция, очень дорогая, а денег у них не было. Стояли, конечно, на учете, но в очереди очень далеко, и никакая особая социальная помощь им не была положена — только выдали коляску, да отзывчивые соседи смастерили пандус в подъезде. Хорошо еще, квартира располагалась на первом этаже.

Наташа училась во втором классе. Трагедия произошла зимой, посреди учебного года, когда они с девочками на ледянках катались с горки. Время не то, чтобы было поздним, но ведь зимой темнеет уже в пять-шесть часов... Прибежали мальчишки и, как всегда, принялись толкаться и лихачить — кто скатывался на ногах, кто на картонке, а двое приволокли откуда-то железный капот от «Жигулей», и... Наташа только услышала скрежет, как ее рубануло по спине.

Третий класс для нее начался занятиями на дому, учителя приходили после уроков и давали необходимые знания. Школа была «с уклоном», и можно было выбрать — дизайн или иняз. Наташа уже умела рукодельничать,

но вязать и шить не очень любила, ей больше нравился английский язык. «Англичанка», Людмила Степановна, сама еще почти девочка, много рассказывала про Лондон, Эдинбург и другие места, где она побывала и на стажировке, и по туристической путевке, про шотландские танцы... Интересно так! И тоже говорила Наташе: надо бороться, надо стараться каждый день, каждую минуту двигать ногами, мысленно представляя себе, как танцуешь, — тогда сможешь снова ходить. Мама слушала Людмилу и тайком утирала слезы.

Навещали Наташу и девчонки, играли, сплетничали, катали ее по двору; а однажды даже удрали из-под надзора и затащили коляску в магазин. Но это было только один раз. Повторять Наташе совсем не хотелось: на хлебалась позора и слез, пока бдительные охранники торгового зала обыскивали ее. Жаловаться маме не стала — было стыдно.

Во дворе папин друг Виктор Витальевич прогуливал маленькую пушистую собачку — щенка водолаза по прозвищу Динка. Наташа очень хотела такую же собаку, и дядя Витя пообещал ей подарить щеночка, когда тот подрастет. Вот хорошо, его можно будет вычесать и связать лечебный шарф, поясок или гольфы.

— Назову его Борзый, — решила она.

Дядя Витя много знал и тоже много где бывал — и в Америке, и в Африке, и в Японии, и даже в Антарктиде, подо льдом озера Восток. Правда, только в своих мечтах и фантазиях — просто он был писателем. Дядя Витя очень жалел девочку, поэтому стал бескорыстно помогать ей по литературе и русскому языку. С ним всегда интересно и весело — Наташа поражалась: как в голове столько всего умещалось?

Но больше всего девочка тянулась к своему однокласснику Пашке, доброму и озорному, как весенний ветер, шалопаю. Пашка прибегал после школы, приносил всякие игрушки, новые видеофильмы — мультики, комедии и комиксы — и, конечно же, хорошее настроение. С Пашкой Наташа никогда не скучала и совершенно забывала о своей беде.

Так они и жили — с мамой, папой, Пашкой и несбыточной светлой мечтой о выздоровлении.

Жалко было будить мать, но Наташа все же тихонько позвала:

— Ма-ам! — И громче: — Ма-ма! Семь часов, ты опять опоздаешь.

В родительской комнате закрипела тахта. Заспанная женщина в ночной рубашке поспешила на зов.

— Сейчас я, Наташенька.

Босые ноги зашлепали по полу.

— Мам, доброе утро...

Доброе ли? Очередное серое, скучное и одинокое. Почти беспомощное... Читать не хотелось. Сидя в каталке, Наташа попробовала заставить

себя отжиматься на руках, но настроения не было. Мама уже ушла, оставив ей разогретый завтрак: тосты и чай. Есть тоже не хотелось, и Наташа подкатила к окну, выглядывая Пашку. Ах, скорее бы кончались уроки! Он обещал принести наклейки со смешными рожицами...

...УРА!!! Наконец Пашка пришел, как всегда сумасшедший, растрепанный как воробей. Наташа чуть замешкалась — метнулась на кухню, выключить разогреваемый в духовке вчерашний плов. Знала, что потом ей будет не до присмотра.

— ТАХ! ТАХ!!! Привет, Натах! Чо долго едешь? — На пороге девочку встречало черное дуло пластмассового пистолета, а в прицел, прикусив нижнюю губу, смотрел Пашка. — Дома есть кто?

— Никого, — радостно ответила девочка, наклонив голову набок. — Папа придет поздно вечером, а мама — тоже не скоро. — Сильно крутанув шершавые обода коляски, она ловко развернулась на месте.

— Во, классно! Ты прямо как папкин танк! — восторженно воскликнул мальчуган, глядя на нее из-под меховой шапки-ушанки. — Меня папка на полигон с собой брал, в Светлый, я там видел, как танчик гоняет — по грязи, по воде, а потом на месте — р-раз, и развернулся! Как ты!..

В его голубых глазах утонули две сверкающие жемчужины. Лицо горело с мороза, бледно-синие губы так замерзли, что едва растягивались в улыбке. Шмыгнув носом, Пашка швырнул портфель на пол, полушубок скинул на тумбочку, сорвал с головы шапку и бросил поверх полушубка. Светло-русые коротко стриженные волосы собрались на макушке причудливой горкой. По привычке, выдававшей в нем шаловливого проказника, он быстро покрутил головой, подняв нос, — пытался угадать, чем пахнет на кухне. Обычно угадывал, но сейчас нюх его подвел.

— Картошка с мясом?

На челке, спускающейся на бледный крутой лоб, спутались и замерли три очаровательных завитушки. Разувшись, он подскочил к Наташе и показал ей новый пистолет, который ему готовили в подарок на Новый год.

— Прикинь, прятали от меня такой классный пекаль! — Пашка покрутил игрушку в руках и, резко выкинув руку в сторону, стрельнул в окно. Блямс!!! Розовая пулька, щелкнув, отскочила от стекла. — Во, позырь: заряженный! На шкаф залез, а там пакет. От меня прятали! Слушай, давай, делай быстрее уроки, а я потом скатаю.

— Я половину еще вчера сделала! — похвасталась Наташа. Лицо ее приняло гордое выражение, но улыбка предательски расползлась до ушей.

— Чо, не все? Я чо, тебя ждать буду? — недовольно скривился Пашка.

Он порылся в портфеле и достал разрисованную пластиковую коробочку — DVD-диск.

— Зырь, «Стальная тревога»! Трансформеры машутся против киборгов, мутантов, там у доктора офигенная плазменная пушка. Стреляет — никого в коридоре нет, расщепляет сразу. Анимэ по каналу «дважды два» идет, что у тебя — нет что ли? У меня — три сезона. Папин знакомый хакер выкачал из Интернета за минуту. И музыка в мультике клевая, и песня на японском ваще бодрит: таррам-па-па-бамм! Короче, покатили к те в комнату.

Пашка взял за ручки спинку коляски и, заметив в мочках ушей девочки золотые сережки, осторожно тронул кончиком пальца:

— Не больно прокалывать? Ты — жесьть! Только у Ирки Козновой проколоты уши.

Наташа не любила, когда Пашка упоминал об этой классной красавице, поэтому, нахмурившись, ответила:

— Не больно, больше боишься. — И вдруг неожиданно спросила: — А ты умеешь косички заплетать?

— Не-ет, — зажмурился Пашка, отстраняясь. — Я ведь не девчонка. — Он уморительно изобразил глупо-мечтательное выражение лица, даже рот приоткрыл. Так, по его мнению, должна выглядеть девочка, которой заплетают косичку.

Пока Наташа аккуратно раскладывала свои учебники на письменном столе, Пашка затолкал в DVD-плеер диск с мультфильмами. Потом вытряс из портфеля учебники и разбросал тетрадки. Поверх Наташиного «порядка» раскатились цветные ручки, точилка, резинка, какие-то фишки и кубики. Звякнув, раскрылась жестянка с обкусанными карандашами. Полиэтиленовые обложки помяты, разрисованы фигурками роботов из анимэ и многорукими бойцами из игры «Смертельная битва».

Решал примеры Пашка сносно, а задачи совершенно не понимал и потому сидел и ждал, отвлекаясь то на Наташины рисунки, висевшие на ковре, то на мультфильм. Девочка считала столбиком сначала на отдельном листе, потом добросовестно переписывала в тетрадь, а он ногами пошатывал стол и, спрятав карандаши и резинку под учебники, смотрел ничего не понимающими большими глазами, в которых мелькали шаловливые искры.

Списав домашнюю работу, Пашка сложил руки как прилежный ученик и принялся рассказывать о том, что с ним произошло за день.

— В баскетбол играли, жаль, что тебя не было. Я дальше всех бросаю мяч, знаешь, баскетбольный какой тяжелый?! Футбольный легче, а волейбольный ва-аще по сравнению не весит. С одного края поля в другой Ваньке по голове, он, бац, свалился. Командой на команду играли с пятым «Б». Один шушлай все нарывался на наших, я не стерпел, хоть пацанчики отговаривали, подбежал, за руку его схватил, дерг — и «Подножье скалы». Потом Василий Игнатьевич еле разнял нас. Ну, я тому чернявому и навешал! Недаром почти два месяца на карате хожу.

— Мальчишка-хвастунишка! — засмеялась Наташа. — Лучше бы научился делать фонарики из разноцветной бумаги, как мы с мамой делаем. Видел, сзади висят?

— Ты чо, блин? — Выпятив нижнюю губу, Пашка угрожающе поднялся и начал ее щекотать.

— Отстань, Пашка! Щекотно. Беру слова обратно. Ну... Хочешь есть? Мы с мамой делали плов — настоящий узбекский получился.

За столом Пашка вести себя не умел: чавкал как поросенок, широко раскрывал рот, громко втягивал чай, стуча зубами, набивал полный рот и не переставал говорить. Наташа молча ела и с веселыми искорками в глазах смотрела на его действия с легкой иронией.

Потом они пошли смотреть мультики, и через два часа Наташа стала потирать глаза, боясь выдать усталость и огорчить Пашку. Заметив это, он встрепенулся, положил одну руку на шею девочки, другую просунул под ее коленками и рывком поднял! Наташа даже пискнуть не успела.

— Могу долго так держать, я самый сильный! Мы на перемене соревновались, я дольше всех продержал Ирку, — похвастался он.

— Эту... Кознову!.. — возмутилась Наташа, слегка покраснев. — Она... противная, с косичкой такой тонкой и лицом плоским, постоянно жвачку жует, как верблюд... — И шлепнула его по лбу.

Упав вместе с ней на диван, Пашка тут же вскочил и запрыгнул в Наташину коляску. Воображая себя водителем тяжелой машины, зарычал гортано, как старый мотор, затарахтел и, двинувшись с места, заглох, зашипел тормозами. Наташа слабо улыбнулась, и он вдруг сообразил... Бросился к ней, ласково погладил по голове и прошептал:

— Я не хотел! — Затем сразу стал серьезным и добавил: — Давай больше не будем ссориться. Никогда. С тобой так прикольно, а когда ссоримся, то даже разговаривать не хочется, не то, что приходиться. К тому же... Помнишь, я обещал вылечить тебя. Вот на днях копилку подарят — и накоплю много денег. Потом отправлю тебя к японцам, они, вон, какие крутые «мульти» делают, обязательно вылечат твои ноги. Может, и коляску себе куплю, будем вместе гонять наперегонки до школы. Спорим, я быстрее тебя доеду? У меня руки сильные, знаешь, как быстро могу крутить!

— Нет, я обгоню, потому что дольше езжу!

Оба вдруг почувствовали возникшее напряжение и моментально перестали препираться. Повисла долгая гнетущая пауза. Наконец, украдкой посмотрев друг на друга, они одновременно рассмеялись — Пашка виртуозно крутил губами, не касаясь их пальцами. Клоун! Он умел рассмешить всякой чепухой.

Вот так, каждый день беззаботно-счастливой, гладкой, как поверхность мрамора, жизни мальчик и девочка выбирали лучшее, что преподносила им судьба, а все плохое сразу забывали, выбрасывая его из головы без остатка...

Время бежало неумолимо. Прошло несколько лет — друзья повзросле-ли, но по-прежнему встречались почти ежедневно. Наташа давно не быва-ла в школе, и только по фотографиям видела, как растут и меняются ее одноклассники.

Как жаль, что она не могла жить всеми жизнями сразу, а хотелось — жуть как! Мама ничего не объясняла — девушка сама все знала... Если продать имущество семьи целиком (старенький автомобиль и дачу), то средств не наберется даже на билет в одну сторону, не то что на операцию в загранич-ной клинике. Да, один раз попытались обратиться к обществу: магазин, тот самый, куда Наташа поклялась «больше ни ногой», по вмешательству канди-дата в депутаты, озвучил в торговом зале сообщение о ее беде. Отозвался один человек. Участковый терапевт из другого района, Владимир Викторо-вич, навестил больную как частное лицо и предложил помощь. Он умел ставить иголки и вправлять суставы — мануальная терапия, лечебный мас-саж. Он и настоял на обязательном физическом развитии больной и вну-шал ей — не смиряться с болезнью, а победить! Папа Наташи тоже проник-ся оптимизмом доктора, смастерил турник над кроватью дочки, купил ганте-ли — Владимир Викторович, сам человек небогатый, не взял оплаты за курс массажа. Девушка увлеклась гимнастикой, упражнения теперь делала с отя-гощением — брала гантели по килограмму, потом по два, по три.

Учителя у Наташи постоянно менялись. Прежние преподаватели, про-читав свой курс, оставляли ее, и приходил кто-то новый. В основном, все давно привыкли к ее инвалидности и уже перестали жалеть, переключая-сь на собственные проблемы. Не пропала только Людмила Степановна. Она с удовольствием занималась с Наташей и, считая девочку очень спо-собной ученицей, готовила ее к профессии переводчика — для инвалида-колясочника со способностями к языкам — то, что надо.

Позвонил Пашка, сказал, что придет вовремя, как договаривались. Странно, теперь он больше не хвастался, где был, что видел, с кем мерился силами. Хотя нет, бывало, находило на парня, и начинал хвалиться велико-лепно проведенными приемами, но совершенно в иной манере — не самый он сильный, есть ученики посильней, умней и удачливей, а ему в тот раз про-сто повезло. Голос в трубке звучал приятно, успокаивал. Мама, слышавшая разговор дочери с Павлом, призвала ее вести себя ответственной.

— Павел тебе как брат, — резонно сказала она, — и все же... он юноша, а ты уже взрослая девушка.

— Ну, ма-а! — залилась румянцем Наташа.

Наконец Пашка появился — с новым диском и с ее любимыми пирожными.

— Привет, Наташ! — Он обнял ее, поцеловал в щеку и покатил коляску в комнату.

— Что у тебя нового? — спросила Наташа и осторожно погладила его руку своими тонкими пальцами.

— А что может произойти нового за три дня? Смешная ты, Наташ!

Она позвала его на кухню, где его уже ждал разогретый обед.

Пашка устроился за столом, на этот раз он вел себя на удивление спокойно, не изображал из себя ни поросенка, ни обезьянку. После еды сам помыл посуду, расставил тарелки по местам и вдруг с удивлением взглянул на Наташу, услышав ее ласковый просящий голос:

— Не ходи на выпускной, Паш, а?.. Приезжай ко мне на дачу. Папа уйдет в гости к дяде Вите, а бабушка с дедом оставят нашего Борзого меня охранять, — игриво улыбнулась она. — Сами не придут, и может быть...

Наташа не имела права просить об этом, ведь выпускной вечер бывает раз в жизни. Но и она не может появиться в школе на коляске! Чтобы все от нее прятали глаза, чтобы жалели? Да ни за что!

Паша незаметно вздрогнул, медленно, казалось, мучительно, вдохнул воздух, напрягся, сжав губы, и ускользнул от ее повлажневшего печального взгляда.

— Да, конечно. — Его правая рука резко взметнулась вверх, пальцы коснулись носа и тут же, сжавшись в кулак, залетели в карман. Когда Паша нервничал, он проделывал такой характерный жест, и Наташа это давно знала.

— Пойдем в «Магнит»? — предложила она.

Пашка замялся, сделал вид, что рассматривает календарь на стене, и, наконец, оторвав от него взгляд, произнес:

— Туда далеко, может, на рынок?

— Нет, в «Магнит». До «Сибиряка» дальше!

— Хорошо, — с задумчивым видом кивнул он.

Всю дорогу до супермаркета Паша молчал, даже по сторонам не смотрел. Наташа вдохновенно рассказывала, какая природа за городом, у них на даче, объясняла, как туда проехать, — на электричке от платформы Деповской до Фадино, там немного пешком... ну, относительно немного, пенсионеры ведь ходят... а он лишь кивал с неопределенным видом и время от времени поднимал руку, здороваясь со знакомыми. Вдруг зазвонил его сотовый — Пашка сосредоточено посмотрел на высветившийся номер, поднес трубку к уху, что-то неразборчиво ответил, и, сбросив вызов, молча пожал плечами, вымученно улыбнувшись Наташе.

В магазин заходить он не стал. Встретив знакомого, с плоским клинообразным лицом, с выпуклыми рыбьими глазами, удивительно похожего на старшего брата Ирки Козновой, Пашка подождал Наташу на улице.

Проводив девушку домой до самой двери, он вдруг вспомнил про неотложные дела и торопливо попрощался. Недоверчиво посмотрев ему вслед,

Наташа закрыла дверь и осталась дома одна. Открыла «Темные аллеи» Бунина и до самого вечера читала, точнее, медленно листала, не видя перед собой ни строчки...

Почему-то именно в эту ночь Наташа долго не могла заснуть. Откинув одеяло, тихо лежала в постели, пахнувшей свежим бельем, и смотрела в окно на крохотные алмазы Млечного Пути. Полумесяц, чуть прикрытый темной дымкой облака, сиял чистым бледно-шафранным светом, слабо золотил ближние ветви клена, что за одно лишь прошлое лето вымахал за окном. Девушка в очередной раз повернулась на кровати, пытаясь устроиться поудобнее, но сон все равно не приходил. Заснула она чуть ли не под утро, а когда открыла глаза, на душе вдруг сладко екнуло — сегодня после обеда на даче она увидит его — любимого, ласкового, сильного. Увидит своего Павла.

Накрапывал мелкий дождик, ласково шептал в листьях, затейливым узором украсил стекла окон в комнате Наташи, делавшей зарядку с двухкилограммовыми гантелями.

— Наташа, надо успеть прибраться, мне сегодня в рейс, — напомнила мама, выжимая тряпку в ведре. — Скоро уже папа придет, заберет тебя.

— Успеем, мам! — отозвалась девушка, задвигая гантели под кровать. Как хорошо, что ее приучили к утренней гимнастике! Она почувствовала необычайную тягу к жизни — мышцы плеч и рук налились силой, приятно потяжелели, хотелось сию же минуту высвободить скопившиеся эмоции. Наташа заправила постель, навела порядок на столе, вытащив пылесос, быстро вычистила все ковры на полу, на стенах... А внутри у нее все дрожало от радостных предчувствий.

Отец уже приехал и сигналил из машины — торопил дочь. Мама, как обычно, строго пригрозив пальцем, расцеловала ее в обе щеки и сказала:

— Мужчина должен бороться за девушку, а за тебя — тем более!

— Да, мам!

Летнее солнце нещадно палило, ветер, напившийся горячим воздухом, был душным, и выступившие капельки пота на покрытом загаром золотисто-бронзовом лбу Наташи, казалось, благоухали вместе с разноцветными флоксами, посаженными в клумбах по обе стороны крыльца. Сквозь желтые линзы очков зелень теряла свои сверкающие малахитовым глянцем естественные цвета, и она сдвинула очки на макушку.

Отец доставал из колодца воду. Выливая по ведру в огромную разрезанную цистерну около террасы, он позвал дочь, показал, где оставил древесный уголь.

— Ты слушаешь меня?! Пашка, парень не хитрый, но цену себе знает. Заберу вас вечером.

— Пап, не торопись.

— Сегодня передавали ливень, поэтому далеко от дачи не уходите, а то промокнете. Посмотри вон туда.

За зелено-коричневой лесополосой на прояснившейся лазури неба серели дальние тучи.

— Понятно, — нетерпеливо ответила она, сдвинув брови.

Взяв из домика сумку, с необходимыми для писательского воображения дачника дяди Вити амброзией и закусью, он потрепал по голове огромного серо-черного водолаза по кличке Борзый, и тот, подняв с влажной земли косматый живот, проводил отца до машины. Затем бегом вернулся и, виляя пушистым хвостом, положил голову с длинной взлохмаченной шерстью Наташе на колени. Она мечтательно чесала пса за ушами, перебирая длинную густую шерсть на загривке. Борзый, раскрыв черный зев и высунув язык цвета лепестков пиона, смотрел на нее преданными, поблескивающими спелыми оливками глазами.

Поглядывая на угол невысокой ограды, откуда из-за куста облепихи вот-вот должен показаться Паша, девушка вздыхала и негодующе прищелкивала языком — уже не могла спокойно терпеть. На террасе стол, на столе большая миска с яблоками. Чтобы как-то подавить тоску ожидания, девушка отправилась за ними.

Клематис забирался по нитям до окна. Это в конце лета растение достигнет верха крыши и затенит окно, а сейчас, в июне, он только начинал цвести маленькими светло-розовыми цветами. Опавшие лепестки розовой вейгелы сохли на земле, хрустели под колесами Наташиной коляски срезанные мелкие веточки белой таволги. Борзый носился между грядками и клумбами как заведенный — Наташа, вгрызаясь в сладкую мякоть нежно-желтого яблока, бросала палку на дорожку, и пес, зажимая толстую вкусную ветвь от старой выкорчеванной вишни в мощных тисках зубов, с радостным визгом несся к ней обратно. Вдруг Борзый, выронив палку, грозно гавкнул, высоко взметнув уши, и обрадованная девушка крутанула руками обода коляски так, что вся конструкция протестующе заскрипела.

По дороге, кое-где поблескивавшей лужицами после утреннего дождя, устало шагал разморенный в электричке Паша, неся в одной руке пакет, а в другой розу. Услышав лай, он вскинул голову, увидел Наташу и моментально преобразился в лице, заулыбался. Она помахала ему рукой с зажатыми в ней солнцезащитными очками.

Бдительный страж Борзый встретил парня у калитки. Он по-хозяйски уселся на дорожке и угрожающе скалился, пока Наташа, окликнув собаку, ловко не выбросила палку за ограду. Лохматая псина, раскрыв пасть, понеслась за игрушкой, едва не сбив Пашу с ног, и единым могучим махом перепрыгнула через притворенную калитку.

— Ого, здоровенный какой! — восхитился Паша. — Здравствуй, Наташ. Ну, парит — обалдеть!! — Он вдруг бросил рассеянный взгляд по многоцветью на клумбах вокруг крылечка и террасы, перевел его на поникший розовый бутон, который держал в руке, и удрученно проговорил: — Блин, не подумал!

— Мне нравится, — поспешила успокоить его Наташа.

Положив пакет на ступеньки крыльца, Павел галантно вручил девушке чуть раскрывшуюся розу и, наклонившись для легкого поцелуя, вдруг буквально упал в ее объятия — это Борзый, поглощенный эйфорией встречи, встав на дыбы, толкнул его передними лапами.

— Ой, прости! — шепнул Паша ей на ухо.

— Ничего. — Наташа крепко обняла парня, прижав его голову к своим волосам, влажным у висков и пахнувшим персиковым парфюмом. — Ты весь мокрый, лоб — липкий, фу-фу!.. Не целуй меня! — с наигранным отвращением воскликнула она.

— Попробуй, пройди по духоте двадцать семь аллей! — оправдываясь, ответил Паша. Не выпуская ее руку, он погладил тонкие пальцы.

Здрав край потемневшей на груди бледно-красной футболки, Паша вытер лоб сухим местом, краешком глаза заметив Наташин взгляд, скользнувший на блестящие от пота кубики пресса. Приоткрыв пакет, он как бы невзначай показал бутылку ликера и коробку конфет.

— В комнате холодильник есть, — сказала Наташа, снова надев очки-светофильтры. — А ваза на комод.

Убирая бутылку и конфеты в холодильник, Павел заметил на верхней полке кастрюлю замаринованного мяса с луком, на другой — овощи и салат, прикрытый пластмассовой крышкой, а внизу приютилась упаковка кока-колы.

— Умеешь делать шашлык? — спросила она, заглянув в окно.

— А то! — залихватски взмахнул руками Паша. — Сколько раз наблюдал за отцом. Мясо получалось — пальчики оближешь!..

С Наташей ему всегда было хорошо, уютно и свободно, и мысли не касались посторонних, порой тяготивших вещей. Вот и теперь тревога, набегавшая вместе с жаркими потоками пряного воздуха, улеглась, осталось лишь прекрасное ощущение спокойствия.

— Пойдем, искупнемся, проголодаемся?! — предложила она, резко повернув коляску боком. Борзый забежал за коляску и предостерегающе поднял нос, раздув ноздри.

— Ага. Чего он сегодня такой? — спросил Паша. — Забыл меня дачник, что ли?

Он залез на колодец, перегнулся через край цистерны, набрал воды в керамическую вазу, понес в дом.

— Молодец, — погладила Борзого по холке Наташа.

— Я знаю! — откликнулся Паша, но, заметив, что похвала предназначалась не ему, нахмурился.

— И ты молодец, хозяйственный какой у меня! Иди, награжу, — усмехнулась она и, когда Паша подошел, несколько раз поцеловала его в губы.

Прохладные испарения котлована виднелись с берега, покрытого зарослями высокой травы. Белая дымка слегка коснулась спускавшейся к нему неровной дороги. Паша придерживал коляску девушки за ручки на спинке, рассказывал, что собрался поступить в железнодорожное училище, наклоня голову, вдыхал персиковый аромат ее волос, не упуская возможности припасть губами к ее красивой шее. Борзый скакал позади, отфыркиваясь от запашистых спор, прятал нос под лапой. Подскочив, напугал двух бабочек салатного цвета, замерших, было, в блаженной истоме на мокрой дорожке. Забежав вперед, подставил черный, обсыпанный желтыми семенами нос Наташе, и она ласково потрепала его по голове. Паша украдкой вздохнул, попеняв себя за взаимную нелюбовь к собакам.

Добравшись до глинистого спуска в желтоватую у камышей воду, он, как джентльмен, присел на корточки, развязал ремешки на сандалиях девушки, освободил ноги, мирно покоившиеся на ворсистой мягкой подставке и казавшиеся игрушечными.

— Ты все еще не чувствуешь их? — Паша провел по плавной нежной коже голени девушки, добрался до колен. Наташа неопределенно кивнула со скучающе-печальным видом.

Быстро раздевшись, Павел остался в плавках и картинно напрягся, дабы показать себя в лучшем свете. Крикнув: «Купаемся!» — он рывком поднял Наташу на руки и спустился по отлогому, но скользкому берегу к воде и уложил ее на песок. Наташа, не удержавшись, обхватила его шею цепкими руками, и он осторожно опустился рядом, не отрывая глаз от ее радостно улыбающегося лица. Заколка в форме золотистого паучка в волосах и глаза девушки сверкали ярче любых алмазов. Они долго не выпускали друг друга из объятий. Казалось, время остановилось для них ...

И только неприятный шершавый язык да горячее дыхание Борзого все испортили. Блин, он словно создан обрывать наслаждение! Рассерженный Паша резко вскочил и побежал к воде. Борзый, получив от Наташи шлепок по нахальной морде, как-то поник, но тут же увлекся погоней за прыгавшими лягушками. В камышах вынюхал и шуганул мелкую дику утку и сразу обо всем забыл.

Обычно полный дачной и деревенской молодежи берег котлована сейчас, накануне выпускного в школах, оставался безлюдным. Только на

противоположном берегу, истоптанном стадом коров, курил пастух, сидя на пегом мерине, а вокруг него крутилась темно-серая овчарка...

Лесополоса вдруг вздрогнула, зашелестели деревья, взъерошенные тучи незаметно сгустились и нависли над котлованом, по воде побежала неровная зыбь. Подрагивая от холода, Паша заметил, что и у Наташи губы стали бледно-сизыми. Подхватив ее на руки и усадив в коляску, он быстро помчался в сторону дачи...

Потемневшее небо хмуро взирало на цветущий огород, на парня с шампурами, на девушку в коляске, обещая освежить землю второй раз за день. Сильный порывистый ветер придавил траву, закачал кусты малины, выдув пчел, заставил деревца облепихи хлестать друг друга тонкими длинными плетями и скинул несколько спелых пунцовых яблок. Из потемневшего от времени скворечника над террасой доносилось многоголосое чириканье — это «кормилица» прилетела к птенцам.

Березовые угли в мангале быстро прогорели, и над ними, сияющими горячим рубином, подходили аппетитно пахнущие шашлыки. Сало, капая с подкопченных краев мяса, шипело, распространяя вкусный запах. Борзый, высунув дрожащий язык, исходил слюной. Наташа покормила его хлебом, смазанным шашлычным маринадом. Пес глотал куски хлеба, не разжевывая, чихал от резкого запаха душистого перца. Паша злорадно наблюдал за ним и, попивая кока-колу, рассказывал про то, как в Новосибирске завалил на ковре парня из более тяжелой весовой категории, а тот не обиделся, наоборот, пригласил побывать на своих занятиях с младшей группой.

— А потом мы с папкой зашли к нему на секцию карате. Колян учил свою малышню ката, а те стоят, тупят, косорукие. Колян нас с батей подзывает, мол, повторите. Ну, папка тоже мастер — как-никак, вэдэвэшный майор. Мы с ним и изобразили серию. А Колян говорит ребятам, видали, мол, люди с улицы зашли и сразу все правильно уловили, а вы у меня уже по полгода тренируетесь... Подошел и руки нам пожал. Его гаврики приуныли, а потом давай пуще прежнего трудиться. А мы с батей вышли и хохочем!

Наевшись мяса и салатов, остатки они скормили Борзому, и пока тот хватал, скрипя челюстями, забежали в дом — начался дождь. Паша достал из холодильника ликер и конфеты, галантно предложил выпить.

Но...

Что-то случилось...

Он, словно играя какую-то чужую роль, вел себя наедине с Наташей как-то неестественно стесненно, стал молчалив, засуетился, и она, чтобы подбодрить Павла, поторопила:

— Часа через полтора отец придет, а мы и не попробовали твой напиток!..

Паша нашел штопор в ящичке стола, открыл бутылку, разорвал полиэтилен на коробке конфет. Почему-то руки его не слушались — коробка перевернулась, и круглые, квадратные шоколадки выпали на диван.

Наташа, улыбнувшись, сразу закинула одну в рот и начала медленно жевать, не отводя взгляда от Павла.

Из-за дождя стемнело раньше.

Она поставила оплывший длинными каплями воска старинный канделябр на комод, зажгла свечи и задернула шторы. Сладкий чад парафина смешался с карамельным ароматом ликера и запахом вишневой начинки конфет. Отсвет разгоревшихся свечей окрасил волосы Наташи в темно-рубиновый цвет, щеки запылали чистой бронзой, в больших глазах плескались неестественно лиловые тени.

— Иди, что-то скажу! — поманила она Павла, медленно растягивая уголки губ и дерзко играя ресницами.

Паша подставил ухо к ее губам, и она тут же поцеловала мочку, чуть прикусив зубами. Ее сбивчивое дыхание щекотало ему шею.

— Отнеси меня на диван, — слегка капризно попросила Наташа, потирая глаза.

Не в силах затушить дьявольское пламя вспыхнувших чувств, он с жадностью, с неожиданной горячностью протянул к ней руки, поднял показавшееся невесомым тело девушки и уложил ее на диван. Она лежала тихо-тихо, потом вдруг резко сжала его руки и положила их на свою грудь. Глаза ее цвета чайной розы были широко раскрыты и колдовски притягивали Павла. От его страстных и нежных прикосновений Наташа покрывалась пупырышками и чувствовала, как твердеют ее соски. Боже, как же хорошо, будто в раю!..

Отец пришел навеселе, с отчего-то трезвым дядей Витей, который торопился и подгонял:

— Давай, Михаил, собирайтесь скорей. Мне еще ночью назад ехать.

— Борзый, хороший мой! Промокший какой! — неуклюже склонившись над псом, дергал его за влажную гриву отец. — Неужели в будке и промок?

— Здравствуйте! — Паша сидел на табуретке около окна с небрежно отдернутой шторой, его лицо в бледно-синих отсветах со двора хранило напускную строгость. — Целый день сегодня то жара, то дождь...

— Да, парилка. Куда поступать-то собрался, Пашунь? В «Белые мишки», как отец?

— Не, в армию ваще неохота... В колледж транспортный, на Избышева. Потом, может, в ОмГАУ.

— Молодец! Высшее образование обязательно нужно получить. Тогда и в люди выйдешь, и смолоду Пал Григорьичем будут звать, а не Пашкой до старости, — кивал головой отец. — Наташенька наша тоже получит образование. Обязательно добыюсь!.. Она у меня умненькая девочка, сверстницы ей в подметки не годятся, поэтому... дерзай, парень, дерзай!

Дни полетели быстро, а ее личная жизнь, казалось, замерла в тревожном ожидании чего-то. Наташа испытывала странное чувство — мир куда-то плыл в неизвестном направлении, каждый день не отличался от предыдущего, и мысли, одинаково печальные утром и вечером, докучали, раздражали, утомляли. Мама, конечно же, ощутила перемену в дочери и ненавязчиво, на своем примере, рассказала о сложностях переходного возраста. Папа усмехнулся, мол, переходный возраст задевает только глупых и неуравновешенных особ, а она, Наталья Михайловна, девушка спокойная, умная. Но Наташу нисколько не интересовало мнение папы, не вдохновлял и жизненный опыт мамы. Единственный человек, которым были полны ее тревожные мысли, — это Паша. После того случая на даче они продолжали встречаться как обычно. Он приходил часто, а не только по праздникам, с подарками и любимыми пирожными, раскрепощенный, оживленный, дерзкий, уверенный, что возьмет девушку целиком, так, как ей очень тогда понравилось.

Это началось ранней осенью: грустный сон наяву — без всякого повода, без предупреждения Павел пропал на несколько дней. Миновала неделя. Единственный раз он забежал всего на минуту, а чтобы не было времени упрекнуть его, быстро чмокнул в губы, сказал, что торопится, и опять ушел. Наташа ждала, а когда ждать уже не оставалось никаких сил — позвонила Павлу домой, но ей ответили, что его нет. Так и повелось: то он ушел, то еще не вернулся, то готовится к экзаменам, то на тренировке, то где-то с другом... с каким другом?

Затаившееся недоверие постепенно перерастало в обиду и в злобу, но, когда он, наконец, снова явился, такой же дерзкий и чрезвычайно говорливый, — Наташа забыла все свои обиды и не хотела его отпускать. Он пообещал, что скоро вернется, и ушел в сторону рынка. Наташа не отрывала глаз от окна и вдруг увидела, как Паша возвращается не один, а с Ирккой Козновой, с этой плосколицей бестией. Проходя мимо ее подъезда, он мельком бросил виноватый взгляд на ее окна и, опустив голову, пошел дальше.

Чувство, безобразно тоскливое, щемящее, грозившее неизбежным, словно на миг остановило сердце, вонзив в него холодную иглу. В груди заунывно заиграла плакучая свирель. Беспомощно крикнув что-то в окно, Наташа ощутила, как запылало лицо и слегка помутилось сознание. Она

стукнула кулаками по подоконнику, прислонилась горячим лбом к дрянувшему стеклу и заплакала навзрыд. Сил хватило только на то, чтобы доехать до кровати, доехать, а не дойти... как бесполезному инвалиду, всего лишь до кровати... Перед глазами все плыло — сложенное сетчатое покрывало и подушки превратились в расплывчатую бледно-серую муть, в голове стучало, горло стягивало горькой полынью...

С того дня жизнь Наташи круто изменилась. Ежедневные дела по хозяйству казались ей теперь пустой тратой времени, а физические упражнения приносили усталость и осознание своей никчемности. Воспалившееся перед сном воображение преподносило мерзкие картины — любимый обнимал и целовал не ее, а Кознову; играя глазами, та смеялась над Наташей. Мама и папа из-за переживаний за несчастную дочь как-то сразу постарели, они оказались бессильны перед болезнью, врачи так и не сумели поставить Наташу на ноги. Детство прошло, и родители Паши, которые прежде искренне жалели подружку сына, теперь ей не рады. Зачем их Павлу такая?

Как-то, в момент особенно острой тоски, девушка-инвалид выбрала единственный способ избавиться от гнета собственных мыслей — покончить с жизнью.

В один из серых, самых обыкновенных дней, которые давно уже бесконечной тоскливой чередой проходили мимо, она, наконец, поняла — все, пора! Это оказалось совсем несложно. Папа, как всегда, рано ушел на работу. Наташа умылась, почистила зубы, оделась, потом буднично прибралась в квартире, спокойно дожидаясь ухода мамы, проводила ее до дверей и улыбнулась на прощание. Дважды щелкнул замок. Она еще немного побыла в прихожей, прислушиваясь к стуку маминых каблучков по лестнице. Вот прозвенел домофон, хлопнула входная дверь подъезда. Все. Оставшись одна, в тишине, Наташа подъехала к столу, написала родителям записку, поцеловала тетрадный листок и промокнула им слезы — прощаться с жизнью было все-таки страшно.

Многоэтажное монолитное здание, среднее из трех, темневшее за киосками с облезшей штукатуркой, будто специально предназначалось для ее плана. Невзрачный серый внешний вид и уродливо разрисованные надписями стены узкого коридора с погнутыми темно-синими почтовыми ящиками. Низкий потолок, с паутиной в углах, и тошнотворный, не выветриваемый вечными сквозняками запах мусоропровода только подпитывали ее решимость поскорее уйти... Цепляясь за перила сильными руками, Наташа подтянулась вместе с коляской на нижний этаж, рывком подкатилась по площадке к лифту. Створки захлопнулись, загудел, заскрипел подъемный механизм. Мелькнули второй, третий, пятый, девятый... шестнадцатый. Семнадцатый — технический, таким задумал этот дом проекти-

ровщик, в семнадцать этажей. А восемнадцатому не бывать... как и ей самой уже никогда не будет восемнадцати... и пусть...

На шестнадцатом холодно, грязно и пахнет сыростью. В серый сумрак коридора с открытой лоджии свет выбивался тусклой синевой. Обода Наташиной инвалидной коляски, словно отказываясь крутиться, тонко взвизгнули, когда она рывком толкнула себя к последнему в ее жизни барьеру. Да чего там говорить, она уже давно привыкла каждый день преодолевать барьеры... любые, кроме...

Опрокинув колесом оставленные кем-то пустые пивные бутылки, консервную банку, служившую пепельницей, Наташа с размаху врезалась коленками о бетонный парапет балкона. Хотелось разбить эти ноги в кровь, переломать на них все кости! Проклятые ноги, в которых она так и не смогла почувствовать хоть что-нибудь! Схватившись за поручень двумя руками, Наташа напряглась, стиснув зубы, и руки будто сами вытянули ее из коляски. Она не рыдала, не стонала, она ни о чем не жалела и не вспоминала ничего — ни плохого, ни хорошего. Она уже все сказала этому миру, который привык прекрасно обходиться без нее, который не любил, не ждал, а только терпел ее присутствие. На один миг Наташа задержалась, чуть замешкалась — кармашком свитера нечаянно зацепилась за подлокотник... И вдруг краем сознания она услышала чьи-то приближающиеся голоса.

— Да вон туда она поехала, — прозвучал чей-то равнодушный голос в коридоре. — Там на балконе все и курят. И пьют, и колются там же.

— Наташа, стой!!! НЕ СМЕЙ!!!

— Дочка, родная, не твори беды!!!

Два знакомых до боли голоса! Отец и Паша бежали от лифта. Паша кричал так, словно был охвачен неподдельным ужасом; громкий, всегда уверенный и чуть насмешливый голос папы дрожал и срывался в плач.

Наташа нервно затряслась, казалось, ноги, эти неподвижные мертвые конечности, и те похолодели, потяжелев, приклеились к откидным подножкам проклятого кресла для недочеловеков.

Переваливаясь через поручень, она заметила его, выскочившего из темноты дверного проема, и отчаянно закричала:

— Уйди... предатель!!!

На худых скулах парня выступили красные пятна, голос прозвучал чуждо и сдавленно:

— Ты неправильно поняла! — предостерегающе выставил он руки. — Я объясню!

— Ты занимался с Козлихой ЭТИМ! Ты! Подлый! — выкрикнула она.

— Никогда... — Сорвавшись с места, Павел ухватил ее за свитер и стащил с поручня. Бледная и неузнаваемая домашняя девочка, припухшие розоватые стеклышки глаз бессмысленно глядели в темень коридора, от-

куда, зажав колющий в селезенке бок, выполз потемневший в лице и точно постаревший отец.

— Девочка моя! — еще успела расслышать Наташа до того, как его образ потускнел, потеряв очертания, расплылся — и она потеряла сознание...

Ветер сбивал с клена последние листья, и они, цвета апельсиновой корки, пропадали за оконной рамой. Знакомый мальчишка в шерстяной фиолетово-красной рубашке забрался на дерево и с выражением невыразимого счастья на лице, привязывал серый дырявый лоскут рядом с тем, который, казалось, вот-вот сорвется и полетит себе по белому свету.

Открыв глаза, она нащупала руку Паши и, крепко ухватив ее, так, что хрустнули косточки, испытующе поглядела на лицо, обрамленное мелкой щетиной, успокоенное и кроткое. Он, склонив голову, пристально смотрел девушке в глаза из-под густых бровей:

— Я ни с кем не сумею оставаться собой, только ты нужна мне... Наташка. Где бы я ни находился, с кем бы я ни общался, вольно или невольно думаю о тебе. Мы с тобой, наверное, скреплены замком где-то на небесном мосту, и разомкнуть его невозможно.

Ни уговоры родителей, ни увещевания доброй тетушки, ни насмешки друзей не смогли остановить Пашу, отвадить его, образумить...

Может, это и есть настоящая любовь?

Вот такую историю, рассказанную одним моим другом, вспомнил я, когда выбирал с отцом елку на Новый год.

По узкой дороге, посыпанной коричневым песком, мужчина лет тридцати пяти катил коляску, в которой сидела миловидная женщина в очках. Наклонившись к ее темно-рыжим волосам, выбивавшимся из-под белой шапочки, он что-то весело рассказывал, взмахивая рукой в темной варежке. Следом бежал мальчишка лет восьми и направлял серебристый пластмассовый пистолет на прохожих, издав издав слышался его нетерпеливый тонкий голос:

— Елка большая, а-а? Как у ДК, да? Ну, там горка!..

— Такая высокая не войдет в нашу квартиру, — ответила женщина, радостно улыбаясь мужу.

— У-у-у! — раздосадованно протянул мальчишка и, увидев, что елки намного меньше, чем он себе представлял, едва не расплакался.

Держа обеими руками купленную елку, я остановился и поздравил их, совершенно незнакомых мне счастливых людей, с наступающим светлым праздником. Пусть же исполнятся в наступающем году, несмотря ни на какие трудные обстоятельства, все заветные ваши желания! Берегите любимых! □

И СНОВА

Морские международные арктические экспедиции стали уже традицией. Ученые проводят уникальные исторические эксперименты, чтобы разгадать тайны, связанные с различными экспедициями на север, ведь «белых пятен» в истории исследования Арктики до сих пор немало.

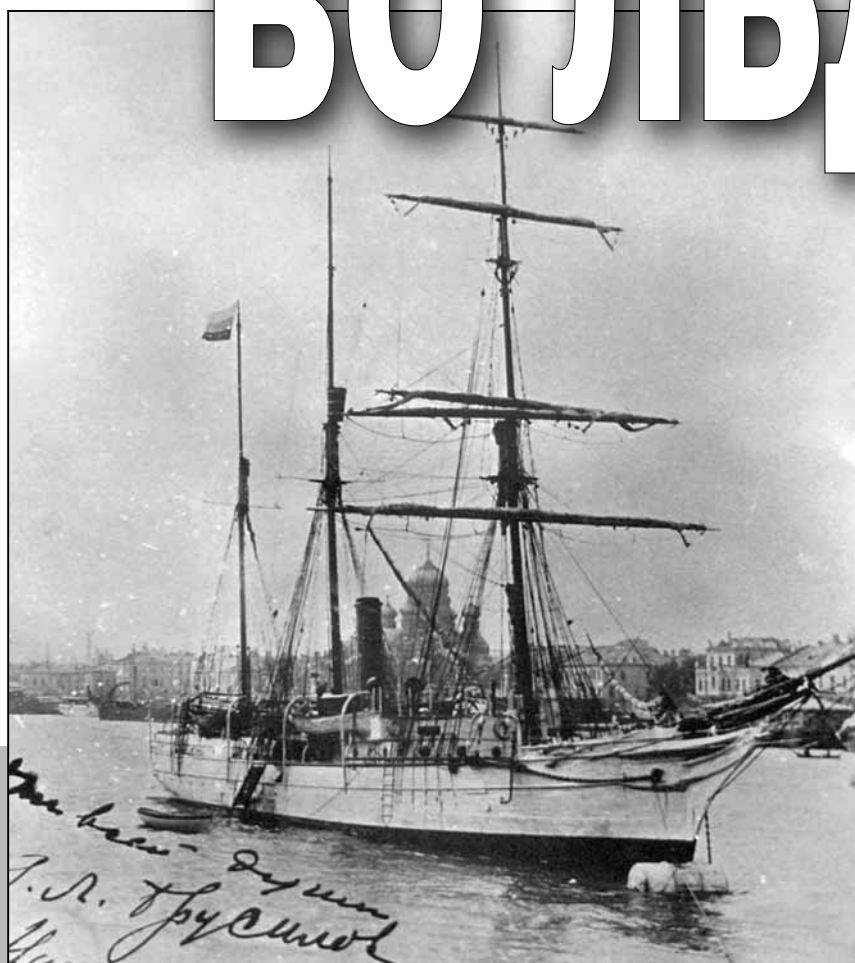
И среди таких ученых можно назвать доктора физико-математических и исторических наук, писателя Петра Владимировича Боярского, с которым мы и решили побеседовать, тем более что вопрос Арктики сегодня очень актуален.

— Разгадать тайны истории нам помогают исторические эксперименты, — рассказывает во время беседы Петр Владимирович. — Например, несколько лет назад мы на двух мотоботах провели исследова-

ния у Северного побережья Новой Земли. Была смоделирована ситуация того времени. Мы жили и плавали в маломерных судах без современных навигационных средств, в нашем распоряжении был только

ПАРУСНИК

ВО ЛЬДАХ

*Шхуна
«Св. Анна»*

компас, чтобы на своей, как говорится, шкуре испытать условия, в которых работали члены той экспедиции. Это помогло воссоздать психологическую атмосферу на борту, сделать интересные открытия и находки...

А вот другая, не менее интересная и загадочная экспедиция Брусилова, вышедшая в 1912 году на шхуне «Св. Анна» в плавание по Северному Ледовитому океану. Она до сих пор мало изучена, и вокруг

нее выдвигаются самые разные гипотезы.

...Льды наступали. Парусник был парализован. В белой ледяной пустыне он казался заблудившимся призраком. Двадцать четыре человека, среди которых была и молодая женщина, с ужасом прислушивались к треску набегавших друг на друга льдин и деревянной обшивки корабля. Они еще не знали тогда, что им предстоит две зимовки в этом белом безмолвии. Началась повальная цинга.

Неизвестно, что произошло на корабле, из-за чего возник конфликт между капитаном Брусиловым и штурманом Альбановым. Но Альбанов был отстранен от должности, команда разбилась на две части. Тринадцать человек во главе с Альбановым отправились по дрейфующим льдам в сторону Земли Франца-

Иосифа, а спустя два месяца двоих из них, оставшихся в живых, — Альбанова и матроса Конрада, — подобрало судно «Св. Фока». На нем возвращались участники неудачной экспедиции к Северному полюсу после гибели своего руководителя Седова.

А шхуна «Св. Анна» исчезла, судьба оставшихся в ней людей неизвестна. Возможно, она была раздавлена льдами.

Противоречивое впечатление производит дневник Альбанова, который он вел во время экспедиции. Не оставляет ощущение, что он о многом умалчивает, пытается в чем-то оправдываться. И спасшийся матрос Конрад упорно избегал говорить об экспедиции. Тайненно пропала и большая часть почты, имевшаяся на судне. Возможно, когда она найдется, картина хотя бы частично прояснится.

Ясно одно — Альбанова действительно все время что-то мучило, и конец жизни он провел в психлечебнице.

Для того, чтобы хотя бы частично узнать, как сложилась судьба шхуны, был проведен эксперимент на паруснике — точной его копии. Тот же маршрут и те же погодные условия могли помочь воссоздать события тех лет...

Третья историческая загадка Арктики связана с экспедицией Георгия Седова. По дороге он умер и был похоронен якобы у северных островов Земли Франца-Иосифа. Но могила была найдена совсем в другом месте. Некоторые из его вещей, в том числе и нарты, так и не нашли. У ученых, занимающихся разгадкой судьбы экспедиции Седова, есть по этому поводу своя версия. По всей видимости, была сделана лжемогила. Возможно,

во время похода произошла трагедия, на Седова набросились голодные уставшие собаки. Такое случилось. Была сильная пурга, и, когда матросы настигли упряжку Седова, то увидели, что от его тела просто почти ничего не осталось. И матросы испугались — их могли обвинить в убийстве. Так появилась лжемогила... Но это всего лишь одна из версий...

Смесь трех трагических судеб русских экспедиций на Север: Брусилова, Седова и Русанова, — стала прообразом экспедиции капитана Татаринова в знаменитых «Двух капитанах». Каверин использовал в романе дневники Альбанова.

Все эти экспедиции, по мнению ученых, требуют особых исследований, особенно с точки зрения психологии. Вообще отработка историче-

ской психологии в Арктике считается очень перспективной. Кроме того, эти эксперименты дают ответы на вопросы очень актуальной проблемы «Человек в экстремальных условиях природной среды».

Яркий пример тому — исторический эксперимент Тура Хейердала, который на плоту «Кон-Тики» пересек Тихий океан с востока на запад. Четыре месяца он и его товарищи боролись со стихией, поставив перед собой научную задачу: доказать, используя морские течения и традиционное устройство плота, осуществимость плавания через океан без современных средств. В результате он в корне изменил наши представления о возможностях первобытных людей, сделал массу важных открытий...

Примерно то же самое делают сегодня экспедиции Петра Боярского — только в другом регионе.

Помимо исторической реконструкции событий в Арктике проводятся и археологические раскопки. Морская арктическая комплексная экспедиция НИИ культурного наследия

первой получила такое право, и это приоритетное право сохраняется за МАКЭ на десять лет.

Тщательно, сантиметр за сантиметром археологи исследуют древнюю землю. 10–12 сантиметров в глубину — спрессованная вечная мерзлота. Пробовали ее поливать кипятком — не тает. Осторожно вскрывают ломом, а потом ювелирно работают ножами. Вечная мерзлота прекрасно сохранила немало предметов быта первых исследователей, поморов. Среди таких находок — керамическая посуда, обручи от бочек, письма. А как-то обнаружили сенсационную находку — борт судна Баренцева. Все эти реликвии заняли свои места в экспозициях Музея института культурного наследия.

Голландские и российские ученые продолжают совместные исследования. В Арктике еще много неизведанного. Считалось, например, что в промерзшей почве никто не обитает. Но недавно новые методы позволили открыть мельчайшие организмы. Обнаружены новые виды мхов. На карте, которую составляют исследователи, обозначены все уникальные птичьи базары, места обитания белых медведей, моржей, оленей. Впервые видвинута идея создания не отдельных заповедников, а целой системы.

Дело в том, что уже сегодня, казалось бы, такая труднодоступная Арктика нуждается в защите. Богатые иностранцы, пресытившись Канарами и другими модными курортами,

считают особым шиком побывать в ледяной пустыне. Нашлись и гиды...

— Туристы разоряют наши памятники, — возмущается Петр Владимирович. — Вывозят реликвии, которые являются достоянием России. Кроме того, есть места, в которые просто нельзя допускать туристов. Например, к Земле Франца-Иосифа, где мы вели исследования, причалило как-то судно с иностранными туристами и приготовилось к высадке. Мы выразили протест, потому что даже исследователи, высаживаясь, делают это с великой осторожностью, прокладывают специальную тропу, а такое массовое нашествие людей может нанести непоправимые разрушения.

Конечно, туристам хочется посмотреть птичьи базары, и они лезут напролом с видеокамерами, пугая тем самым птиц. Те роняют яйца, и в результате гибнут птенцы. Поэтому вопрос о создании системы заповедных зон стоит очень остро...

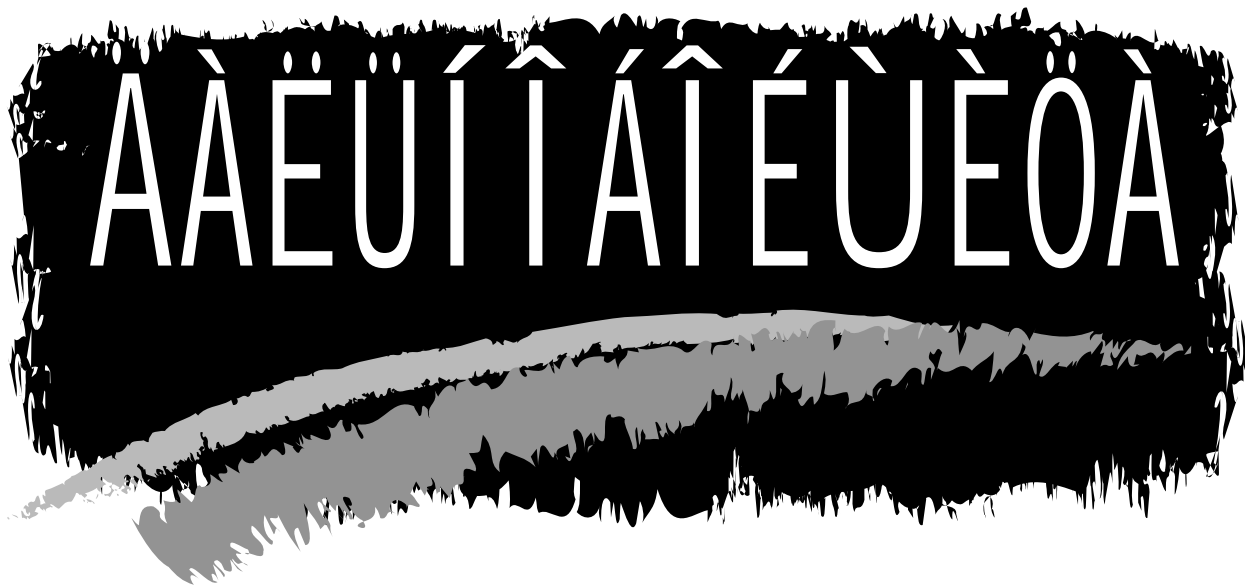
— Петр Владимирович, а не нанесли ли уже непоправимый вред природе Арктики испытания ядерного оружия? Ведь Арктика — наш ядерный полигон. Доводилось слышать о горящих птицах, облысевших оленях...

— Все это плод фантазии журналистов и писателей. Испытания проводились зимой, когда никаких птиц на островах не было. А так называемые «лысые» олени — это обычные животные, у которых линяла шерсть. Хочу заметить, что сейчас уровень радиации в Арктике гораздо ниже, чем в Москве.

Загадочная суровая Арктика открывает людям свои тайны. И ученые делают все, чтобы на карте земного шара «белых пятен» оставалось все меньше и меньше... □

Беседовала **Татьяна Харламова**

Глава 14

Куда сунуть электропровод?

Деревенская улица была наполнена мычанием коров и звонкими щелчками хлыста. По улице гнали стадо, и над дорогой, уже начавшей подсыхать, поднималась пыль.

А в саду Шурика было свежо и чисто. Смоченные росой яблоки источали острый аромат. Картофельные грядки расцвели фиолетовыми цветками. Лучи солнца пробивались через листву, разливались желтыми пятнами по веткам, стволам, тропинке, путались в паутине под навесом сеновала и играли на закрытых веках Воронцова.

Даша держала яблоко за черенок и медленно водила им по его губам. Воронцов делал вид, что спит, но губы его предательски растягивались в улыбке. Наконец он попытался впиться зубами в яблоко, а Даша, взвизгнув и отдергивая руку, прошептала:

— Я люблю тебя. Я тебя люблю... Тебя я люблю... Люблю тебя я... Ой! А у тебя гусеница на плече!

Воронцов подпрыгнул и принялся хлопать себя по плечам.

— Я пошутила! — зашлась она в смехе.

— Ах, пошутила!? Тогда берегись!

Окончание. Начало в №6, 2015.

Он стиснул девушку в объятиях, и Даша притихла. Через несколько минут отвернула лицо, глубоко вздохнула и сказала:

— Мне воздуха не хватает.

— А ты дыши через нос, — посоветовал Воронцов. Он вытащил из кобуры «Макаров», отсоединил обойму, посмотрел на ряд золотистых патронов и снова загнал обойму в рукоятку.

— В тебя когда-нибудь стреляли? — спросила Даша, заморожено глядя на пистолет.

— А как же, — ответил Воронцов и, вытянув руку с «Макаровым» в сторону старой груши, прищурил глаз.

— Страшно?

— Сначала не очень, а потом, когда подумаешь, что в это время вполне уже мог лежать в морге, нехорошо становится.

Даша села, скрестив ноги «по-турецки». В ее глазах разгорался интерес.

— А расскажи про какое-нибудь дело.

— Про какое дело?

— Про самое страшное. Про вампиров, маньяков и ходячих покойников.

— С ходячими покойниками не сталкивался, — серьезно ответил Воронцов, застегивая рубашку.

— Тогда про маньяков.

— А что ты хочешь узнать про маньяков?

— Да нужны они мне, как собаке пятая нога! — отмахнулась Даша. — Мне интересно, как ты шел по следам преступника, как собирал крупички песка в столовой, исследовал окурки в парламенте, находил пятна крови на платье балерины, а потом срывал маску с маньяка, который притворялся милиционером!

Последнее слово у нее вырвалось помимо ее воли, и Даша даже язык прикусила. Воронцов закинул лямку «сбруи» на плечо и, усмехнувшись, спросил:

— А почему милиционером?

— Так, к слову пришлось.

— Рассказывать об этом долго и неинтересно. Если станешь работать в уголовном розыске, от этих историй тебя воротить будет. Понаслушайся!

— А у меня, в самом деле, есть способности? — встрепелась Даша.

— Способности? Способности придут позже. Самое трудное в нашей работе — знать законы и уметь их обходить.

— Обходить? Ничего не понимаю! Зачем следователю обходить законы?

— Ты еще молодая и наивная. И многого не понимаешь, — потрепал ее по щеке Воронцов. — Вот, например, ты следователь. Идешь вечером по

деревенской улице. Кругом тишина, сумерки, никого нет. Вдруг видишь — в магазине воришка, с прилавка продукты сгребает. Ты ему: «Стоять! Уголовный розыск!» А он сумку бросает и дает деру. Ты за ним. Прибегаешь к нему в хату, а он сидит за столом с женой и чай пьет. Ты говоришь: «Гражданин, вы обвиняетесь в попытке ограбить магазин!» А он тебе: «Докажи сначала!»

— А разве в суде мне не поверят? — с удивлением спросила Даша.

— Твоих слов недостаточно. Нужны свидетели и доказательства.

— Допросим жену!

— Жена скажет, что муж весь вечер дома сидел.

— Снимем отпечатки пальцев с консервов!

— А он в перчатках работал, а потом сжег их в печке.

— Что же тогда делать? — пожала плечами Даша.

— Вот в том-то вся проблема, — вздохнул Воронцов. — А может быть еще хуже, если воришка наймет опытного адвоката. Тот докажет суду, что из-за огульного обвинения у его клиента повысилось артериальное давление, началась бессонница, в результате снизилась производительность труда, тебе предъявят иск на возмещение материального ущерба, а воришка будет смеяться и показывать кукиш. Это тот самый случай, когда ты должна ловко и недоказуемо нарушить закон.

— И как же я должна его нарушить? — часто заморгала Даша.

— Ну, скажем, подкупить свидетелей, которые подтвердят, что воришка взломал дверь магазина. Подкупить понятых, чтобы подтвердили, будто при обыске в погребе воришки были найдены консервы из магазина. Подкинуть в магазин какую-нибудь вещицу, которая принадлежит воришке. В конце концов, этого воришку можно припугнуть или сунуть ему кое-куда электрический провод... Способов много.

— Какой кошмар! — прошептала она и прижала ладони к пылающим щекам. — Я, наверное, не смогу быть следователем.

— Не принимай мои слова близко к сердцу. Я пошутил, — рассмеялся Воронцов и чмокнул ее в щеку. — Ну, посмотри на меня. Я ведь никого не пытаю. Никому не подкидываю телевизоров. Топчу навоз да ползаю в темноте по кустам. Вот и все методы. К тому же... — Лицо его вдруг стало грустным, а глаза печальные. — К тому же я надеюсь, что когда ты отучишься, получишь назначение, мир станет другим. И работать следователи будут по-другому.

— Бедненький! — воскликнула Даша. — Мне тебя жалко! Ты себя сжигаешь, растрачиваешь, и ради чего? Но я тебе помогу, — прошептала она, едва сдерживая слезы. — Обязательно помогу. У меня интуиция... Честное слово! Я найду убийцу! И принесу доказательства!

— Милая! — рассмеялся Воронцов. — Пожалуйста, не надо нести мне доказательства! Не отбирай у меня мой хлеб. Я сам найду убийцу. Не сегодня, так завтра.

Но Даша не унималась:

— Мне так хочется помочь тебе! У меня все получится! Сам потом спасибо скажешь!

— Ты уверена в этом?

— Уверена!

— Может, ты уже кого-то подозреваешь?

Даша не выдержала его пытливого взгляда и опустила глаза.

— Нет, — солгала она. — Я только... я еще только чувствую, что разгадка где-то рядом... Сердце подскажет!

— Что ж, сердце — это хороший советчик. Только перед тем, как начнешь отлавливать преступника, не забудь зашить сарафан.

— Ой! — ахнула Даша и всплеснула руками. — Я совсем забыла! Где же взять иголку с ниткой?

— Попросим у хозяйки, — сказал Воронцов и стал спускаться по лестнице.

— А кто хозяйка в этом прекрасном саду?

— Проня, жена участкового, — ответил он и уже снизу крикнул: — Эй! Ты там не уснула?

Глава 15

Фокус не удался

Это была крепкая на вид женщина, с неподходящим для ее комплекции тоненьким пронзительным голосом. Она говорила громко, растягивая гласные, словно оперная певица:

— Проходите, проходите в хату!

Участковый ходил из угла в угол по сеням и что-то искал. Похоже, он только что проснулся, и вид у него был такой, будто пил всю ночь напролет. Наконец нашел ковшик, зачерпнул из ведра и, жадно выпив, произнес:

— Проходите, Юрий Васильевич!

А Воронцов уже стоял посреди большой комнаты, рассматривая фотографии и иконки. Даша же не сводила глаз с хозяйки. Она не очень-то старалась скрыть свои эмоции, и взгляд ее говорил: «Все-то я про вас знаю, тетенька! И можете не заговаривать нам зубы!»

— Холодец неси! — бросил жене участковый и с тяжелым сопением опустился на диван рядом с Дашей. — Холодец будете, Юрий Васильевич? Это как бы окрошка на щавелевом отваре.

— Только чай, — ответил Воронцов.

Даша вдруг вскочила из-за стола.

— А я пока кроликов посмотрю, ладно? — сказала она и вышла из комнаты.

Спустившись во двор, подошла к клетке с кроликами и опустилась на корточки, делая вид, что разглядывает ушастых зверьков, а сама искоса посмотрела по сторонам. Нет, этот двор был слишком узкий и тесный для того, чтобы здесь мог уместиться «КамАЗ». Но, может быть, с другой стороны дома есть более широкая площадка?

Убедившись, что вокруг никого нет, Даша прошла через калитку в огород, перепрыгнула через помидорные грядки и свернула за угол дома.

Там ее ждало разочарование. За домом не было ни большой, ни маленькой площадки. Перед забором тянулся ряд растрепанного малинника, в котором не то, что машину — велосипед трудно было поставить.

Она пошла обратно, думая о том, что для очистки совести надо поискать телевизоры в том доме, где ее поселил участковый, и вдруг нос к носу столкнулась с Воронцовым.

— Ой! Я чуть разрыв сердца не получила!

— Что ты здесь делала? — спросил Воронцов, насмешливо глядя ей в глаза.

— Я? Ничего... Посмотрела, много ли малины поспело.

— А может быть, ты искала преступника?

Лицо Даши стало неудержимо краснеть. Понимая, что правду утаить уже невозможно, она схватила Воронцова за руку и пролепетала:

— Юрочка, я хотела тебе помочь, я думала, что все смогу сделать сама, поэтому ничего пока тебе не говорила...

Воронцов шевельнул бровями, взял ее за плечо и, подведя к стене дома, произнес:

— Ну-ка, выкладывай! Что ты хотела сделать сама?

— Понимаешь, когда я еще ехала с этим водителем, он рассказал мне, что на ночлег всегда останавливается у одной женщины...

Тут ее перебил взволнованный голос участкового, доносящийся со двора:

— Юрий Васильевич! Где вы? Юрий Васильевич!

— Что там еще стряслось? — произнес Воронцов, вскинув голову. — Ладно, потом доскажешь... Пошли!

«Фокус не удался!» — сконфуженно подумала Даша, глядя на удаляющегося Воронцова. Ей было нестерпимо стыдно, что она попалась на лжи. Тяжело вздохнув, она отправилась следом за ним и вдруг увидела стоящего у ворот медика Довбню. Ноги его почему-то были до колен выпачканы в грязи, под глазами темнели круги, и лицо отливало болезненной желтизной.

— Что?! Что случилось?! Где заключение экспертизы?! — громко спрашивал его Воронцов.

Медик тряс головой, раскрывал рот, пожимал плечами и все никак не мог произнести ни слова.

— Нету заключения! — наконец выдавил он. — Труп украли! Ликвидировали самую главную улику...

— Что, значит, украли? — не понял Воронцов.

Хватая ртом воздух, медик стал путано рассказывать о злоключениях, выпавших на его долю за прошедшие сутки. Он подробно остановился на том, как тащил на себе раненого водителя до ближайшей аптеки, и детально описал синий трактор с коричневым кузовом.

— Бред какой-то, — произнес Воронцов и мельком взглянул на Дашу, словно хотел убедиться, что рассказ медика и ей тоже кажется бредом. — А где ты болтался всю ночь?

— Заблудился малость, — произнес Довбня и тотчас обрушил весь свой гнев на объективные обстоятельства: — На дорогах ни указателей, ни табличек! Все деревни как две капли воды! Света в домах нет, людей нет, спросить не у кого, а грязи по горло! Сначала я забрел в какое-то Шаулено, потом в Курманово...

Уже не слушая его, Воронцов повернулся к участковому:

— В деревне у кого-нибудь есть трактор с кузовом?

— Да, — кивнул Шурик и стал застегивать галстук на воротнике форменной рубашки. — Именно такой: синий, с коричневым кузовом. А хозяин его — один шибко шустрый хлопец. Микола Хамарин. — И добавил сквозь зубы: — Бизнесмен хренов!

— Идем! — нетерпеливо произнес Воронцов.

Даша решительно шагнула вперед, уверенная в том, что он приглашает и ее тоже, но следователь отчужденно взглянул на девушку и коротко сказал:

— Ты останешься.

— А-а... — протянула она, но, не найдя подходящих слов, осталась стоять с открытым ртом. Затем, подавляя острое желание пустить слезу, с понурой головой побрела в дом, где на столе остывала картошка.

Бизнесмен хренов

— Не знаю, кто ему из родственников помог, но вот уже, считай, год, как он купил этот трактор, — рассказывал участковый, вынужденный все время оборачиваться, чтобы идущие за ним следователь и медик его слышали. — Женился недавно, но детей пока нет. Сначала работал в совхозе, возил то навоз, то зерно, а потом занялся бизнесом, итить его!

— А что за бизнес? — спросил Воронцов, закуривая на ходу.

— В нашем сельмаге ведь шаром покати! А если хорошо прольет, то, считай, неделями даже хлеба не видим, не говоря уж про колбасу или йогурт какой. А этот шустряк на своем тракторе в любой дождь может в город проехать, ему грязь нипочем. Вот он и смекнул, на чем можно деньги делать. Стал оттуда продукты возить, а здесь продавать. И сыр, и колбасу, и водку, и консервы. Считай, все, чего душа пожелает. Продавал, естественно, дороже, чем покупал. Хибарку какую-то сколотил, витрину сделал. Народ к нему даже из Глазова и Курманова за продуктами ходит, особенно за водкой...

— Спекулянт, — вставил Довбня. — А водка у него почему?

— Какось, Юрий Васильевич, — проигнорировав вопрос медика, продолжал Шурик. — Я сквозь пальцы смотрел на эти его штучки. Конечно, у него ни лицензии, ни разрешения, ничего. Но разве я думал, что алчность доведет его, считай, до преступления!

— Где он берет продукты? — поинтересовался Воронцов.

— С оптовиками сговорился. Они ему заранее подбирают все самое дешевое. А он только приедет, заберет, рассчитается и уедет. Все организовано, как в армии.

— А его жена, разумеется, стоит за прилавком?

— Нет, — покрутил головой Шурик. — Жену я давно не видел. По моему, она в больнице.

— Плохо, Шурик, что ты смотрел на это сквозь пальцы, — задумчиво проговорил Воронцов. — Очень плохо...

— Лишь бы он не расчленил труп, — со слабой надеждой произнес Довбня. — Или, не дай бог, не сжег. А то уже никакую экспертизу не проведешь.

Они взошли на пригорок, который местные называли «могильником», и приблизились к забору из крепкого крашеного штакетника, к которому проволокой была прикручена фанерка с надписью «МАГАЗИН. КРУГЛОСУТОЧНО». За стволами яблонь и вишен можно было разглядеть колесный трактор с металлическим кузовом.

— Этот? — тихо спросил Воронцов у медика.

— Он, — без колебаний ответил Довбня. — Вот же сволочь! Мы ему машем руками, а он — газу! Лишь бы, гад, не растворил труп в извести или, чего доброго, не провернул его через мясорубку...

— Да заткнись ты! — в сердцах бросил Воронцов и повернулся к Шурику: — Оружия за ним никакого не числится? Охотничьего ружьишка или пневматики?

— Не замечал, — ответил участковый и, чувствуя свою косвенную вину, предложил: — Давайте-ка, Юрий Васильевич, я первым пойду.

— Успокойся, — осадил его Воронцов и вытащил из кобуры пистолет. — Возьми под контроль левое окно, а ты, — взглянул он на медика, — правое. Я вхожу в дом, а вы ждете, пока не позову.

— Ради бога, Юрий Васильевич, будьте осторожны, — заволновался участковый. — Если он уже раз на убийство пошел, то второй раз убьет не задумываясь.

— А ты что предлагаешь? Отправить нашего эскулапа в город за спезназом? Чтобы потом мы его самого разыскивали где-то в полях между Шауленом и Курмановом?

Воронцов зашел во двор и, пригибаясь, чтобы не сшибать лбом тяжелые, полные сока яблоки, приблизился к трактору, вскочил на переднее колесо с налипшими на него комьями глины, заглянул в пустой кузов.

Тем временем Довбня и участковый, ломая кусты по своим направлениям, бежали к дому. Шурику было тяжело, ему не хватало воздуха, пот стекал по его лицу, а фуражка все время съезжала набок. «Эх, Микола, Микола, — переживал он. — Испортил ты себе всю жизнь! Мало, что торгашом стал, так еще и человека ради телевизоров убил!»

Довбня в эти напряженные мгновения был озабочен трупом. Он беспокоился о нем, словно об угнанной дорогой машине, и, как это часто бывает, готов был простить Миколу его злодейство, лишь бы покойник не был разобран на «запчасти».

А Воронцов намеревался поставить жирную точку в этом деле. Деревня исчерпала себя, как место новых впечатлений и ощущений, и уже с утра он испытывал острую потребность уехать отсюда, поэтому решил форсировать явно затянувшееся расследование. Его не слишком беспокоило, достаточно ли улики обнаружится у деревенского бизнесмена.

Тропинку, ведущую к крыльцу, перегораживал помятый грузовой контейнер, поставленный на торец. На стороне, обращенной к Воронцову, было прорезано большое окно, и за стеклом, на полках, демонстрировали себя разноцветные упаковки. Крупы, сахар, соль, спички, масло... Под каждой упаковкой — ценник, сделанный из листочков старого перекидного календаря. На стене контейнера приклеен лист бумаги, на котором было написано: «Господа сельчане! Что привезти?», а ниже господа сельча-

не корявыми буквами составили список пожеланий: «1. Жамки. 2. Сяледку. 3. Гвоздей соточку. 4. Сордельки. 5. Лекарство от давленья. 6. Горелку подешевше...»

Воронцов обошел контейнер. Тяжелая металлическая дверь с запорами была раскрыта. Рослый парень лет двадцати семи, в подвернутых резиновых сапогах, потертых джинсах с широким офицерским ремнем, да в тельняшке, склонился над картонной коробкой, вытаскивая оттуда банки с тушенкой. Он стоял к следователю спиной, поэтому и не видел его. Ничего не объясняя, Воронцов схватил парня за плечо, рванул на себя, разворачивая, затем толкнул на дверь и тотчас приставил к его щеке пистолет.

Микола здорово испугался, это было видно по его побелевшему лицу.

— Уголовный розыск, — наслаждаясь эффектом, представился Воронцов и улыбнулся: — Следователь Воронцов. А ты — Хамарин?

Парень кивнул, с ужасом косясь на пистолет.

— Тогда руки за голову, и пошел в дом.

Микола повернулся к следователю спиной и, старательно прижимая ладони к затылку, словно это могло уберечь его от нечаянной пули, поплелся к крыльцу. На первой ступеньке споткнулся, упал, а пока поднимался на ноги, Воронцов свистнул участковому и медику, чтобы больше не напрягались в своих засадах.

Дом Миколы был почти новым и крепким. Внутри пахло свежей краской, по полу были разложены тростниковые дорожки, в проемах между комнатами вместо дверей колыхались желтые шторы.

Воронцов поднял палец над головой и будто нарисовал им круг. Довбня понял смысл этого жеста быстрее участкового и тотчас кинулся осматривать комнаты. Он очень надеялся, что вот-вот труп будет найден, и скандал удастся замять. Участковый, чтобы не наступать медику на пятки, вышел во двор, но так как хозяйство у Хамарина было совсем еще скудное, осматривать особо нечего, быстро вернулся в дом.

— Ничего, — сказал он Воронцову.

Тот подтолкнул Миколу в самую большую комнату, где стоял непрактичный для деревни сервант, заставленный стеклянными рюмками и салатницами из дешевого хрусталя, диван с креслами и каркас детской кровати без постели и матраца, похожий на большую птичью клетку, и, кивнув на кресло, сказал:

— Садись.

Микола, погруженный в хаос своих мыслей, не понял, что от него требуется, и участковому пришлось хлопнуть его по плечу. Парень, голова которого была наполнена бог весть какими мыслями, предпочел бы стоять, чем сидеть, так как колени его сразу стали подсакивать, как моторные цилиндры, и он тщетно пытался их успокоить, соединив вместе и опустив на них ладони.

Воронцов принялся расхаживать по комнате, выдерживая паузу, необходимую для того, чтобы задержанный успел вспомнить все свои малые и великие грехи, совершенные за прожитую жизнь.

— Где ты был вчера днем? — наконец спросил он.

— Днем? — писклявым голосом переспросил Микола: напряженные из-за тяжелых размышлений голосовые связки неожиданно дали «петуха».

— Да, днем. Перечисляй по часам — где был, что делал.

Спокойный, даже доброжелательный тон следователя немного успокоил Миколу. Беспрестанно поглядывая на участкового — свой, как-никак, упрягинский! — он проговорил:

— В одиннадцать я в городе был, в больнице. Потом на рынок заехал, а оттуда уже домой.

— Что ты делал в больнице? — спросил Воронцов.

— Жену навещал. Она у меня на сохранении лежит. Я ей лекарства отвез.

— А на рынке?

— Затоварился.

— Продал что-нибудь?

— Да что я могу продать, у меня на продажу нет ничего, — достаточно твердым голосом ответил Микола и даже усмехнулся, словно иронизируя по поводу своей бедности.

— Что ж ты до города порожняком ехал? Даже мешка картошки или яблок не прихватил.

— Порожняком, — кивнул Микола. — Картошки у меня самого мало. А яблоки... Какие в этом году яблоки?

Воронцов остановился посреди комнаты и с задумчивым видом произнес:

— Значит, ты затоварился и поехал в Упрягино?

— Товарищ следователь! — Миколу, наконец, прорвало. — Я вам скажу правду! Ну, сколько я этого товара набрал? Коробку шпротов, сто плавленых сырков, пять бутылок водки да десятков пачек порошковых супов. Все остальное подорожало, я даже брать не стал. Ну, возьмут у меня все, что привез. Сколько мне того навару останется? Копейки! Я и так самую малость в цены добавляю. Что б только на бензин хватило да на лекарства. На прошлой неделе жене двенадцать рецептов выписали! Где мне такие деньги взять? Вот, что у меня есть... Вот вся «наличка», мамой клянусь! — С этими словами он вскочил на ноги, сунул руки в тесные карманы и стал вытаскивать мятые мелкие купюры. Зажав их в кулаке, протянул руку Воронцову и истерично выкрикнул:

— Забирайте! Забирайте! Продукты можете забрать! Все забирайте... — Его голос дрожал, глаза блестели.

Воронцов вдруг быстро шагнул к Миколу, крепко сжал его руку с купюрами и, толкнув обратно в кресло, произнес:

— Эти поганые деньги ты будешь предлагать «уркам» в камере, чтобы они пореже окунали твою харю в парашу. Понял?

Реакция следователя была столь неожиданно грубой и жесткой, что не только Микола, но даже участковый и Довбня притихли и опустили глаза, будто тоже были в чем-то виноваты.

— Ты что думаешь? — продолжал Воронцов. — Следователь из областной прокуратуры приехал в эту загаженную деревню ради твоего вшивого бизнеса? Быстрее говори, где труп!

— Ка... какой труп? — заикаясь, переспросил Микола.

Воронцов выпрямился, шумно, через нос, вздохнул, полез в задний карман брюк и потребовал:

— Руки! Руки покажи!

Микола, еще не успев понять, что сейчас произойдет, протянул следователю руки, и тот, натренированным жестом защелкнув на его запястьях никелированные наручники, быстро заговорил:

— Теперь слушай меня. Наш дальнейший разговор должен быть очень коротким. Я предлагаю тебе два варианта. Первый: ты сейчас рассказываешь под протокол о том, как убил дальнобойщика и похитил из фургона телевизоры, которые затем отвез в город и продал оптовикам. Затем дашь мне подписку о невыезде, я снимаю с тебя наручники, и ты продолжишь спокойно торговать до вызова в прокуратуру.

И второй вариант: ты продолжаешь упираться и не признаешься в убийстве. В этом случае я предъявляю тебе обвинение в незаконном предпринимательстве, совершенном организованной группой, гарантирую тебе пять лет тюрьмы и немедленно отправляю в следственный изолятор.

— Товарищ следователь... Товарищ следователь, — забормотал Микола, до боли сжимая руки, закованные в металл, — это какое-то недоразумение. Я не убивал никакого дальнобойщика, клянусь вам! Какие телевизоры? Я даже не понимаю, о чем речь!

— Не понимаешь? — усмехнулся Воронцов и покачал головой: — Не надо лгать! Никто, кроме тебя, не мог вывести по раскисшей дороге, где застревают даже грузовики, двести телевизоров!

— Какие телевизоры?! — взвыл от бессилия Микола и, уронив голову на колени, навзрыд заплакал. — Я не понимаю... не понимаю, что вы от меня хотите! Я никого не убивал! Почему я должен признаваться в этом?

— Участковый! — крикнул Воронцов через плечо. — Ищите тракториста и отправляйтесь вместе с обвиняемым в следственный изолятор! Я пишу постановление об аресте.

— Товарищ следователь! Товарищ следователь!.. — заголосил Микола.

— Разговор окончен! — оборвал его Воронцов и, сев за стол, вынул из кармана авторучку.

— Юрий Васильевич! — негромко позвал его Шурик, зачем-то надвинув козырек фуражки на самые глаза. — Можно вас на два слова? — и тут же вышел из комнаты.

Воронцов положил ручку на стол, встал и будничным тоном спросил у Миколы:

— У тебя в доме чистая бумага есть? А то постановление даже не на чем написать.

— Позвольте сказать, умоляю вас, — ослабевшим голосом попросил Микола.

— Теперь жди, дружок, — ответил Воронцов. — Участковый первый в очереди что-то сказать.

Участковый и Довбня стояли на крыльце и курили в ожидании следователя.

— Юрий Васильевич! — заговорил Шурик, избегая смотреть следователю в глаза. — Сердцем чую, не убивал Микола. Зря вы на него. Если б он на своем тракторе на луг ездил, то на Глуховке обязательно бы колея осталась.

— Что ж ты к своему сердцу только сейчас прислушался? — спросил Воронцов и перевел вопросительный взгляд на Довбню: — Кто всю эту кашу заварил? А?

— Знаешь, — произнес Довбня, покусывая губы и вращая глазами во все стороны, — навряд ли это он труп спер.

— А ты утверждал, что он.

— Сказать-то сказал, да вот теперь думаю: покойничек килограмм на девяносто тянул. Как же этот бизнесмен-худышка смог один закинуть его на такой высокий кузов?

— Кто же, в таком случае, утащил труп? Или он сам на кладбище уполз?

Медик в ответ молча пожал плечами.

— Вот тебе урок: нельзя зря языком трепать, — менторским тоном произнес Воронцов, но развивать тему не стал. Вынул из кармана маленький ключ и положил его на ладонь участкового: — Наручники с Хамарина можешь снять. И немедленно проводи дознание по факту незаконного предпринимательства. По полной программе и в соответствии с законом. Задача ясна?

— Юрий Васильевич, — проговорил тот. — Да черт с ним, с этим Хамариным! Ничего особенного он же не натворил! Какое это предпринимательство? Считай, мелкая спекуляция. С него даже штрафа не возьмешь. К тому же больная жена...

— Поручения следователя для дознавателя являются обязательными, — процедил сквозь зубы Воронцов. — Еще раз повторяю: ты обязан провести дознание по факту незаконного предпринимательства, совершенного организованной группой. Если ты забыл, что это такое, то напоминаю: сначала допросишь Хамарина, потом свидетелей, затем произведешь обыск и выемку, возьмешь подписку о невыезде...

— Я все знаю, — перебил его Шурик.

Воронцов неожиданно улыбнулся, словно предлагая завершить этот неприятный разговор, протянул руку и, поправив перекосившуюся звездочку на погоне участкового, доброжелательно произнес:

— Запомни, Шурик, бедность не может являться оправданием для нарушения закона. И больная жена, кстати, тоже.

Повернувшись, он быстро зашагал к калитке, всем своим видом показывая, что очень недоволен своими помощниками.

Глава 17

Тряпкой по лицу

Даша ходила по саду участкового, гладила стволы яблонь и груш, приседала перед фиалками, вдыхая крепкий аромат, срывала ягоды — то смородину, то малину, и с ее лица не сходило выражение беспредельного счастья. Она вспоминала минувшую ночь, тихий шепот Воронцова, его жаркие поцелуи и думала: «Какой он хороший! Какой добрый и внимательный!» Остановившись, закрывала глаза и слышала его голос: «Я люблю тебя, малыш... У меня хватало в жизни женщин, но я все равно оставался одиноким и несчастным. А ты мне как родная. Мне кажется, я знаю тебя уже много лет...» Вдруг этот голос прозвучал в реальности, и она, восторженно помчалась напрямик во двор, перепрыгивая через картофельные грядки.

Воронцов стоял посреди двора и о чем-то говорил с Проней. Он лишь мельком взглянул на Дашу, кивнул ей, приглашая за собой, и с бесстрастным выражением лица пошел в сад. Сохраняя приличную дистанцию, она последовала за ним. У сеновала они остановились, и Даша нетерпеливо произнесла:

— Ну, как? Рассказывай! Я уже совсем заждаюсь! Взяли преступника?

— Преступника? Какого преступника?

— Но вы же ходили... Кто-то там на тракторе...

— А-а, ты про Хамарина! — махнул рукой Воронцов и, сев на лавку, вытащил сигареты. — Веских улик я еще не нашел... А пока хочу тебя послушать. У какой женщины, ты говоришь, водитель останавливался на ночлег?

— У какой-то телятницы, — ответила Даша шепотом и на всякий случай посмотрела по сторонам.

— Как зовут?

— Имя он мне не назвал. Сказал только, что работает телятницей, и что она постарше его. Больше ничего.

— А почему ты решила, что это жена участкового?

— Во-первых, Проня работает на животноводческой ферме, — ответила Даша и стала загибать пальцы. — Во-вторых, ей пятьдесят один год, то есть, возраст вполне подходит.

— Как же она при живом муже путается с дальнобойщиком? — спросил Воронцов, глядя на нее с нескрываемым интересом.

— Ха, живой муж! — легкомысленно произнесла Даша и махнула рукой. — Его вызовут в район на совещание или на дежурство, а дальнобойщик тут как тут.

— А как же сыновья?

— А сыновья сами по девкам бегают! — не задумываясь, парировала Даша.

— Кое-какие здравые мысли в твоих рассуждениях, конечно, есть, — нахмурился Воронцов. — Скажем, возраст и... и, особенно, внешность очень подходят к этому образу... Да что там гадать — изменяла или не изменяла. Надо провести следственный эксперимент, и мы получим исчерпывающий ответ на этот вопрос.

— Следственный эксперимент? — воскликнула Даша. — А как это?

— Очень просто. Для этого сначала надо взять какую-нибудь безделушку...

Он вдруг замолчал и стал рыться в карманах пиджака. Вынул портмоне, раскрыл его, как бы невзначай пробежался пальцами по стопочке долларовых купюр, затем вытряхнул из внутреннего отделения связку ключей. Даша следила за его руками так, словно Воронцов намеревался показать ей фокус. Он тем временем снял с кольца брелок с символом «мерседеса» и подкинул его на ладони.

— Эту штуку я покажу Шурику.

— Зачем? — не поняла Даша.

— Не догадываешься?

— Нет.

— Этот брелок я покажу Шурику, — повторил Воронцов, — и скажу, что нашел его на сеновале.

Наконец Даша поняла, что он задумал.

— Как будто этот брелок потерял водитель?

— Вот именно, как будто! — подтвердил Воронцов. — Если у жены совесть чиста, на вопрос мужа она ответит: «Сдурел, старый?!» или что-то в

этом роде, и даст ему по физиономии грязной тряпкой. А вот если у нее рыльце в пушку, то быть семейному скандалу. Вот тогда мы начнем работать по полной программе. Поняла?

— Поняла, — кивнула Даша, а Воронцов вдруг резко остановился и прислушался:

— Кажется, меня зовут.

Глава 18

Ломаные дрова

Медик стоял у калитки и подпрыгивал от нетерпения.

— Я тебя обыскался! — крикнул он Воронцову, тотчас повернулся к нему спиной и быстрым шагом пошел по улице, чтобы не давать никаких объяснений.

— Заинтриговал, — произнес тот и вопросительно взглянул на Дашу, словно она могла знать, по какому поводу его искал медик. Она пожала плечами и последовала за ним.

Несмотря на то, что Довбня шлепал по сырой дороге достаточно резво, расстояние между ним и Воронцовым быстро сокращалось.

— Что случилось? — крикнул ему в спину Воронцов. — Хамарин сбежал?

— Хуже! — не оборачиваясь и не сбавляя темпа, ответил Довбня.

— А что может быть хуже? — пробурчал себе под нос Воронцов и заторопился к «могильнику», среди деревьев и кустов которого маячила фигура медика. Даша догнала Воронцова и молча пошла рядом.

На крыльце дома Хамарина их встретил участковый. Его форменная рубашка была расстегнута до середины груди, потное красное лицо напряжено, он тяжело и часто дышал, нервно мял фуражку и злобно смотрел на Воронцова.

— Что случилось, Шурик? — излишне спокойно спросил Воронцов.

— Смотрите сами! — буркнул участковый, сошел с крыльца и сел на бревно.

Довбня на всякий случай отошел к трактору и встал за его большим колесом, а Воронцов, зайдя в дом, быстро вошел в комнату, в которой допрашивал Миколу, но в ней никого не оказалось. Тогда он вернулся в коридор, едва не сбив Дашу с ног, и свернул в другую комнату, где на деревянном, пахнущем свежими стружками полу лицом вверх лежал Хамарин. Рядом с ним валялся перевернутый табурет, который, словно змея, опутывала крепкая веревка. Хамарин был неподвижен, взгляд остекленевших глаз упирался в потолок, в середине которого торчал крюк для люстры.

Тельняшка его была задрана к самому подбородку, и под левым соском полыхало большое алое пятно.

Воронцов мельком взглянул на тело, потом на табурет и на веревку и вдруг услышал, как за его спиной негромко вскрикнула Даша.

— Что это? — произнесла она, несмело приближаясь к Воронцову и с ужасом глядя на распростертое тело.

— Это? Полагаю, что это труп Хамарина. Как я и думал, Шурик-таки наломал дров. Ладно, хватит разглядывать, пошли отсюда!

Выйдя на крыльцо, Воронцов пристально посмотрел на участкового, ожидая, когда тот, наконец, обретет дар речи.

— Я снял с него наручники, — хрипло произнес Шурик, сплевывая себе под ноги, — и начал составлять протокол допроса... Тут он попросился выйти в соседнюю комнату за товарными чеками.

— Зачем они ему понадобились?

— Он попросил подшить их к делу. Я разрешил. Минут через пять я позвал его — не отвечает. Вышел в другую комнату, а он там, на веревке висит... — Участковый сделал паузу, рассматривая сломанный козырек фуражки. — Я позвал медика, и мы сняли его. По очереди делали массаж сердца — все без толку... Погубили человека, Юрий Васильевич. Зря. Зря...

— Погубил, — с невозмутимым видом поправил Воронцов. — Ты, Шурик, погубил человека. А все потому, что не установил психологического контакта с задержанным. Иными словами, не создал благоприятной психологической атмосферы следственного действия.

Участковый поднял голову, посмотрел на следователя, но возразить не смог. Может, мысленно согласился с ним или же понял, что все равно проспорит этому краснобаю, как ни старайся.

— Но самый главный твой просчет в том, — добавил Воронцов после небольшой паузы, — что ты не проследил за Хамариным, когда он вышел в другую комнату. А ты должен был предвидеть, что страх перед справедливым наказанием сломит его волю, и он обязательно попытается наложить на себя руки.

Участковый уже не поднимал голову, лишь кивал, как китайский болванчик, да все плевал себе под ноги.

— С ума с вами сойдешь, — посетовал Воронцов, садясь рядом с ним. — Где у вас тут ближайшая больница?

— Недалеко от Пашкова, — едва слышно произнес Шурик.

Воронцов поморщился. Настроение Шурика, который, казалось, уже сам близок к суициду, ему не понравилось.

— Да хватит тебе фуражку ломать! — хлопнул он участкового по плечу. — Возьми себя в руки!

Тот напялил фуражку на голову и сцепил руки в «замок».

— Иди сюда, специалист высокого класса! — крикнул Воронцов медику.

Довбня без особого энтузиазма приблизился к следователю и встал на безопасном от него расстоянии.

— Ты продолжаешь заниматься покойниками! Сейчас садись на трактор и гони в больницу за врачом. Скажешь, что начинающий бизнесмен не выдержал борьбы с конкурентами и повесился на почве нервного истощения. Попутно опроси местное население, не попадался ли кому на глаза бесхозный труп. Задача ясна?

— Может, лучше я? — невеселым голосом предложил Шурик, мечтающий находиться от Воронцова как можно дальше.

— Нет, ты мне здесь понадобишься. Сходи в контору и составь список всех ваших телятниц в возрасте от сорока и старше. Одиноких женщин пометишь галочкой...

Участковый тотчас вскочил, застегивая на груди рубаху.

— погоди, это еще не все, — остановил его Воронцов. — Я хочу еще кое-что тебе сказать. Это не имеет отношения к нашему делу и, возможно, тебе будет неприятно, но как мужик мужика я должен тебя предупредить.

— О чем предупредить? — насторожился Шурик.

Не ответив, Воронцов посмотрел на Довбню, который не без интереса рассматривал бутылки за стеклом «магазина».

— А ты почему еще здесь? Быстро залез в трактор и погнал в Пашково!

Довбня скорчил недовольную физиономию, но послушаться не посмел и, бормоча что-то, пошел к трактору. Проводив его взглядом, Воронцов повернулся к Даше:

— Иди домой, отдохни. Хватит тебе на сегодня впечатлений.

Даша молча кивнула и пошла к калитке.

Глава 19

Глупый розыгрыш

Чем ближе Даша приближалась к дому, где ее поселил Шурик, тем отчетливей слышала громкие женские голоса. Калитка была распахнута настежь, посреди двора валялось пустое ведро с помятым боком, словно по нему с силой ударили ногой. Над усадьбой витал дух серьезного конфликта. Казалось, что даже куры испуганно притихли в огороде, опасаясь попасть под чью-нибудь горячую руку.

— Никуда он не пойдёт! — доносился громкий сильный голос бабули. — Чи он голодный, чтоб ийти к тебе? Зачем? Тут его хата!

— Что вы кричите? Почему ему нельзя? — вторил звонкий голос жены Шурика.

Даша терпеть не могла вмешиваться в чужие ссоры и остановилась на терраске, не испытывая никакого желания заходить в дом. Тут она заметила висящую на гвозде милицейскую фуражку, и внезапная догадка осенила ее. «Следственный эксперимент!» — подумала она и даже обернулась с надеждой, что Юра где-то рядом — не мог же он оставить без внимания и контроля такие важные события! Но двор был пуст, а Воронцов в данный момент разыскивал Шурика где-то в районе конторы.

Понимая, что в планах Воронцова случилась досадная накладка, Даша тихо присела на край пустой кадушки и стала прислушиваться к голосам, стараясь запоминать слова со стенографической точностью.

— Нельзя! — командным голосом говорила бабуля. — Какого беса он к тебе пойдёт?

— То вы, мама, дуже богатые стали, вот и зазнались, что не идете. И не кричите! — уподобляясь колоколу, отвечала свекрови невестка.

— Это ты со своей родней богатеи! Вы богатше нас у десять раз живите!

— Конечно, конечно, — насмешливо ответила Проня. — Пойдёт Шурик. И вы, коли пойдете к нам, ни слова не скажу. Приходите на беседу, ни слова не скажу...

— Чи я тебе родня? Вон твоя родня, все ждёт, когда Шурик из хаты уйдёт. Зови свою родню. А мы что? Мы люди чужие.

Наверное, зря бабуля упомянула Прониных родственников. У той окончательно сдали нервы, и она заговорила звонче прежнего:

— Ну, слушайте, мама! Вот я усим бисом клянусь, шо больше ни разу к вам в хату не зайду! Так и знайте! Что, дуже святые стали? Да я скажу Шурику про вас два слова, и вы у больницу сразу пойдете! Два слова только!

Тотчас дверь распахнулась с такой силой, что, окажись Даша рядом с ней, удар был бы смертельным. На терраску вышла Проня. Половые доски задрожали от ее тяжелых шагов. Грозная, сердитая и сильная, как танк, она не заметила затаившуюся на кадушке Дашу, сошла с крыльца и села на лавку. Лицо ее было красным, губы плотно сжаты, глаза метали молнии. Внутри нее все еще продолжалась борьба, и Проня покачивала головой, возмущенно ахала, сетуя на несговорчивость и упрямство свекрови.

— Шурик! — крикнула она в окна. — Хватит дурить! Ходи двору, там поговорим!

«Нет, — подумала Даша, мысленно каясь. — Не признает она за собой никакого грешка. Наверное, я ошиблась. Точно ошиблась! Взвела на честную тетку напраслину!»

Опять затряслись половые доски и загремели ведра. На терраску вышел Шурик. На него было страшно смотреть. Глаза красные, припухшие от слез, губы дрожат от ненависти и боли. Он изо всех сил двинул кулаком по дверному косяку, разбивая костяшки в кровь, и выкрикнул, швырнув в лицо Проне брелок:

— Ну, о чем, о чем нам с тобой говорить?!

Она не увернулась, не прикрылась рукой, брелок попал ей в щеку и упал на землю.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — дрожащим голосом проговорила Проня.

— Не понимаешь?! — взревел Шурик и, шагнув к жене, ударил ее по лицу. — Не могу я уже с тобой жить, вот что!

— А вы руки не распускайте! — вмешалась Даша, и хотя ей было страшновато, все же спустилась с терраски.

Шурик обернулся, скривился и, махнув рукой, процедил:

— Ты еще тут будешь... — После чего вышел со двора и быстро пошел куда-то, будто там его ждали.

Проня, не выдержав, расплакалась.

— Неуж я отживший человек? И чего ему надо? Чего бесится?

У Даши комок в горле встал от жалости к женщине. Она хоть и не могла признаться себе, что виновата в ее несчастье, и все же на душе было скверно, и очень хотелось как-нибудь успокоить Проню.

— Пойдемте домой, — сказала она, невольно глядя ее по плечу. — Все будет хорошо. Надо выпить валерьянки, поспать, и все само собой уладится.

А про себя с отчаянием подумала: «Ну, где же Юра? Пусть срочно ищет Шурика и объясняет ему, что это был всего лишь глупый розыгрыш».

Глава 20

Вспышки на солнце

Довбня смог добраться до больницы лишь к исходу дня, потому как в тракторе неожиданно закончилась соляра, и пришлось бежать с канистрой к механизаторам.

Не рискуя передавить старушек в застиранных разноцветных халатах, сидящих на скамейках, он не стал въезжать на территорию больницы,

остановился у забора и бегом кинулся в приемное отделение. Врач собиралась уже уходить домой, и Довбня столкнулся с ней в дверях.

— В Упрягино... человек... покончил собой... — произнес он, тяжело дыша и кивая головой на каждом слове.

— Да что же это такое! — посетовала врач, всплеснув руками. — Каждый день покойники! В милицию уже сообщили? — спросила она и позвала дежурного фельдшера.

— Как раз милиция меня к вам и направила.

— Присаживайтесь, — кивнула врач на железную койку без матраца, стоящую в коридоре, и, вздохнув, добавила: — Сегодня самоубийца. Вчера дорожно-транспортное происшествие. Никак магнитные бури сказываются...

— Какое дорожно-транспортное происшествие? — насторожился Довбня.

— У поворота на Семеновский нашли перевернутую машину. Водителя нет, а в кузове труп.

— Что?! — крикнул медик, вскакивая на ноги. — Где он?

— Кто? — с испугом спросила врачиха.

— Труп! Это мой, понимаете? Я его уже второй день ищу!

Женщина смотрела на Довбню как на сумасшедшего.

— Как это понять — ваш? — осторожно поинтересовалась она и кинула взгляд в коридор: не появился ли в поле зрения фельдшер.

— Куда вы его дели?!

— А вы кто — водитель? — уточнила врач и подумала, что неплохо бы срочно позвонить в милицию и на всякий случай связать этого подозрительного типа.

— Я сотрудник лаборатории судебной экспертизы! — представился Довбня. — Это мой труп! У меня его стащили самым бессовестным образом!

Он очень своевременно протянул ей свое служебное удостоверение, ибо в этот момент к ним подошел плечистый фельдшер, привыкший к усмирению больных в состоянии белой горячки.

— Что ж вы сразу не сказали? — произнесла врач, возвращая медику удостоверение. — А ваш труп мы еще вчера отправили в лабораторию судебной медицины. Так распорядился следователь из ГИБДД.

Довбня сразу обмяк, глаза его потухли.

— Все, — пробормотал он. — Теперь меня уволят с работы.

Врач молча проводила его взглядом, а потом взглянула на фельдшера:

— А еще говорят, что вспышки на солнце не влияют на людей... Завтра утром поезжай в Упрягино, забери самоубийцу. — И, подняв взгляд к потолку, тихо добавила: — Прости, Господи, его грешную душу...

Кыш!

«Пора кончать с этим делом, — думала Даша, спускаясь на луг, чтобы пройти в самый конец Упрягина незамеченной. — Юра устал, запутался. Если так дальше дело пойдет, он всю деревню перессорит».

Уже смеркалось. Овраги, словно витиеватые корни, впивались в сочный, щедро пропитанный влажным туманом луг. Идти по нему так, как намеревалась сделать это Даша, было сплошным наказанием. И дело не только в речке, мельчавшей с каждым годом. Поросший колючками луг хранил под своим зеленым ковром тонны торфа и был исполосован канальцами и узкими ямами, заполненными черной холодной водой.

Разувшись и приподняв сарафан выше колен, Даша спустилась к воде. Несмотря на поздний час, в канале еще купались пацаны, похожие на лягушек в широченных трусах. Они показали ей брод. Проваливаясь по щиколотки в жижу, Даша перешла на противоположный берег и, не обувавшись, пошла дальше. Трава таила в себе несметное количество колючек, которые вынуждали ее время от времени вскрикивать и подпрыгивать.

Так, прыгая и петляя в поисках относительно сухой дорожки в лабиринте каналов, она пересекла луг, дошла до ручья, помыла в воде ноги, обулась и стала подниматься по тропе. Уже совсем стемнело, вокруг царила звенящая тишина, а над видневшейся вдали деревней вставала розовая, сточенная с одного края луна.

Даша дошла до деревни и зашагала по узкой улочке, зажатой с двух сторон заборами. Густые кроны деревьев нависали над ней, и сюда не проникал даже скудный лунный свет. Все вокруг стало неузнаваемым. Страх подгонял ее, и она уже едва не бежала. Мало-помалу Даша стала узнавать дома, мимо которых они проходили с Лешкой. Крайняя усадьба с большим двором была уже совсем близко. Выдохнув из груди воздух и мысленно обозвав себя трусихой, она решительно пошла дальше.

Чем ближе Даша приближалась к дому страшной женщины, тем отчетливее видела пробивающийся сквозь кусты свет в окнах. Она на цыпочках прошла вдоль забора, свернула к воротам и, присев, посмотрела в щель. Да, Лешка не ошибся! Желтый свет, падающий из окна, был тусклым и все же достаточным для того, чтобы увидеть узкий и длинный, как баржу, двор. Точнее, это был не столько двор, сколько свободная от кустов и картофельных грядок полоса земли, поросшая короткой травой.

«Уж если куда загонял Валерка свой «КамАЗ», то только сюда, больше некуда». Стараясь не думать о последствиях своего поступка, Даша перелезла через забор, пригибаясь, чтобы быть вровень с кустами, пробежала

по саду и замерла напротив светящегося окна. Чуть раздвинув ветки смородины, она сразу увидела движущуюся тень. Над короткой шторкой, делящей окно пополам, показалась голова женщины. Вот она! Даша подавалась вперед и даже дышать перестала, впитывая глазами вполне обычный образ жестокой и коварной убийцы.

Вдруг лязгнула металлическая щеколда, и дверь, ведущая в сени, открылась. Луч света упал на куст, за которым притаилась Даша. Женщина с ведром в руках сошла по ступенькам и, неожиданно взмахнув руками, выплеснула мыльную воду на грядки. Затем поставила ведро на землю, выпрямилась и замерла. Может, она интуитивно почувствовала, что за ней кто-то следит? Даша не могла видеть в темноте глаз женщины, но казалось, будто та смотрит прямо на нее, прекрасно видит скрюченную фигуру за кустом и злобно усмехается. Сейчас возьмет топор, кинется на Дашу и изрубит ее на куски...

Но женщина вместо топора взяла лопату, которая стояла в закутке между крыльцом и сараем, отошла в заросли сирени и стала копать яму. Даша отчетливо слышала, как с глухим стуком штык лопаты вонзается в крепкий грунт и скрежещет о камешки. «Могилу роет! — мелькнуло в голове. — Но кому? Неужели мне?» Но она тут же успокоилась — судя по размерам, могила предназначалась разве что для собаки. Оставив лопату, женщина вернулась в дом, но вскоре снова вышла с промасленным тряпичным свертком. Даше показалось, что там лежит что-то тяжелое, а когда сверток полетел в яму, мелодично звякнули металлические предметы.

«Замечательно, — подумала она, начиная неудержимо дрожать то ли от холода, то ли от волнения и азарта. — Ты закопаешь, а мы с Юрой раскопаем!»

Тем временем женщина уже разровняла землю лопатой и присыпала пожухлыми листьями, чтобы не было заметно. Затем отошла к воротам, присела в плотной тени и замерла. Даше показалось, что она тоже начала за кем-то следить, потому и притаилась. Но тут между ее ладоней вспыхнул огонек, женщина встала, отошла на шаг, глядя на разгорающийся костер, и оранжевые отблески осветили ее лицо. Оно было спокойным, даже равнодушным.

Теперь, в свете костра, Даша могла лучше рассмотреть незнакомку. Она была невысокой, даже миниатюрной. Из-под длинной вязаной кофты выглядывал подол гофрированной юбки, достающий чуть ли не до земли. Убедившись, что костер занялся, женщина опять вернулась в дом, но тут же вышла обратно, держа в каждой руке по какой-то тряпке, приблизилась к костру и безжалостно кинула их в огонь. В последнее мгновение над костром, словно крылья мотылька, взметнулись рукава и штанины голубого комбинезона, а следом — светлая в клеточку рубашка.

«Она сжигает его вещи!» — наконец дошел до Даши смысл огненного ритуала, и от такого коварства преступницы, профессионально уничтожающей улики, она сжала кулаки, до боли стиснула зубы и чуть не заплакала. Подлая, коварная убийца! Хоть бы дождь пошел и затушил костер! Хоть бы уцелел кусочек комбинезона!

Женщина поворошила угли тяпкой, оказавшейся у нее под рукой, подгребла золу и, убедившись, что костер догорает и никакой опасности не представляет, зашла в дом, и вскоре тень от ее силуэта упала на шторку окна.

«Теперь можно!»

Чуть приподнявшись, Даша на полусогнутых ногах подбежала к малиновым углям, подобрала с земли палку и принялась торопливо разгребать золу. Ей удалось подцепить сильно обгоревший кусок рукава с почерневшей металлической пуговицей. Обжигаясь, она схватила его пальцами, подбежала к ржавому корыту с дождевой водой, откуда, видимо, пили куры, окунула и затолкала под поленницу.

«Вот и все, — подумала она, перелезая через забор. — Клетка захлопнулась, птичка попалась. Юре остается только подписать указ на арест... Или как там это правильно называется?»

Возвращалась она по центральной улице, еще более темной и мрачной, но ничего похожего на страх Даша не испытывала, наоборот, лицо ее сияло неподдельным счастьем.

«Это первое преступление, которое я раскрыла сама от начала и до конца!» — думала она, боясь, что не справится с нахлынувшим на нее чувством гордости и громко, во весь голос, запоет.

Она не заметила, как дошла до дома участкового. Остановилась перед глухими воротами, осторожно надавила ладонью на врезанную в ворота дверь. Та оказалась запертой. «Юрка, наверное, уже волнуется», — подумала Даша и пошла в обход, по чужим грядкам.

Сад, который надо было пройти, показался ей непроходимыми джунглями. Ветки деревьев так и норовили вцепиться ей в волосы, а яблоки, который век подтверждая закон всемирного тяготения, метили точно в темечко девушке. Наконец она подошла к сеновалу и тихо позвала:

— Юра! — Ей показалось, что наверху зашуршало сено. — Ты спишь? Никакого ответа.

Скинув туфли и приподняв подол сарафана, Даша поднялась наверх, прыгнула с последней ступеньки в сено и провела рукой вокруг себя. Холодные подушки, скомканное одеяло. Никого.

Ей вдруг стало так обидно и тоскливо, что на глаза навернулись слезы. «Где же он? — подумала она. — Наверное, ушел меня искать! Или ждет меня у бабули!»

Даша вскочила так резво, что ударилась затылком о брус, на котором держался навес. Охая и потирая ушибленную голову, она спустилась вниз, сунула ноги в босоножки и протоптанной тропой вышла на улицу.

Вот развилка на Глуховку, колонка, три молодых тополя, листья которых серебрятся, напоминая звездопад... Даша свернула к дому и толкнула калитку. Когда не надо, так обязательно будет заперта! Принялась на ощупь снимать со штакетника проволочное кольцо. Пальцы не слушались, кольцо упрямылось, гнулось, но не снималось. Даше не хватило терпения, она перемахнула через забор, кинулась к терраске. На секунду остановилась перед ступенями, посмотрела в окно и тотчас увидела Юру.

Воронцов в голубой рубашке и наплечной кобуре сидел за столом и разливал в стаканы водку. Лицо его было расслабленным, румяным, глаза усталые. Напротив, подпирая голову кулаком, методично жевал Шурик. Он был в майке, усеянной мелкими дырочками, будто в него стреляли дробью. Взгляд участкового словно приварился к сковородке, на которой дымилась горка жареной картошки. Воронцов наполнил стаканы, поднял один и, протянув его Шурику, сказал:

— Не бери ничего дурного в голову.

Шурик взял стакан, но тотчас с грохотом опустил его на стол и заревел, как раненый медведь:

— Всю жизнь! Всю жизнь, Юрий Василич, эта стерва мне испортила! Всю душу вымотала! Я к ней по-человечески, а она лгала мне! Лгала, змеюка!

Воронцов не стал ждать, когда Шурик выговорится, выпил и, обмакнув перо лука в соль, откусил сочную белую головку.

У Даши все чувства и мысли вдруг испарились. Она уже не знала, куда ей идти, что делать. Медленно поднялась на терраску, постояла в темных сенях, повернулась к выходу, опять сошла на ступеньку и остановилась.

Тут за ее спиной распахнулась дверь, и на терраску вышла бабуля. Она взяла со стола банку с солью и только потом увидела Дашу:

— А я уж тебя заждалась! — сказала она. — Ходи вечерять!

В первой комнате было душно, на полную громкость работал телевизор, транслировали футбольный матч. Напротив, очень близко к экрану, сидела незнакомая Даше старушка, мелкая и сухонькая. Высвободив из-под платка ухо, она оттопыривала его ладонью, чтобы лучше слышать.

— Я тябе на печи постелила, — виновато сказала бабуля, выставляя на стол чугунок. — Ничего? А на диване Шурик ляжет...

— Ой, яей! — скрипучим голосом воскликнула гостья, не отрываясь от экрана и не заметив прихода Даши. — Не повывернули б соби шию! От я все думаю, чи платят им?

— А чи нет! — ответила бабуля со знанием дела.

— А яку пользу ж вони приносять?

— У них развитие здоровья получается.

— Ого! А сердце? Глянь, кольки там народу! И билеты рублей по сто...
Ой, не могу! Ой, отравители!

Даша села за стол. Аппетита не было, но она все же выложила на тарелку вареную картофелину и стала разминать ее вилкой. Ей не хватало воздуха. Каждая минута ожидания была настоящей пыткой.

— Чи не зуб у тябе болит? — спросила бабуля, встревоженная ее состоянием. — Так ты на яго не ешь. Не ешь на яго.

Даше хотелось отшвырнуть от себя тарелку, вскочить из-за стола, без стука зайти в соседнюю комнату, схватить Юру за руку и вывести его в сад. Слиться там с тенью яблони, где так благоухают сладкие паданцы, и воздух чистый и прохладный, и луну закрывает матовое облако, и мерцают, как росинки на солнце, тихие звезды. Крепко поцеловать его в губы и долго-долго не видеть, не слышать никого...

Наконец она не выдержала, встала из-за стола, подошла к двери, из-за которой раздавался громкий голос Шурика, и распахнула ее.

Свет лампочки показался ей нестерпимо ярким. В нос шибанул тяжелый запах табака. Юра медленно повернул голову и посмотрел на Дашу так, словно видел ее первый раз в жизни. Шурик держал в руке стакан, по-видимому, Даша своим появлением прервала его тост про неверных жен и вымотанную душу, и участковый, недоброжелательно глянув на нее, набычился.

— Уйди! — невнятно произнес он, роняя изо рта крошки хлеба, и махнул рукой: — Кыш!

Воронцов отвернулся и потянулся вилкой к салу, порезанному кубиками.

Даша с силой захлопнула дверь и выскочила во двор. Хлипкая калитка распахнулась от удара ее ноги. Выйдя на улицу, она сняла босоножки и, не сдерживая слез, во весь дух побежала к туманному саду, где под навесом стоял огромный, высокий, как Эверест, сеновал.

Ночью она часто просыпалась и шарила рукой по сену.

Глава 22

Список Шурика

Участковый сидел на диване, опустив босые ноги на пол. Выглядел он неважно. Ему не хватало воздуха, он тяжело, со стоном, вздыхал, крутил головой и снова вздыхал, бормоча при этом:

— Нельзя же столько пить.

— К жене иди, — посоветовал Воронцов, — пусть рассола тебе нальет.

— Не, не пойду! — нахмурившись, ответил Шурик. — Конец семье... Я уже все мосты сжег...

Воронцов не стал уточнять, какие мосты успел сжечь участковый, открыл дверь в первую комнату и крикнул:

— Мамаша! Рубашку несите!

Бабуля, гордая тем, что обслуживает столь высокое начальство, кинулась в темный угол, где за шторкой на «плечиках» висела голубая рубашка Воронцова, выстиранная, отглаженная, со всеми пуговицами. Сняла ее любовно и понесла на вытянутых вперед руках.

— Завтрак накрывать? — спросила она у сына.

— Как хочешь, — буркнул Шурик, обхватив влажный лоб руками. — Воды принеси!

Старушка засеменила к бадье с водой. Она не скрывала своей радости по поводу того, что сын вернулся в родительский дом. А то, что у него в семье не ладится, то это пустяк, «клопот». Невестки эти только и знают, что запрягать мужиков в ярмо да деньги из них выжимать. А что для старой матери самое главное? Чтоб сын был рядом и ее слушался. Вот и все дела.

Шурик, наконец, встал, подошел к печи, стянул с нее пыльные и мятые брюки и принялся их надевать.

— Девчонка-то ночевать не приходила, — сказал он.

— Ну, и черт с ней, — ответил Воронцов, застегивая рубашку. — Я к ней в пастухи не нанимался. — Затем надел заплечную кобуру, вынул пистолет, проверил обойму и снова загнал ее в рукоять. Накинул на плечи пиджак, сел за стол, придвинул к себе листок из ученической тетради и сказал: — Давай-ка еще раз разберемся со списком.

Похоже, Шурик молил бога, чтобы следователь не вспомнил об этом списке, но судьба ему не улыбнулась.

— Да что с ним разбираться? — нехотя подходя к столу, произнес он. — Пустое все это, Юрий Васильевич. Пустое!

Но следователь уже вооружился карандашом и нацелил его острие в первую фамилию.

— Это все телятницы?

— Телятницы. Только, считай, все в город перебрались. Три женщины остались. Я их кружочками пометил.

— Вот по этим трем давай и пройдемся. Будина?

— Эта молодая. Муж, дети. На Заречье живет.

— Шапетько?

— Шапетько уже месяц как в больнице лежит. Грыжа у нее.

Воронцов в задумчивости постучал карандашом по списку и очертил последнюю фамилию.

— Клинцова?

— А это младшая дочка Евсея, к которому мы с вами заходили.

— Пастуха?

— Ну да, он в то утро скот пас, — кивнул Шурик и попытался замять разговор: — Юрий Васильевич, пустое это дело. При чем тут телятницы?

— Постой, постой! — внимательно посмотрел на него Воронцов. — Расскажи-ка мне про эту Клинцову! Если не ошибаюсь, она не замужем, и у нее взрослый сын?

— Ну да, сын Лешка. Баламут еще тот...

— Сколько Клинцовой лет?

— Да лет сорок пять будет, — с трудом выдавил из себя Шурик. — Юрий Васильевич, это святая женщина! Я за нее поручиться могу.

Воронцов, не сводя с него глаз, медленно скрутил список в трубочку и стал наматывать ее, словно веревку, на палец.

— Святая, говоришь? А вот мы это и проверим. Где она живет?

— Юрий Васильевич, — тихо произнес участковый, — бога ради, не трогайте ее.

— Шурик! — насмешливо ответил Воронцов. — Где она живет?

— Вы что, в убийстве ее подозреваете? — вдруг вспыхнул участковый. — Да лучше меня подозревайте! У меня кулак крепкий, могу по физиономии заехать. А Клинцова — женщина нежная. У нее душа ранимая, понимаете?

— Ранним утром старик находит труп любовника своей дочери, — настаивал на своем Воронцов. — Это, Шурик, и есть тот самый хрестоматийный круг, в который, как в мышеловку, попались главные действующие фигуры. И никуда они уже не денутся. Вот в чем заключается главный закон криминалистики. Понял? — Он кинул листок со списком на стол и поднялся.

— Уезжайте вы лучше отсюда, — глухим голосом произнес участковый, исподлобья глядя на следователя. — Пока я на вас жалобу в прокуратуру не написал.

Воронцов замер у двери, повернулся к нему и широко улыбнулся:

— Жалобу?

— Да! — зло бросил Шурик. — Где основание для возбуждения уголовного дела? Где труп? Где заключение экспертизы?

Улыбка медленно сползла с лица Воронцова.

— С огнем играешь, Шурик, — угрожающе посмотрел он в красные, подпухшие глаза участкового. — Не боишься лишиться погон за преступную халатность, допущенную во время проведения дознания? — И, не дожидаясь ответа, быстро вышел из комнаты.

Из терраски тут же донесся его громкий голос:

— Мамаша! Ну-ка объясните, где Клинцова живет.

Участковый повернулся к зеркалу, в котором с трудом умещалось его лицо, надел фуражку и медленно надвинул козырек почти на самые глаза. Несколько мгновений он рассматривал свое отражение, потом подошел к столу, вылил остатки водки в мутный стакан, залпом выпил и рявкнул:

— Не надо! Я сам отведу!

Глава 23

«Убийца»

Даша лежала на спине, натянув одеяло до носа, и смотрела, как трепыхается залетевшая в паутину муха, и как паук носится вокруг нее, обматывая своей липкой нитью. Она уже давно не спала, да и нормального сна не было, но все лежала, не шевелясь, без чувств, без мыслей и без слез. И лишь когда солнце стало припекать и раскалило навес, откинула одеяло и села. Вялыми движениями стряхнула с головы соломинки, закинула на плечо ляжку сумочки и слезла вниз.

По двору, не разгибаясь, ходила Проня: сыпала в алюминиевую тарелку пшено курам, рвала листья одуванчика кроликам, мешала в корыте вареную картошку с мукой для поросенка. Увидев Дашу, она взялась за поясницу, выпрямилась и молча кивнула ей. Глаза женщины были припухшими от слез.

Даша решила разыскать Воронцова и вышла на улицу. У колонки она встретила Лешку.

— А я за тобой! — сказал он ей, радостно улыбаясь. — У деда корова отелилась, хочешь на теленка посмотреть?

— На кого?! На теленка?! Подумаешь, невидаль — теленок... Я уже как-то видела теленка... По телевизору показывали.

— По телевизору — это не то, — возразил Лешка.

Даша повернула голову, посмотрела на дом бабули, на сломанную калитку и подумала: «Может, Юра спит еще?»

— Ладно, — согласилась она. — Пошли на твоего теленка смотреть.

Они спустились по Глуховке, свернули во двор. Лешка отворил дверь сарая, зашел первым и зажег свет.

— Бычок, — сказал он, облокотившись об оградку.

Даша встала рядом и посмотрела в загон. Теленок был мокрым и длинноухим. Он лежал на соломе и пытался приподнять голову. Корова, шумно сопя, старательно облизывала его сизым языком.

— Любуется? — неожиданно прозвучал в дверях женский голос. — Ну-ка, подвиньтесь!

Даша обернулась и чуть не вскрикнула. С охапкой сена в руках перед ней стояла убийца.

«Вот это да! — лихорадочно заметались в голове мысли. — Откуда она здесь? Она меня узнала? А что теперь делать? Бежать за Юрой?»

Но женщина приветливо улыбалась и терпеливо ждала, когда Даша отойдет в сторону. Лешка взял девушку под руку и представил ее женщине:

— Мам, это Даша!

Та перекинула сено через ограду, отряхнула фартук и протянула Даше руку:

— Очень приятно. А я — Надежда Ивановна, можно просто Надя.

Буря эмоций разразилась в душе девушки, когда она пожимала руку преступницы.

«Значит, она мама Лешки! — с ужасом думала она. — Вот это поворот! Что же это получается? Лешка такой милый парень, а его мамаша убийца?»

— Ты чего? — удивленно спросил Лешка, не понимая, чем вызвано ее странное оцепенение. — Мам! А Даша телят только по телевизору видела!

— Заходите чай пить, — пригласила Надя. — Пойду у деда спрошу, купил он пряников или нет?

— Эй, проснись! — сказал Лешка, когда они с Дашей остались вдвоем, и несмело взял ее за руку.

— А-а-а... — неуверенно протянула Даша, оглянувшись на дверь. — Так это твоя мама, говоришь?

— Да, — кивнул Лешка. — А что?

— Ничего. Молодо выглядит...

— Я знаю, все так говорят. А ей уже сорок шесть, между прочим... Ну что? Пойдем чаевничать?

— Пойдем, — ответила Даша, высвобождая ладонь из руки Лешки, и первой вышла из сарая.

«Это же просто издевательство! — думала она, невпопад кивая на какие-то вопросы Лешки. — Ну почему у хорошего сына такая отвратительная мать? И что теперь я должна делать? «Стучать» на эту гадкую Надю Юре, чтобы тот нацепил на нее наручники? А как же Лешка? Можно представить, какими глазами он будет смотреть на меня!»

Они прошли через темные сени в комнату, и Даша вдруг вспомнила, как совсем недавно заходила в этот дом вместе с Юрой и участковым. Сейчас ей казалось, что это было давным-давно, в другой жизни, когда она еще не знала ни Лешку, ни Проню, ни бабулю.

Надя суетилась у стола, расставляла вокруг самовара блюдца для варенья. Даша не могла глаз от нее отвести, испытывая при этом странное чувство. «Я знаю о ней все, а она обо мне — ничего! — думала она. — Как,

однако, обманчива внешность. Такая милая женщина! Никогда не подумаешь, что это хладнокровная убийца».

В комнату, крихтя, зашел Евсей, увидел внука и расставил руки в стороны:

— О! Лешка! У лоб тебе ложкой!

— Ой, дед! — поморщился парень. — Достал ты меня! Когда только успел так надраться?

— Так теленок у нас! — радостно ответил Евсей. — Выхожу, знаешь, утром во двор. На березе сядела кукушка. Или птушки яе согнали — кукушек теперь гоняют птушки — и вот она, значить, взлетела и раз кукнула. Я говорю: вот это она ж чувствует якую-то новость. Так оно и пришлось, отялилась буренка наша!

— По-моему, дед, тебе кукушки каждый день новости приносят, — заметил Лешка.

— Даша, садитесь, пожалуйста! — вмешалась в разговор Надя, приглашая гостью к столу.

Евсей попытался изобразить гопак, но пошатнулся, махнул рукой и, решив, что его здесь не понимают, вышел во двор. Даша смотрела на руки Нади. Как они держат ложку, как свинчивают тугие крышки с банок, как ставят на стол чашки... Она пыталась представить в этих руках топор... Утренние сумерки. Берег реки. Надя идет по пояс в тумане к «КамАЗу». Она в ночной рубашке. Волосы ее распущены...

— Вам покрепче? — вернула ее в реальность Надя, державшая заварочный чайник в руке.

Даша машинально кивнула. Она сидела за столом и чувствовала, как в ее груди нарастает какая-то странная, неведомая раньше боль. Точнее, это была даже не боль, а ощущение дискомфорта, приближающейся тревоги или чего-то дурного, что она сделала.

— Тебе какое? — спросил ее Лешка, покачивая банками в руках, как жонглер. — Это из смородины. А это вишневое.

— А ты клади и то, и другое, — посоветовала Надя и подставила чашку под носик самовара. — Вы, Даша, учитесь или работаете?

Даша не успела рта раскрыть, как Лешка выдал:

— Она, мама, в областной прокуратуре работает. И, между прочим, занимается расследованием убийства дальнобойщика...

Надя внезапно выронила из руки чашку. Та упала на стол, раскололась, кипяток разлился по скатерти темным пятном.

Маски были сорваны. Мертвея лицом, Надя в упор смотрела на Дашу. И Даша уже не могла улыбаться ей. Губы ее готовы были крикнуть: «Да! Да! Расследую! И все про вас знаю!»

— Э-э, не беда! — сказал Лешка, собирая осколки чашки. — Мам, неси еще чашку!

Надя рассеянно кивнула, но тут Даша вскочила из-за стола и с возгласом: «Я сама!» — выбежала из комнаты.

Оказавшись на крыльце, она остановилась, перевела дух и села на ступеньку. «Что же я наделала! Она все поняла... Какой ужас, какой ужас! Что же делать? К Юре бежать? Ах, как же это подло с моей стороны! Беги, «стукачка», беги! Областная прокуратура никак без тебя не обойдется!»

Даша вздрогнула, услышав, как за ее спиной скрипнула дверь, но оборачиваться не стала, каким-то шестым чувством понимая, что это Надя.

Женщина медленно опустилась на ступеньку рядом с ней.

— Я его не убивала, — тихо и спокойно произнесла она. — Что это изменило бы? Зачем мне его смерть?

Она повернула голову и посмотрела на Дашу. Та тоже повернула голову, и их взгляды встретились.

— Я в то утро была на огороде, — продолжала Надя. — О том, что на лугу нашли убитого водителя, узнала только в обед. Пошла на луг, увидела машину и поняла, кто этот убитый. А потом только до меня дошло: если кто-то видел эту машину в моем дворе и расскажет следователю, то меня обязательно заподозрят. И — поверишь? — не было ни печали в душе, ни слез, ни страха. Я так и подумала: будь что будет, сама ничего не скажу, а если заподозрят, врать не стану.

Она надолго замолчала. А потом вдруг ее как прорвало:

— Валера говорил, что любит, что женится на мне, а я знала, что он лжет, и мы оба играли в эту красивую романтическую сказку. Но эта сказка была такая притягательная! Голова закружится, забудешься на мгновение, и кажется, что всего двадцать... Как тебе сейчас. С возрастом даже игры становятся недоступными. Это, наверное, самое грустное. Еще лет пять пройдет, и в любовь уже не сыграешь. А дни бегут, думать не дают. Обернешься — а позади вся жизнь, и долгов никаких. Лешка на ногах, картошка в закромах, дома порядок. И думаешь: а пропади оно все... И словно с обрыва в реку. Знаешь, что вода ледяная, а все равно прыгаешь... — Надя вздохнула, опустила руки на колени и заговорила дальше: — Забавно. Очень-очень забавно. Во-первых, тайна. Ночь — а он приезжал только по ночам, все разговоры только шепотом, утренние проводы, когда еще темно, и трава сухая. Я выходила к машине босиком и целовала его до одури! Понимала, что все спектакль, что я подражаю героине какого-то фильма, но какая же это сладкая боль.

«Господи! — мысленно взмолилась Даша. — Зачем она рассказывает мне все это? Я не хочу, я не могу ее слушать! У меня сердце уже в жвачку превратилось!»

— Вот тебе правда, девочка. Если надо, повторю под протокол.

— Что?! — воскликнула Даша. — Под протокол?

Она вскочила на ноги, посмотрела по сторонам, схватила Надю за руку и тихо прошептала:

— Идите за мной! Быстрее!

Надя, с недоумением глядя на девушку, поднялась и сошла с ней с крыльца.

— Бегите отсюда! Немедленно бегите, пока он спит! — вращая головой во все стороны, говорила Даша.

— Бежать? — испуганно повторила Надя. — Куда? Зачем?

— А я говорю, бегите! — настаивала девушка. — Иначе Воронцов вас сразу упрячет за решетку. Он уже идет по вашим следам, а я попробую отвлечь его. Он потеряет ваши следы, а потом и вовсе забудет. Пожалуйста, умоляю вас!

— Мама, сделай то, что она говорит! — вдруг раздался голос Лешки.

Парень стоял на крыльце и хмуро смотрел на мать. Кажется, он слышал всю ее исповедь.

— Леша, — прошептала Надя. — Но как же...

— Мама! — властно повторил Лешка, приближаясь. — Уходи в Заполье! Поживи недельку у тетки, пока я тебя не вызову! Даша правильно говорит. Никто с тобой церемониться не будет. Засудят за милую душу! Сейчас же уходи! Сейчас же!

Женщина совсем растерялась, только молча переводила взгляд с сына на Дашу и нервно заламывала пальцы.

— Спасибо тебе, доченька, — вдруг прошептала она и, схватив руку девушки, горячо поцеловала ее.

Глава 24

Дура

Даша бежала по Глуховке с такой скоростью, словно ее преследовал агрессивный бычок. Хорошо, что никто из сельчан ее не увидел, иначе бы в деревне началась паника. «Я ошиблась! — лихорадочно думала она. — Телятница, у которой ночевал дальнобойщик, живет в Курманово. Или в Шаулено. А может быть, в Глазово. И на луг он заехал лишь для того, чтобы машину помыть. Разве можно на грязной машине к милой соваться? А в Упрягино он никогда не заезжал. Что ему здесь делать? Тут же одни старухи остались!»

Она влетела во двор, и куры из-под ее ног разбежались во все стороны, словно из-под колес трактора.

— Юра! — громко крикнула Даша, грохоча каблуками по ступенькам. — Юра, ты не спишь?

И столкнулась в дверях с бабулей, державшей в руке пустое ведро.

— А они вместе с Шуриком к Клинцовой пошли, — сказала старушка, глядя на Дашу снизу вверх.

— К кому??

— Да есть у нас тут одна женщина. На самом краю живет.

«Опоздала! Опоздала!» — с отчаянием подумала Даша.

— Давно ушли?

— Уже, может, час...

— А вы не знаете, зачем они к ней пошли?

— А собаки яго знают! — ответила бабуля и тяжело вздохнула: — Жарища, голова томится...

Чувство страшной и непоправимой беды охватило Дашу. Она сошла во двор, машинально сорвала с ветки зеленое яблоко и опустилась на скамейку. «Они будут там все обыскивать... И пусть обыскивают. Все равно ничего не найдут, Надя все сожгла и закопала...»

Бабуля направилась, было, к сараю, но остановилась напротив Даши, глядя, как та грызет яблоко, и сокрушенно покачала головой:

— Если хороший год, то они и сладкие, и долго лежат. А сельта — никуды не годные, что кол...

Даша со злостью кинула огрызок под ноги, вскочила и быстро вышла со двора. «Сейчас я их обрадую! — думала она, решительно направляясь за околицу деревни. — Они еще извиняться перед Надей будут. Потом, конечно, на мою голову все шишки посыплутся. Но ничего, выдержит!»

Она шла мимо магазина, мимо бывшего ателье, мимо дома, где жил дед Гришка... То справа, то слева с ней здоровались, но Даша даже не оборачивалась, не отвечала. «Скорей! Скорей! — подгоняла она себя. — Сейчас я их огорошу! И правильно! Пусть сами работают, нечего на моих фактах себе карьеру делать!»

Она дошла до усадьбы Нади на удивление быстро, и путь показался ей очень коротким, совсем не таким, как ночью. Дом и сад уже не выглядели зловещими, наоборот, палисадник под окнами, где росли цветы, выглядел очень мило, а сад вообще напоминал ухоженный парк.

Калитка была распахнута настежь. Чтобы не выдать своего волнения, Даша минуту постояла за кустами, успокаивая дыхание, затем улыбнулась и танцующей походкой зашла во двор, собираясь жизнерадостным голосом крикнуть «привет!», но миг онемела и замерла на месте.

У крыльца, словно часовые на посту, стояла пожилая пара. Мужчина держал женщину под руку, и лица обоих были серьезные и строгие. Участ-

ковый, сидя на корточках, ковырялся в золе, оставшейся от костра. Воронцов, заложив руки за спину, прохаживался по двору и курил. Но взгляд Даши прирос не к нему, он был направлен на куст сирени, под которым чернела неглубокая яма, а рядом с ней на тряпке лежали гаечные ключи и монтировка.

— Понятые! — сказал Воронцов, обращаясь к пожилой паре. — Ясно ли вам предназначение этих предметов?

Тут он увидел Дашу, остановился и, нахмурившись, холодно спросил:

— Чего тебе?

Даша, с трудом преодолевая оцепенение, попыталась улыбнуться, пожала плечами и с трудом произнесла:

— Тебя хотела увидеть... И я еще вспомнила... В общем, я все неправильно тебе сказала... Все, оказывается, наоборот...

Она путалась, краснела и говорила вовсе не то, что хотела. Внятной, уверенной речи не получилось, и от этого ей стало совсем нехорошо.

— Выйди за калитку! — махнул рукой Воронцов. — Я к тебе подойду.

Даша попятилась. Двор поплыл перед ее глазами, в голове что-то загудело. Она зашла за кусты, села на траву и уронила голову на ладони.

«Что случилось? Почему он так со мной разговаривает? Я чем-то его обидела? Наверное, он приревновал меня к Лешке! — с облегчением подумала Даша и провела ладонью по вспотевшему лбу. — А я уже невесть что подумала! Милый мой Юрочка! Разве можно тебя сравнить с этим пацаном?»

Словно камень упал с ее плеч. Она вскочила на ноги, испытывая необычайный прилив сил. Как раз в этот момент из калитки вышел Воронцов. Он подошел к ней, сунул руки в карманы и хмуро проговорил:

— Пора уезжать отсюда. Тебе в деревне делать больше нечего.

Даша хотела возразить, но почему-то не смогла подобрать нужных слов.

— Расследование подходит к концу, — продолжал Воронцов, опустив глаза и рассматривая свои туфли. — Помощь твоя мне больше не нужна. Спасибо за все.

Что значит спасибо? Даша не могла понять, что происходит. Почему они должны расстаться?

— Да! — вспомнил Воронцов, хлопнул себя по лбу и вынул из кармана блокнот. — Я же обещал тебе помочь с учебой. Давай свой адрес, я тебе напишу!

— А разве мы... А я теперь... я думала, что мы... — слабым голосом произнесла Даша, с ужасом глядя на чистый лист блокнота. — Город Мстиславль, — бормотала она. — Мстиславль... Улица... улица...

— Ну, ладно! — не выдержав, сказал Воронцов, заталкивая блокнот в карман. — Как-нибудь в другой раз. А сейчас топай домой, там поговорим... — И, отпустив ее, вернулся во двор.

«Вся беда в том, — думала Даша, медленно бредя по дороге и ощущая внутри себя пустоту, — что я лезу не в свои дела. Женщина должна только любить. Вот ее главная работа. Любить, пока в этой любви нуждается хотя бы один человек... Какой из меня следователь? Зачем мне это надо? Дура я, дура...»

Глава 25

Деревенский телеграф

Воронцов стоял перед часами и смотрел, как минутная стрелка подползает к цифре 12. Пять часов вечера! Еще один день коту под хвост.

Внутри часов что-то щелкнуло, гирька на цепочке с треском поехала вниз, распахнулось маленькое окошечко, и из него едва не вывалилась скособоченная птичка. «Ку-ку, ку-ку...» — дурным голосом прокричала она почему-то девять раз.

Воронцов усмехнулся и сел на диван напротив Евсея.

— Лешка часы направляя, — сипло произнес старик, — а все одно, идут, як им нравится. По своему соображению...

— Так где твоя дочь, дед? — спросил Воронцов. — Надя где?

— Кто? Надька? Может, ушла под корову, — предположил Евсей и с деланой озабоченностью стал чистить рукавом колбу керосиновой лампы. — У нас электричество часто отключают. По вечерам сиди и дивись на тое воко слепое.

— Ты, Евсей, нам лапшу на уши не вешай! — строго предупредил Шурик.

— Может, хлопцы, вам самогонки налить? — предложил старик.

— Послушай меня, дед, — сказал Воронцов. — Дома ее нет, в магазине нет, на лугу нет. Соседи говорят, что она с Лешкой два часа назад была здесь. Где она? Куда пошла? Может, в другую деревню, в гости к родственникам?

— К родственникам? — переспросил старик и, прищуриив хитрые глаза, покачал головой. — Не гомоните, чего не треба! Какие у нее могут быть родственники окромя меня?

— Доиграешься, Евсей! — погрозил старику пальцем участковый. — Знаешь, как это называется? Нет? Ну, в тюрьме тебе объяснят.

— В тюрьме? А за что ж меня в тюрьму?

— Ну, все, хватит! — произнес Воронцов, решительно поднимаясь с дивана. — Придется воспользоваться деревенским телеграфом для розыска твоей дочери.

Евсей насторожился, но виду не подал, что испугался. Следователь подошел к нему, вынул из кармана наручники:

— Встать! Руки за спину!

Полчаса спустя Лешка вернулся с Заполя в Упрягино. Он шел мимо конторы, где в это время дня всегда толпились мужики, и вдруг увидел, как по улице навстречу ему идут участковый с Евсеем. Не желая попасться Шурику на глаза, Лешка отбежал в сторону, нырнул в кусты и, затаившись, стал следить за ними. Он не поверил своим глазам, увидев, что руки деда схвачены наручниками, а участковый не просто идет за ним следом, а конвоирует, нацелив в мосластую спину пистолет.

Глава 26

Банальная женская месть

Стемнело. Пыль, опережая стадо, затянула улицу. Все деревенские старухи дружно вышли встречать скотину, словно был объявлен общий строевой смотр. Коровы мычали, предвкушая сытный ужин и теплый хлев.

Воронцов дремал, сидя перед телевизором в потертом кресле. Бабуля с ухватом в руках возилась у печки. С грохотом, лязгом ведер и скрипом половых досок вошел Шурик, и в комнате сразу стало тесно.

— Вот, — сказал он торжественно и протянул Воронцову синий лист бумаги. — Телеграмма от фирмы «Высокие технологии». Дали ответ на мой запрос. Читайте!

Не меняя позы, Воронцов поднес телеграмму к глазам и негромко зачитал вслух:

— «На ваш запрос уведомляю, что недостачи товара в фирме на данный момент не обнаружено. Водитель Бондаренко (бортовой «КамАЗ», номер 335-25) доставил товар, согласно накладной и путевому листу (с четвертого склада таможенного терминала города Бреста в г. Гомель, оптовая база «Высокие технологии»), в полном объеме, где и сгрузил его 4 августа с.г. Там же он получил предписание порожняком следовать в г. Ростов-на-Дону за конвейерным оборудованием. Таким образом, в «КамАЗе» (номер 335-25), обнаруженном вами юго-восточнее г. Мстиславля 6 августа с.г., какого-либо товара, принадлежащего фирме «Высокие технологии», БЫТЬ НЕ МОГЛО. Генеральный директор ООО «Высокие технологии» Владимир Киселев».

Он опустил руку с телеграммой, листок выпал из его пальцев и спланировал на пол, и скучным голосом произнес:

— Язык поломать можно от такого протокольного стиля.

— Юрий Васильевич! — с беспокойством заговорил Шурик. — А мы все еще телевизоры по сараям ищем! Мотив убийства, выходит, совсем другой!

— Я знаю, — как ни в чем не бывало, ответил Воронцов. — Наконец все встало на свои места, и Надежду Клинцову можно объявлять в розыск... Ревность, дружочек! Ревность и банальная женская месть. Вот истинный мотив убийства! Это, скажу тебе, похлеще, чем желание стащить две сотни японских телевизоров. Так что ты поосторожней со своей супругой.

Участковый хотел ответить, что с женой как-нибудь сам разберется, но сказал другое:

— А разве у нас есть основания, чтобы объявлять ее в розыск? Ну, нашли у нее гаечные ключи. И что с того? Это же не доказательство, что она была знакома с дальнобойщиком.

— Будут доказательства, — с непоколебимой уверенностью заявил Воронцов. — Только наберись терпения.

Тут вдруг кто-то негромко постучал в окно. Вскочив с кресла, он подошел к окну и, возбужденно потирая ладони, тихо произнес:

— Кажется, и розыск уже не понадобится. Клинцова собственной персоной! Пусть мамаша открывает, а мы с тобой смотрим телевизор... Да не маячь ты у меня перед глазами! Сядь!

Через минуту в комнату вошла Надя. Щеки ее полыхали румянцем, она часто и глубоко дышала и потому сразу не могла говорить. Стянув с головы платок, оперлась о верстак и стояла так некоторое время, успокаивая дыхание. Потом, наконец, спросила:

— Отец мой где?

— Ваш отец арестован, — после недолгой паузы ответил Воронцов.

— Отпустите его, — попросила женщина. — Он ни в чем не виноват.

Воронцов пристально взглянул на Надю, в глазах его светился неподдельный интерес.

— А кто виноват? Может, вы?

— В чем виновата, в том признаюсь, — твердо ответила Надя.

Воронцов удовлетворенно улыбнулся, вынул из кармана ключ от амбарного замка и покрутил его на пальце.

— Ладно, — согласился он. — Нет проблем. Я отпущу вашего отца. Но при условии, что вы займете его место. — И, поймав вопросительный взгляд участкового, добавил: — Не волнуйтесь, только до утра. А утром мы все вместе пойдем на место преступления.

— Как скажете, — ответила Надя и вышла из комнаты.

— Чаго ж так быстро? — спросила ее бабуля. — Молочка, может, попьешь?

— Иди в хату, мамаша! — сердито бросил участковый, появившись на терраске, а сам вывел Надю во двор, проводил к бане и буркнул: — Давай сюда! Только тихо, чтоб старуха не услышала!

Нашел на ощупь замок, сунул ключ, откинул ушко. Дверь отошла в сторону беззвучно — благо, он накануне догадался смазать петли смальцем.

— Евсей! — позвал Шурик.

Надя оттолкнула его и забежала в темную утробу бани, крича:

— Папа! Папа!

Старик в темноте заохал, закричал и, шаркая ногами, вышел в предбанник. Остановился перед Шуриком, покачал головой и заговорил:

— Эх, позору тяперь не оберешься. В сорок втором фрицы тоже вели меня под конвоем. И больше никто и никола. Я все помню. Сягодня что сделаю — завтра вже забываю. А тое ще помню... Какой позор! Уся деревя бачила! Скажут, вот, наконец, Евсея арестовали, старого дурака, видать, украл что...

— Иди домой, дед! — поморщившись, сказал участковый. — Хватит болтать.

— Домой! — вздохнул Евсей. — Ты не то молодой, не то недоразвитый. Мне здается навряд, чтобы ты ничего не розумел. Ой, хлопчичек, как же мне жить-то тяперь? Стыдно ведь...

— Ты, дед, дрожжей в брагу достаточно насыпал? — злобно спросил Шурик, подбоченившись. — Почем будет сто грамм из новой выгонки? Не определился еще? Так вот определись сначала, а потом мы с тобой о совести и стыде потолкуем.

— Иди домой, папа! — легонько подтолкнула отца в спину Надя.

Евсей закашлялся, покрутил головой и, махнув рукой, поплелся на улицу.

— Там, на полатях, сено и одеяло, — обращаясь к Наде, буркнул участковый и закрыл дверь. Хотел навесить замок, но передумал и, словно какую-то скользкую тварь, кинул его на землю.

Когда Шурик вернулся в дом, телевизор уже был выключен, кресло пустовало.

— Спит? — спросил он у матери, снимая галстук и закидывая его на печку.

— Ушел! — ответила бабуля заговорщицким шепотом. — Я говорю: погулять? А он не сказал ничего и ушел! Это только я так подумаю: чтоб машину не сперли яго!

— Черт с ней, с машиной! — нервно дернул головой Шурик. — Да и с ним самим тоже!

Он зашел в свою комнату и, даже не сняв рубашку, грохнулся на диван.

Признание

Все изменилось. Прятаться, скрываться, подсматривать уже не надо было. Даша открыла калитку и вошла во двор. Она остановилась напротив крыльца, глядя по сторонам. Ночь упрятала мелкие предметы, сгладила детали, и все же полная луна позволяла увидеть черную ямку у куста сирени, похожую на могилу для собаки. Почему-то Даше пришла в голову мысль, что подобные чувства, какие сейчас испытывала она, переживают преступники, возвратившиеся на место преступления.

«Но в чем я виновата? — мысленно спорила она со своей совестью. — Кому стало хуже оттого, что я за ней следила? Я даже сделала ей лучше, когда вытащила из золы кусок тряпки! Вот была бы улика так улика! А теперь к Наде не придерешься. Поди, докажи, что дальнобойщик был с ней знаком!»

Даша приблизилась к светящемуся окну, тихонько постучала по нему и позвала:

— Леша!

Она замерла, прислушиваясь к тишине, которую изредка нарушали лишь тяжкие вздохи коровы, доносящиеся из сарая, и снова постучала, на этот раз громче.

— Не барабань, стекло вышибешь! — неожиданно раздался за ее спиной голос Лешки.

Даша вздрогнула, повернулась. Она увидела, как из темноты сада появляется фигура Лешки, и ей стало неприятно, что все это время он скрытно наблюдал за ней.

— Чего пришла? — спросил Лешка, садясь на лавку.

После такого вопроса любой ее ответ был бы похож на оправдание. И все же Даша поняла, что если не расскажет Лешке всей правды, то никакого разговора у них не получится.

Она села с ним рядом, украдкой поглядывая на его лицо, насупленные брови и глубокие морщины на лбу.

— Мать, как преступницу, под замок посадили, — произнес он со сдержанной ненавистью в голосе. — А до этого дед там полдня просидел. Сейчас пьет по-черному, плачет, говорит, что уйдет из деревни...

Он неожиданно резко повернул голову и в упор посмотрел на Дашу. Она подумала, что, если он сейчас ее ударит, то, наверное, она это заслужила, и на него нельзя обижаться.

— Здорово работаете, — сквозь зубы процедил парень.

— Леша, — прошептала Даша, с удивлением замечая, что признаваться во лжи и страшно, и стыдно. Она опустила голову, чтобы свет из окна не освещал ее лица. — Я сказала тебе неправду. Я вовсе не помощник следователя. И вообще, я не в прокуратуре работаю, а телятницей в совхозе «Путь Ильича»...

— А следователю помогала в качестве добровольной дружинницы? — с недоверием и насмешкой посмотрел он на нее.

Даша кивнула, потом пожала плечами. Рассказать ему, что она загорелась мечтой поступить на юридический? Глупо.

— Понятно, — вздохнул Лешка. — Помощница ты, конечно, усердная и добросовестная...

— Ничего они с твоей мамой не сделают, — пробормотала Даша. — Потому что нет доказательств... Ей только нельзя признаваться, что она знала водителя. Ни за что! Пусть молчит. И тогда они упрутся в непрошибаемую стену. Вон, Воронцов какой злой ходит! Никак не может доказать, что дальнбойщик приехал именно к твоей маме. А других версий убийства у него нет, вот он и идет ва-банк.

— Ты думаешь, он ничего не докажет? — со слабой надеждой взглянул на нее Лешка.

— Нет! — с искренним убеждением ответила Даша и невольно перешла на шепот: — Девяносто девять процентов даю, что не докажет. А если ты сейчас проводишь меня на луг, то будет все сто процентов.

— А зачем тебе на луг?

Даша с опаской посмотрела на черные овалы кустов. Она подумала, что за ними запросто может спрятаться или Шурик, или Воронцов. Она встала, взяла Лешку за руку и повела в сад.

— Мне кажется, — прошептала она, остановившись посреди огуречной грядки, — что в «КамАЗе» осталась фотография твоей мамы.

— С чего ты взяла?

— Мне водитель хотел ее показать, да не нашел... Она где-то в бардачке валяется.

— А ты разве... видела водителя живым? — удивился Лешка.

Даша поняла, что, если начнет рассказывать эту историю с того момента, как решила поехать автостопом на юг, то они увязнут в долгом разговоре и потеряют время.

— Это совсем неважно, каким я его видела, — ответила она. — Тебя должна интересовать только фотография! Пойдем, я одна боюсь, — и потянула его за руку.

Лешка был какой-то заторможенный. Похоже, на него произвели сильное впечатление слова Даши о том, что она видела водителя жи-

вым. Единственная из всей деревни! Глупые и ненужные мысли полезли ему в голову.

— Ну, что же ты! — прошептала Даша.

— Да, да, — забормотал он и дернул головой, словно хотел отряхнуться от этих мыслей, как от песка, случайно попавшего на него. — Пошли... — Но, не сделав и пяти шагов, сказал вдруг: — Нет! — и остановился.

— Ты чего? — не поняла Даша.

— Я сам пойду. Нечего тебе на луг соваться.

— Но ты не найдешь!

— Это мое дело! Ты не должна туда ходить, — твердо проговорил Лешка, и она сдалась.

— Тогда я буду ждать тебя здесь... Послушай, прихвати заодно и мой рюкзачок. Он на полке под матрацем лежит.

— Хорошо, — буркнул Лешка и пошел по саду вниз. Через некоторое время из темноты донесся его голос: — В хату иди. Там открыто...

Глава 28

Окровавленный платок

«А Шурик игрок! — думал Воронцов. — И нашим, и вашим... Нельзя ему доверять, нельзя...»

Он шел по ночному лугу неторопливо и расслабленно. Темнота надежно скрывала его, а влажная трава лучше любого ковролина приглушала шаги. Воронцов словно перестал существовать материально, и сейчас над лугом парила лишь его душа. Лучшее время и лучшее место для следственной работы!

Его глаза уже настолько привыкли к мраку, что он стал различать черные пятна лошадей, выведенных в ночное. Неподвижные, стреноженные, они дремали стоя и не чувствовали человека. Колючки напоминали вставшие дыбом космы, и Воронцов старательно обходил их, потому как знал, что за ними обязательно прячется яма с водой. Сырой воздух, казалось, тоже заснул в этой огромной лошадиной спальне. Никакого движения вокруг. Никаких звуков. Тишина и покой царствовали на лугу.

Вскоре Воронцов стал улавливать тихое журчание воды. Чем ближе он подходил к реке, тем отчетливее слышал всю гамму звуков, которые производило это большое, тяжелое, никогда не спящее существо. Запахло водорослями и рыбой. На поверхности воды сверкнули отблески луны, похожие на россыпь рваной и смятой фольги.

Теперь надо было взять левее и пройти еще метров сто. Воронцов ориентировался легко. Сейчас будет небольшая затока, поросшая колю-

чим кустарником, за ней пойдет ряд согнувшихся к воде ветел, которые вцепились в берег могучими корнями, и где-то между ними, скрываясь в ветвях и листьях, должен стоять «КамАЗ».

А вот и он. Темный, мрачный, словно заброшенный дом с заколоченными окнами. Воронцов приблизился к кузову, приподнял край брезента и посветил фонариком. На тощей подстилке из сена, накрывшись ватным одеялом с пестрыми заплатками, спал бессменный часовой Витька, средний сын участкового.

Воронцов потряс его за плечо. Парень крикнул, что-то пробормотал, вскинул голову, глядя дурными глазами на слепящий его свет, и испуганно воскликнул:

— Что?!.. Кто это?!..

— Свои, — негромко ответил Воронцов и посветил себе в лицо, чтобы Витька узнал его

— Ага, да... — забормотал Витька, на этот раз испугавшись взбучки. — Я только чуток прикемарил...

— Да ладно тебе! — снисходительно произнес Воронцов. — Топай домой. Теперь моя очередь дежурить.

Все еще плохо соображая, Витька перелез через борт кузова, спрыгнул на землю и, поеживаясь и покачиваясь, словно пьяный, побрел в темноту.

Воронцов постоял, глядя на звезды, потом подошел к кабине, посветил на наклеенную полоску бумажки с печатью и провел по ней пальцем, разрывая. Он уже взялся за ручку, чтобы открыть дверь, как услышал приглушенный звук, словно кто-то недалеко кашлянул.

Мгновенно погасив фонарик, Воронцов беззвучно отошел в кусты. Он был почти уверен, что это Витька вернулся, забыв что-нибудь в машине, и все же посчитал нужным сначала убедиться в этом, а затем уж выдавать себя.

То, что это не Витька, он понял очень скоро, разглядев в свете луны плечистый силуэт. Словно охотник, неожиданно увидевший рядом с собой зверя, даже дышать перестал, и его рука медленно потянулась к кобуре.

Человек, приближающийся к машине, либо ничего не боялся, либо был неопытным простофилей. Он не соблюдал минимальной осторожности. Прошел мимо кузова, не удосужившись заглянуть в него. Его обувь, скользя по мокрой траве, издавала отчетливый свистящий звук. В его движении угадывалась решительность, но в большей степени — торопливость. Подойдя к двери, он открыл ее. Тотчас на потолке кабины вспыхнул плафон, и Воронцов сразу узнал Лешку.

«Вот, оказывается, кто пожаловал!» — подумал он, испытывая ощущение закономерности всех явлений жизни, и, усмехнувшись, вернул пистолет в кобуру.

Лешка встал на подножку и запрыгнул в кабину. Дверь не стал закрывать, чтобы не погас плафон, опустил руки на руль и посмотрел на разноцветные флажки и вымпелы, висящие под потолком.

Воронцов стоял, не таясь. Его мало интересовало, что Лешка делает в кабине. К тому же он не спешил, так как спешить уже было некуда. Воронцов стоял перед забрызганным бампером, курил и наслаждался тихой ночью. Докурив, кинул окурок в воду, повернулся и медленно пошел к машине. Остановился перед дверью так, чтобы парень не мог увидеть его сверху.

Лешка, кажется, сделал все, что хотел. Он выпрыгнул из кабины, мягко прикрыл дверь, а потом надавил на нее, чтобы щелкнули замки. За мгновение до того, как стало темно, Воронцов заметил на его плечах небольшой матерчатый рюкзак. «С ним пришел или взял его в кабине? — подумал он. — Невнимательный стал. Старею».

А Лешка тем временем неуверенно двинулся в сторону деревни. Вынимая на ходу фонарик, Воронцов подбежал к парню, схватил его за плечо, с силой толкнул на борт и, направляя фонарик Лешке в лицо, словно дуло пистолета, выкрикнул:

— Стоять! Я следователь прокуратуры Воронцов! Руки за голову! Ноги расставить!

Лешка часто дышал и, морщась, смотрел на ослепительное, как солнце, пятно света. Не страх, а злость исказили его лицо. Видя, что парень не спешит выполнить его приказ, Воронцов несильно ударил его под ребра. Тот вздрогнул, развернул плечи, сжал кулаки и вызывающе воскликнул:

— А что вы на меня набросились? Что я сделал?

— Зачем ты залез в чужую машину, тем более что она была опечатана?

— Она не была опечатана! — дерзко ответил Лешка.

«Эх, парень! — подумал Воронцов, начиная нервничать. — Как тебе будет плохо!»

— Ну, хорошо, — улыбнулся он, хотя вряд ли Лешка мог увидеть эту улыбку, и повторил: — Зачем ты залез в чужую машину?

— Переночевать хотел! — процедил Лешка. — Дома, видите ли, очень тоскливо! Мамы нет! Ее арестовали!

Злость столь неожиданно вскипела в душе у Воронцова, что он не сдержался и влепил ему пощечину.

— Тебя научить вежливости, сопляк?

Лешка дернул головой и оскалил зубы:

— А вы не машите здесь своими руками! Я могу и сдачи дать!

— Не наглей, Клинецов!

— А вы не придирайтесь без всякого повода! Я ничего в этой машине не украл!

«Нет, — подумал Воронцов. — Так у нас разговора не получится!»

Сжав фонарик в кулаке, он с силой ударил Лешку в живот. Парень ахнул, согнулся и вдруг резко подал голову вперед. Воронцов не успел отпрянуть, и Лешкин лоб въехал ему прямо в нос. Следователю показалось, что перед его глазами вспыхнула петарда. Ошалев от боли, он схватился рукой за нос, из которого уже начала хлестать кровь, и попятился. Лешка тотчас воспользовался замешательством и со всех ног рванул вдоль реки.

— Стой, Клинцов! — не своим голосом заорал Воронцов, теряя контроль над собой от боли и злости. Его рука машинально потянулась к кобуре.

Лешка быстро удалялся. Тогда он выхватил из кобуры пистолет и снял предохранитель. Ему казалось, что унижение, которое он переживает, давит на него, словно гигантский пресс, размазывая как дождевого червя по асфальту.

— Клинцов!! Стоять!! — в отчаянии крикнул Воронцов, понимая, что уже через мгновение фигура парня растворится в ночи, и, вскинув руку с «Макаровым», несколько раз быстро нажал на спусковой крючок.

И тут же почувствовал, как страшная тяжесть начинает отпускать. Он с облегчением выдохнул воздух из груди, поставил пистолет на предохранитель, сунул его в кобуру и, светя фонариком под ноги, пошел к неподвижно лежащему на траве Лешке. Опустившись перед парнем на колени, прижал к его горлу ладонь и на мгновение замер. Он не нащупал пульса, но никаких грустных чувств по этому поводу в его душе не всплыло. Сняв с плеч Лешки рюкзачок, Воронцов раскрыл его и вытряхнул на траву зонтик, несколько полиэтиленовых пакетов с трусиками, купальником, пляжными тапочками, маслом для загара и прочим барахлом. Закинув пакеты обратно, стал прощупывать верхний клапан рюкзака. Его пальцы наткнулись на какой-то твердый предмет. Расстегнув «молнию», он сунул руку в карман и вынул нечто похожее на мобильный телефон в кожаном футляре.

«А вот это очень кстати! — подумал Воронцов, рассматривая в свете фонарика прибор для самозащиты — электрошокер. Осторожно надавил на красную кнопку, и между двух стальных шариков с сухим щелчком проскочила голубая молния. — Такой штукой запросто можно вырубить человека на несколько минут. Просто и надежно. А самое главное — никаких шрамов на теле».

Он обыскал карманы в Лешкиных джинсах и нашел в одном из них цветную фотографию. На ней была изображена Клинцова, которая сидела на лавочке перед своим домом с кошкой на руках. Воронцов усмехнулся, сунул снимок в Лешкин карман, чтобы извлечь его при обыске в присутствии понятых. В другой карман убитого затолкал электрошокер. Уже хотел встать и уйти, но заметил еще один карман на рубашке. Пришлось проверить и его.

«Ерунда какая-то! — с недоумением подумал Воронцов, вытащив окровавленный платок. — Стрелял же в спину! Откуда здесь кровь?»

Все уже красиво и ровно сложилось, и этот вопрос был лишним и вредным, подобно ведру нефти, которым можно испоганить кристально-чистое лесное озеро.

Он отшвырнул платок в сторону, поднялся на ноги и быстро пошел в деревню.

Глава 29

С повинной

Даша проснулась как от толчка, увидела в окнах солнечный свет, вскочила с кресла и кинулась во двор.

— Леша! Леша! — несколько раз позвала она.

Голова кружилась. Сердце колотилось часто и сильно, словно требуя чего-то. Даша зачерпнула рукой из бака дождевой воды и сполоснула лицо. «Уснула, не дождалась! — подумала она. — Где же Лешка? Может, пошел мать наведать, а меня будить не стал?»

Она заперла входную дверь, ключ спрятала под шифером и пошла «домой», как все эти дни мысленно называла хату, где жила мать участкового.

Воронцов сидел на терраске и пил чай. Бабуля копошилась в огороде. Кошка наматывалась следователю на ноги и смотрела на него желтыми глазами.

— Ты почему еще здесь? — не скрывая недовольства, спросил он, отставляя чашку. — Я же тебе русским языком сказал: уезжай! Тебе здесь больше нечего делать! — Затем поднялся, крепко, до боли, сжал ее руку и вывел на улицу.

Даша шла, не чувствуя под собой ног.

— Юра, — произнесла она, не в силах сопротивляться. — Юра... Скажи, пожалуйста... Все то, что ты говорил мне тогда... ну, помнишь...

— Ни слова больше! — перебил ее Воронцов. — Об этом поговорим позже. Я сам тебя найду. А сейчас ты должна как можно быстрее отсюда уехать. Как можно быстрее! Сейчас мы зайдем к директору, я попрошу у него машину, и ты с ветерком доедешь до города.

Они шли быстро, будто опаздывали куда-то.

«Нет, он меня не любит, — с каким-то обреченным спокойствием подумала Даша. — Он даже не хочет на меня смотреть. Но что же случилось? Он ведь говорил, что я необыкновенная девушка... Разве можно так быстро разлюбить? Причины ведь никакой не было!»

Они прошли мимо закрытого магазина и бывшего пошивочного ателье. Даша хотела остановиться, отдышаться, подумать над тем, что происходит, но Воронцов не отпускал ее руки.

— Дорога подсохла, — произнес он, отвлекшись от своих мыслей. — Доедешь с ветерком. А я тебя потом найду...

Впереди показался дом с выцветшим флагом на фасаде.

«Вот и все! — вдруг необычайно ясно и остро поняла Даша. — Сейчас мы расстанемся навсегда. И Юра умрет для меня. А я умру для него. Я уже чувствую это... Я уже понимаю, что такое смерть... она приближается... Но я не хочу умирать! Господи, почему же он не смотрит на меня?»

Она решительно остановилась и повернулась к нему. Он продолжал все так же крепко сжимать ее руку.

— Юра... — начала Даша.

Но он не дал ей договорить. Продолжая рассеянно смотреть по сторонам, только бросил резко:

— Тебе надо идти!

— Юра, а ты знаешь... — прошептала Даша. Ее лицо побледнело, губы задрожали. — А ты знаешь...

— Ну что?! Что?! — вдруг со злостью выкрикнул Воронцов и так сжал ее руку, что она от боли прикусила губу. Но через мгновение ее лицо расслабилось, брови опустились, губы разомкнулись.

— А ты знаешь, что дальнобойщика убила я?

До Воронцова не сразу дошел смысл этих слов. Он скривился, потом поморщился и переспросил:

— Что?

— Я убила дальнобойщика! — громче повторила Даша.

— Что ты несешь, дурочка? — Пальцы Воронцова невольно разжались, и он отступил от Даши на шаг. — Ты соображаешь, что говоришь?

— Что было, о том и говорю, — спокойно ответила Даша.

— Так! — снова схватил он ее за руку. — Пошла отсюда, соплячка! Вон отсюда! Бегом!! Чтоб духу твоего здесь не было!

Даша сделала два шага, остановилась и повернулась к нему:

— К кому же мне с повинной идти?

Воронцов шагнул к Даше с таким видом, словно готов был немедленно ее придушить.

— Я тебе сейчас такую повинную сделаю! Такую повинную! — зашептал он, размахивая пальцем перед лицом Даши. — Ты что, в тюрьму хочешь? На нары хочешь?

— Не хочу, но перед законом все равно придется ответить... — тихо, но решительно ответила Даша. — Если ты не зафиксируешь, что я пришла с повинной, то пойду к Шурику.

Воронцов с шумом выдохнул, словно выпил стакан водки, убрал упавшие на лоб волосы и, сунув руки в карманы, усмехнулся:

— Значит, это ты убила водителя?

— Да, я.

— И как, интересно знать, ты это сделала?

— Оглушила электрошокером, а когда он упал в реку, села на него верхом.

— Чем оглушила?!

— Электрошокером! — повторила Даша. — Это такая штучка — тысячу вольт выдает! Я ее всегда с собой ношу на всякий случай.

Воронцов смотрел на Дашу и покусывал губы.

— И зачем ты это сделала?

— Деньги нужны были.

— Нашла?

— А чего их искать? Они у него в бардачке были. Пока он оттуда мыло доставал, я подсмотрела. Там во-о-от такенные пачки лежали!

Воронцов не сводил глаз с Даши.

— Ладно, — сказал он. — Пошли назад. Напишешь подробно все, как было, и поставишь подпись.

— Хорошо, — кивнула она. — Только я сначала тебе все своими словами расскажу, а потом уже напишу. Мне так легче будет.

Они пошли в обратную сторону.

— Понимаешь, — говорила Даша, — когда машина едет, я сплю крепко, а когда останавливается, сразу просыпаюсь. Привычка такая. Сплю я себе на верхней полке, а он заруливает на этот луг и останавливается. Я, естественно, просыпаюсь. Приоткрываю глаза, а он полотенце на шею вешает и мыльницу из бардачка достает. Я смотрю — а там «бабок» немереное количество.

— И ты сразу решила его убить? — недоверчиво произнес Воронцов.

— Нет, — возразила Даша и покрутила головой. — Сначала я подумала, что только оглушу его. А потом представила, как он очухается и заявит на меня в милицию, и сразу решила: свидетелей надо убирать, то есть, концы в воду. Это самый надежный способ...

— Дальше! — прервал ее Воронцов. — Он взял мыло, полотенце...

— А я взяла электрошокер — и за ним. Говорю, что тоже хочу искупаться, только надо сначала дно проверить, а то я на корягу боюсь наступить. Он закатал штаны и пошел. Я за ним. Улучила момент и ткнула электродами ему в затылок...

Воронцов полез за сигаретами в карман. Даша видела, как дрожат его пальцы.

— Села на него верхом, как на бревно, — продолжала она, — посидела минут пять. Он даже не дергался.

— И тебе не было страшно?

— Конечно! — с иронией произнесла Даша. — Я что, киллерша? Да у меня все поджилки тряслись. Потом вернулась в машину, выгребла все деньги, завернула их в пакет и отнесла на другой берег. Там куст над водой свисает, я под него засунула.

— И деньги до сих пор там? — быстро спросил Воронцов, часто и глубоко затыгиваясь.

— Должно быть, там. Место, конечно, фиговое. Пастухи всякие, мальчишки... Когда вы с участковым к «КамАЗу» подошли, я решила сверток перепрятать. Сделала вид, что хочу искупаться. Но ты ж мне не дал! Кинулся на меня, словно насильник какой!

— А почему ты сразу не убежала, как водителя грохнула?

— Я что — больная? Будто не знаю, что из деревни незамеченной днем не выйдешь! Решила, если останусь в машине, то милиция не подумает на меня. Что ж это за убийца такая, которая даже не пытается смыться с места преступления! — Даша сделала короткую паузу, чтобы перевести дух. — Сначала я наврала тебе про телевизоры и компьютеры, а потом придумала любовницу, которая якобы живет в этой деревне...

Воронцов вдруг поперхнулся, закашлялся и, схватив Дашу за плечо, остановил ее:

— А сейчас ты не врешь, девочка?

— Какой смысл теперь врать? — ответила она.

— А с какой стати ты вдруг решила признаться? Зачем? Тебя никто не подозревал! Я тебя отпустил на все четыре стороны! Участковый принес мне список, и в нем были три телятницы, которые попали под подозрение. Все! Следствие пошло по ложному пути! Тебе оставалось только дожждаться ночи, взять деньги и уйти!

— Эх, Юрочка, — грустно улыбнулась Даша. — Я так и собиралась сделать. Но сама же все испортила.

— Что ты испортила?

— Электрошокер ведь остался в «КамАЗе»! А это улика. Я стала думать, как бы его забрать. И придумала послать за ним Лешку. Всю ночь ждала, а он не пришел. И я все поняла...

— Что поняла? — изменившись в лице, произнес Воронцов. — Ну, что ты поняла?

— Что вы его арестовали, — пролепетала Даша, не понимая, почему на последние слова Воронцов так странно реагирует. — Значит, нашли «электрошок», и теперь мне все равно не отвертеться. Днем позже или раньше вы меня арестуете — разница небольшая. А вот за явку с повинной мне срок скостят.

Воронцов выплюнул сигарету и провел ладонью по вспотевшему лбу. Он побледнел, и Даша с испугом подумала, что ему стало плохо. Но он вдруг вскинул голову, сжал губы и наотмашь ударил ее ладонью по лицу.

— Какая же ты сволочь, Даша, — прошептал Воронцов, и глаза его стали пустыми и холодными. — Какая же ты дрянь... Ты гадина! Гадина!

Казалось, в нем будто что-то взорвалось. Схватив девушку за шею, он с силой толкнул ее, потом ударил кулаком между лопаток и закричал страшным голосом:

— Бегом!! Вперед!! Под замок!!

Глава 30

Спазм

Бабуля резала на доске морковь и негромко разговаривала сама с собой:

— А плохо, знаешь, что луку нет. Шурик мне принес немножко. Дак он як-то попортився сразу. Зяленый у некоторых еще есть. Но я, правда, зяленого нигде не посадила. Луку нет. А харчи надо з луком, что не делать — лук надо...

Воронцов не слушал ее. Он сидел в кресле, уставившись в маленькое запотевшее окно. Шел дождь, и в комнате было сумрачно. Кошка спала на подоконнике, накрыв розовый нос лапой. В печке потрескивали дрова.

Дверь вдруг распахнулась, и на пороге застыла тяжелая фигура участкового. Он был в форме, но без фуражки. Брюки его до колен были вымазаны в грязи. Рубашка насквозь промокла и плотно прилипла к телу.

— Сидишь? — невнятно, на выдохе, произнес Шурик и покачнулся. — Сухой? Теплый? Ножки не промочил?

— Ты где так нажрался? — равнодушно спросил Воронцов.

— Дверь закрывай, холоду напустишь! — звонко крикнула бабуля.

— К черту!! — дурным голосом заорал участковый, заваливаясь в комнату. Он неловко взмахнул рукой и сорвал со стены рукомойник. — Все к черту! Всю эту поганую жизнь! И тебя, следак, тоже к черту!

— Отоспись, потом поговорим, — ответил Воронцов и, раскрыв книгу, сделал вид, что читает.

Участковый сделал еще шаг и едва не упал на верстак.

— Не-е-ет!! Ты сперва меня послушай!

— Или спать, дурень! Не позорься! — кинулась к сыну бабуля.

— Тихо, мамаша!

Он повернулся к Воронцову, и тотчас на пол полетел таз с картофельными очистками. Кошка, проснувшись, на всякий случай ретировалась на печь, к котяткам.

— Вот... Вот!! — кричал участковый, вытаскивая из кармана клочок мокрой бумаги. — Только что... звонили директору из лаборатории... Вот теленофо... телефонограмма... — Он покрутил головой и тяжело оперся о распахнутую дверь.

— Что? Звонили из лаборатории? — переспросил Воронцов и привстал. — Ну? Говори! Какой вывод?

— Он умер от спазма сосудов, — прошептал Шурик и ударил себя ладонью по лицу. — Боже мой, боже мой... Зашел в холодную воду... внезапная остановка сердца... смерть...

Воронцов, не веря своим ушам, выхватил из руки участкового слипшуюся от воды бумажку, но развернуть ее не смог, она, как тесто, расплзлась по его рукам.

— Ну? — плывущим взглядом посмотрел на него участковый. — Как ты теперь выкручиваться будешь? А?

— Не твое собачье дело! — отпарировал Воронцов, швыряя в печь бумажный комок.

— Нет, мое! Мое! — закричал Шурик и схватил его за лацканы пиджака. — За что ты убил парня?! За что мальчишку пристрелил?!

Воронцов оттолкнул его от себя — тот, не удержавшись на ногах, упал на пол — и твердым голосом произнес:

— Я защищал свою жизнь. Он пытался меня убить... Впрочем, не тебе объяснять это. Прекрати истерику и приведи себя в порядок. Тебя пока еще никто не уволил. — Он снова сел в кресло, но тотчас вскочил, словно это был электрический стул, и обратился к Шурику, который с трудом поднимался на ноги, со словами: — Освободи задержанных. И скажи этой... Клинцовой... про сына. Она еще ничего не знает. — Толкнул дверь и вышел на терраску.

— Куда ж в такой дождь? — испуганным голосом спросила старушка.

— Пойду немного погуляю, — ответил Воронцов, поднимая воротник пиджака. — Голова кругом от всех этих новостей...

Он быстро вышел со двора и, не обходя луж, зашагал вниз по Глуховке. Дорога опять раскисла, подошвы ботинок скользили по глине, как по маслу, и Воронцов все время смотрел под ноги, чтобы не упасть. Он так и прошел мимо дома Евсея, не обратив внимания, что окна заколочены досками.

Глава 31

Когда расцветет земля

Даша бежала по лугу, придерживая на груди края тонкого полиэтиленового плаща. Дождь почти закончился, и над травой поднимался пар. Вытя-

нув красные ноги и распрямив белые, с черной полосой крылья, высоко в небе парил аист. Лошади щипали мокрую сочную траву. Вдоль реки шли мальчишки с удочками на плечах.

Она выбилась из сил и перешла на шаг. Воронцов в мокром, потерявшем форму пиджаке стоял недалеко от «КамАЗа», на самом берегу, и смотрел на воду. Наверное, он услышал ее частое дыхание и обернулся. Но только на мгновение. Его взгляд опять вернулся к реке.

— Хочешь, скажу, откуда все беды? — спросил он, зная, что Даша уже рядом и слышит его.

Она не ответила. Остановилась у куста колючки, наклонилась и подняла втоптаный в траву мокрый платок с бурыми разводами.

— Вы, бабы, очень глупые, — продолжал Воронцов ровно и неторопливо, словно читал реке монолог из какой-то пьесы. — И Клинцева очень глупая. Она думала, если мужик с ней переспал и сказал ей нежные слова, значит, он ее любит. Ха-ха-ха! Как печально и смешно! Как трогательно и драматично!

Даша слушала и медленно шла по траве, глядя под ноги, словно хотела найти еще что-нибудь. Она приблизилась к кабине «КамАЗа», дверь которого была распахнута, а пол присыпан пеплом и раздавленными окурками дорогих сигарет.

— Голый инстинкт! Ничего более. Только он — циничный, вечный и беспощадный... Ну, случается так, что нам, мужикам, хочется бабу! Простите нас за это, ради бога! Ну, ничего не можем с собой поделат! Вот и все! — Он повернулся, встретился с ней взглядом и участливо спросил: — Дашенька, может, дать тебе денег?

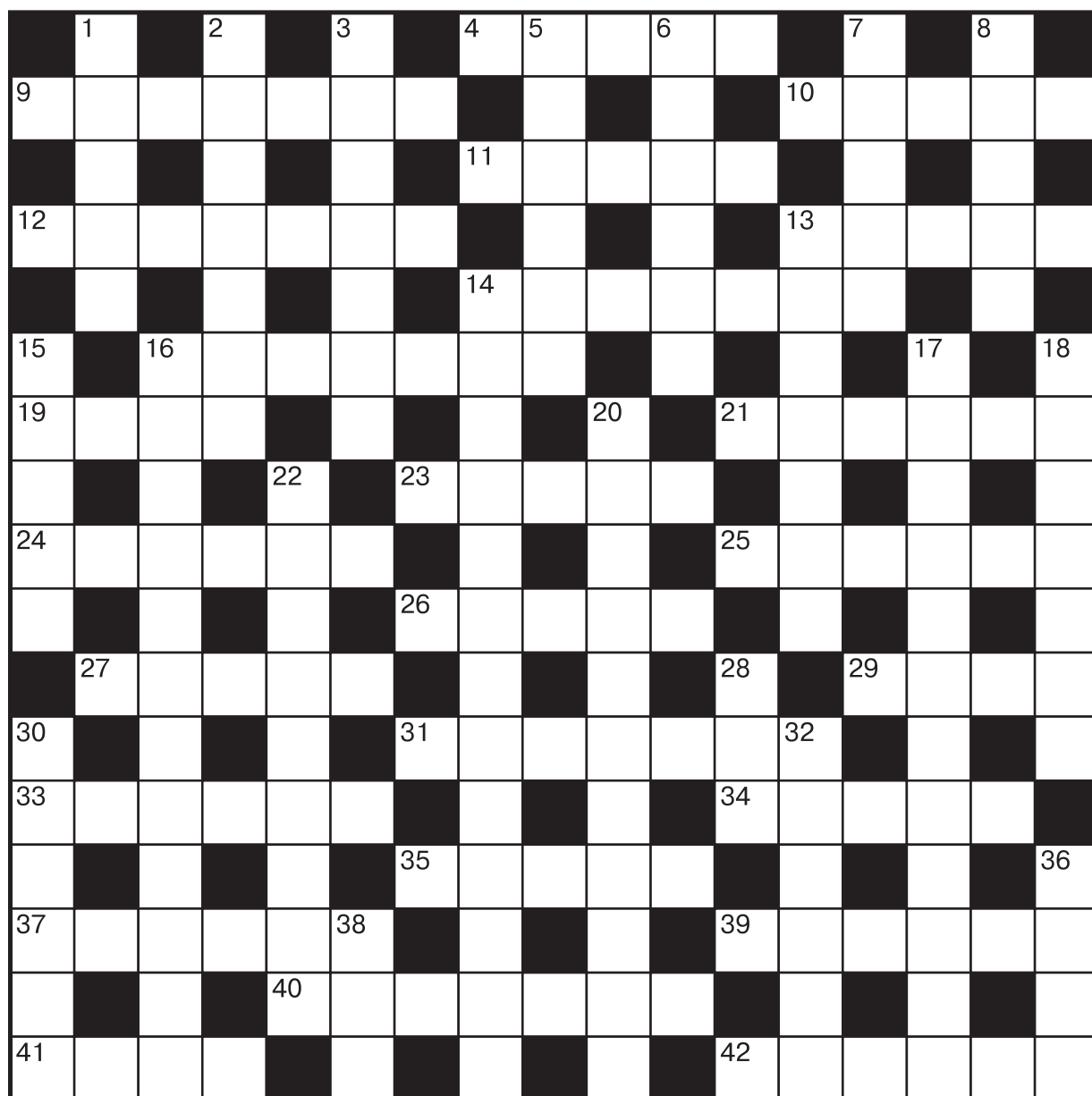
Его взгляд вдруг остановился на ее руке, в которой она крепко сжимала молоток.

— Нет, — ответил он сам на свой вопрос, снова поворачиваясь лицом к реке. — Деньги не помогут. Эту проблему не решить. Но вот если нам всем стать животными, снова превратиться в обезьян, то Земля расцветет, как клумба после теплого дождя...

Даша ударила его по затылку сильно, с широкого замаха и успела отчетливо увидеть, как молоток пробил кость и вошел в мозг. Воронцов упал в реку лицом вниз. Слабое течение поволокло его, вытащило на отмель, и он остался лежать там, с широко раскинутыми руками, словно пытался обхватить землю.

Она бросила молоток в воду, сняла босоножки, вброд перебралась на другой берег и, не оглядываясь, быстро пошла по лугу в невидимую даль, затянутую туманом... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Чей герой из «Зеленой мили» стал долгожителем поневоле? **9.** «Легкие шаги» ужаса. **10.** Подарок Бахуса старику Силену из пушкинского «Торжества Вакха». **11.** Барский кинолог. **12.** Ов-

сяные хлопья с медом на завтрак. **13.** Хищница, чья ненасытность даже вошла в поговорку. **14.** Где похоронен великий французский писатель Виктор Гюго? **16.** Мастер своего дела. **19.** Трюк ученого. **21.** В ка-

ком качестве убийца использует гитарную струну? **23.** Змея с надувной шеей. **24.** Ростовский ... послужил для съемок фильма «Иван Васильевич меняет профессию». **25.** Она может проспать три года. **26.** Что предсказала гадалка из рассказа «Хиромантия» Михаила Зощенко? **27.** Кто, как считает Игорь Губерман, «способен на зигзаги, непостижимые уму»? **29.** Кусочек молекулы. **31.** Что русский художник Казимир Малевич полагал «зародышем всех возможностей»? **33.** Звезда нашего кино, отсидевший двадцать пять лет в лагерях при сталинском режиме. **34.** Игра в «летающие дробочки». **35.** Что нужно, кроме шаров, для игры в боулинг? **37.** Второе имя Карла Маркса. **39.** Резиновый трубочист. **40.** Знак, чтобы превратить комплимент в издевку. **41.** Что обычно отбивал рукой Владимир Маяковский, сочиняя стихи? **42.** Военный доклад.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Приключенческая драма «Идеальный ...» с

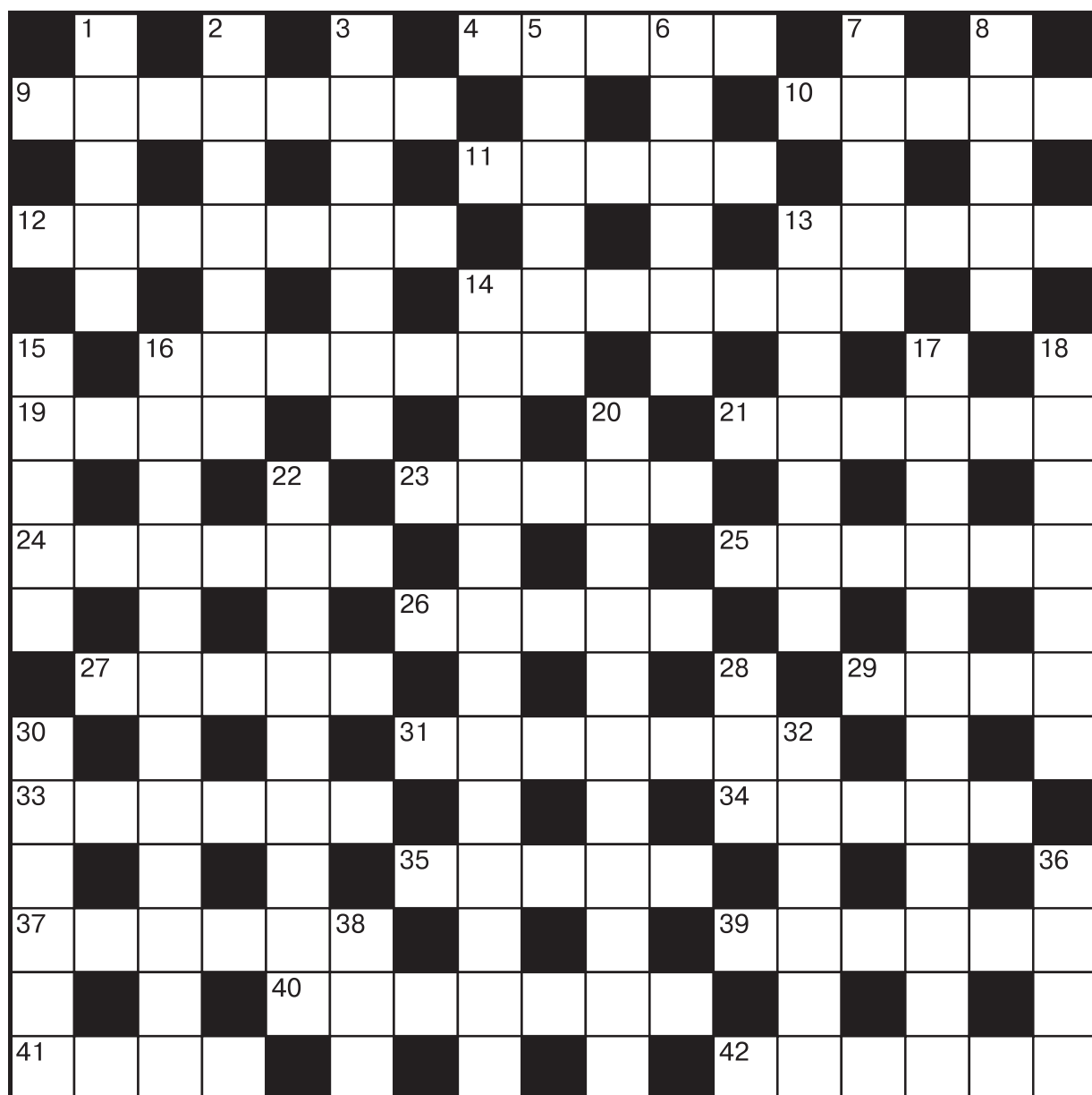
Джорджем Клуни в главной роли. **2.** Проезд насквозь. **3.** Погоны на мундире героя комедии «Большие маневры». **5.** Неистовство восторга. **6.** Экипаж Чацкого. **7.** Кто из русских коллекционеров заказал Анри Матиссу первый вариант «Танца»? **8.** Что в 1904 году Черногория объявила Японии, желая доказать свою симпатию к России? **13.** Лодка на картине «Венеция» русского художника Ивана Айвазовского. **14.** Герой опознания. **15.** Чем знатоки советуют мыть ноги, чтобы их неприятный запах сразу же улетучился? **16.** Пигмей с самомнением. **17.** Поругание церковной святыни. **18.** Общага цвета хаки. **20.** Мясной колобок в супе. **22.** «Если из мебели у вас один журнальный столик, то, скорее всего, вы все-таки не журналист, а ...» **28.** Какое озеро окрестили «морем Сахары»? **30.** Горец на коне. **32.** Дирижер банкета. **36.** Какой газ медики применяют как для наркоза, так и для удаления бородавок? **38.** «Разогретый холодец», снимающий тяжелое похмелье.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Саблист. **7.** Шанс. **10.** Шляпа. **12.** Беспокойство. **13.** Сглаз. **15.** Варьете. **16.** Казино. **19.** Лун. **20.** Партер. **24.** Осло. **25.** Старгород. **27.** Соха. **28.** Виардо. **29.** Стадион. **30.** Участь. **31.** Хичкок. **33.** Гол. **36.** Вуаль. **37.** Львенок. **40.** Шуман. **42.** Рерих. **43.** Дмитрий. **44.** Хруст. **45.** Треть. **46.** Рассказ.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Фляга. **2.** Сплав. **4.** Ателье. **5.** Лопата. **6.** Секс. **8.** Автоинструктор. **9.** Скороговорка. **11.** Айран. **14.** Замес. **16.** Кузов. **17.** Опоссум. **18.** Крахмал. **21.** Ртуть. **22.** Среда. **23.** Колокол. **26.** Дирижер. **29.** Стоун. **32.** Пломба. **34.** Львица. **35.** Пудра. **36.** Вакса. **38.** Недра. **39.** Кисть. **41.** Утес.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** *Coregonus autumnalis migratorius*, плавающий в Байкале. **9.** Основатель Фонда охраны дикой природы, чье имя в числе прочих «с гордостью носят» редкий пресноводный краб с Шри-Ланки, эквадорская лягушка и мадагаскарский клоп. **10.** Профан за компьютером. **11.** Древнеримская директи-

ва. **12.** На какой японский остров обрушилась самая большая цунами высотой 85 метров? **13.** Преданное служение Аллаху. **14.** Пони с острова Суматра. **16.** Освежающие напитки с фруктовым соком у бразильцев. **19.** Двойная корона фараона. **21.** Русский композитор, в доме которого Петр Чайковский впер-

вые исполнил свою «Патетическую» симфонию, не зная, что прощается с Москвой навсегда. **23.** Импресарио Рудольфо Валентино. **24.** Рыбка из Южной Америки, отдающая себя на съедение своему потомству. **25.** Кворум для общей молитвы у иудеев. **26.** Магистр игры в бисер из Касталии, утонувший в реке, приняв вызов своего ученика. **27.** Что отплясывает нечистый из рассказа «Черт на колокольне» Эдгара По? **29.** Самая любимая Айседорой Дункан из усыновленных ею дочерей. **31.** Какой художник первым ввел декорации в театре древних греков? **33.** «Карликовая» аватара Вишну. **34.** «Женщина знает смысл любви, а мужчина — ее цену» (финский классик). **35.** Узбекская окрошка. **37.** Светлый штрих для оживления лица в русской иконописи. **39.** Какой Давид раскрутил русский футуризм? **40.** Озеро, где располагалась столица ацтеков — Теночтитлан. **41.** Ягоды против холестерина. **42.** «Ротвейлер Дарвина».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Прозвище киногероя Роберта де Ниро из культового гангстерского фильма «Однажды в Америке». **2.** Балтийский бог, восседавший на вороном коне, держа девять копий. **3.** Первый русский патриарх, посетивший Париж. **5.** Гольфы на матадоре. **6.** «Вольтер древности». **7.** Летающий слоненок из диснеевского мультфильма. **8.** «Русский хоккей». **13.** Кот из сказки Людмилы Улицкой про одинокую мышь. **14.** Дневная бабочка, которая ничего не ест. **15.** Какую игру восточные поэты сравнивают с непостижимыми силами судьбы? **16.** Экстремальная дисциплина в парашютном спорте. **17.** Первый издатель «Доктора Живаго». **18.** Авиакомпания «летающих кенгуру». **20.** Оса, которая откладывает яичко в почку дуба, превращая ее в питательный амбар. **22.** Французский шлем. **28.** Военачальник у викингов. **30.** Японский театр кукол. **32.** Самая изысканная ветчина из Испании. **36.** «Тихо, на короточках, в пятнах зари слушают ... старика косари». **38.** Пивной бочонок.

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Санборн. **7.** Пиза. **10.** Лепаж. **12.** Меланохромис. **13.** Мухач. **15.** Дирндль. **16.** Реннин. **19.** Мат. **20.** Аслауг. **24.** Огам. **25.** Сорокопут. **27.** Лифт. **28.** Мюсост. **29.** Диаулос. **30.** Цитрат. **31.** Лазури. **33.** Чоп. **36.** Бадан. **37.** Диоксид. **40.** Бифун. **42.** Акнан. **43.** Дзадзен. **44.** Элефы. **45.** Стинг. **46.** Айбалта.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бенуа. **2.** Кавад. **4.** Абеона. **5.** Брайль. **6.** Раоб. **8.** Иммуноглобулин. **9.** Аксонометрия. **11.** Аррет. **14.** Чирус. **16.** Разум. **17.** Карлица. **18.** Клафутэ. **21.** Горит. **22.** Тотус. **23.** Корогод. **26.** Тюкалка. **29.** Дацан. **32.** Банзай. **34.** Пимент. **35.** Филле. **36.** Бурфи. **38.** Скъта. **39.** Данна. **41.** Адда.

Уважаемые читатели! Вы можете оформить подписку на любой номер 2015 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181040000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта досрочная подписка
на журнал «Смена» на I-е полугодие 2016 года.

Каталог
«Газеты Журналы»
Спецвыпуск

Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров,
инвалидов и ветеранов

Индекс 70820 — для остальных подписчиков

Подписка на текущие месяцы проводится по следующим индексам:
71518 (льготный), 70820, 99406, 88998 (адресный).

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2015 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на вторую половину 2015 года или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2015 года. Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

